

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

Ш. ЮСУПОВ

ВАХШСКАЯ ДОЛИНА
НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Под редакцией академика
АН Таджикской ССР
Б. И. ИСКАНДАРОВА

ДУШАНБЕ — 1975

Автор на основе архивных материалов, исторической литературы и устных сообщений освещает социально-экономические, политические и культурные отношения в Вахшской долине, в частности в Курган-Тюбинском бекстве Бухарского эмирата. До настоящего времени по истории Курган-Тюбинского бекства конца XIX—начала XX в. не проводились специальные исследования.

В работе дается описание географического положения и населения бекства, кратко излагаются сведения по истории края до его присоединения к эмирату. Кроме того, характеризуется административный строй и система управления. Основное внимание уделено социально-экономическому строю в Курган-Тюбинском бекстве в рассматриваемый период, подробно освещаются состояние сельского хозяйства, аграрные отношения, ремесло, торговля, налоговая система, положение трудящихся масс бекства. При освещении всех исторических событий использован большой фактический материал, к которому автор подошел с марксистских позиций. Изучение дореволюционного уклада населения Курган-Тюбинского бекства даст возможность еще лучше оценить все то, что дала трудящимся Таджикистана Великая Октябрьская социалистическая революция.

Книга рассчитана на специалистов-историков, учителей средней школы, краеведов и на читателей, интересующихся историей дореволюционного Таджикистана.

Ю $\frac{10604-006}{M532-75}$ 70—75

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ», 1975 г.

ВВЕДЕНИЕ

Присоединение Средней Азии к России имело прогрессивное значение. Был положен конец разорительным междоусобным феодальным войнам.

Под влиянием проникновения русского капитала в экономику Бухарского эмирата, в том числе его наиболее отдаленных районов, наблюдался упадок некоторых местных кустарных промыслов. Зато увеличился приток товаров из России. Вызванные этим социально-экономические изменения выразились прежде всего в общем подъеме производительных сил и в развитии товарно-денежных отношений не только в центральных районах эмирата, но также и в одном из отдаленных бекств Восточной Бухары — Курган-Тюбинском.

Изучение политических, социально-экономических отношений в отдельных областях дореволюционного Таджикистана помогает вскрыть своеобразные черты феодальных отношений в колониальный период, а это в свою очередь является важной и актуальной задачей, позволяет исследователям глубже познать основные закономерности развития феодального и капиталистического общества.

Вопросы политических, социально-экономических отношений в Восточной Бухаре исследованы в отдельных работах, посвященных Гиссарскому, Дарвазскому, Каратегинскому и Кулябскому бекствам.¹

Однако в исторической литературе до сих пор не исследованы вопросы истории дореволюционного периода бывшего Курган-Тюбинского бекства.

Автор поставил перед собой цель всесторонне осветить социально-экономические и политические отношения бекства конца XIX и начала XX вв. Значительное место в работе уделено прогрессивному значению установления русского протектората над Бухарским ханством.

В работе использованы материалы Центрального государственного архива Узбекской ССР из фондов канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства, дипломатической части при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, Российского императорского политического агентства в Бухаре, а также из фондов канцелярии бухарского кушбеги.

Автором были использованы также некоторые материалы Архива внешней политики России (АВПР) в г. Москве и Ленинградского государственного исторического архива СССР.

Кроме указанных материалов, автор использовал статьи и заметки, путевые очерки различных путешественников, посетивших Бухарское ханство и в том числе Курган-Тюбинское бекство, опубликованные в дореволюционной периодической печати: в газете «Туркестанские ведомости» (1870—1917 гг.), в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», в «Известиях Русского географического общества», в «Историческом вестнике» и др. Используются также и «Туркестанские сборники».

Литература, привлеченная для данной работы, по своему методологическому характеру подразделяется на литературу дореволюционного периода и советскую.

К литературе дореволюционного периода относятся отдельные работы путешественников, этнографов, ботаников, а также работы царских офицеров, военных топографов, чиновников и других лиц, посетивших Курган-Тюбинское бекство во второй половине XIX и в начале XX вв.

Первым русским исследователем, посетившим Вахшскую долину, был Н. А. Маев, возглавивший в 1875 г. экспедицию, целью которой было уточнить местонахождение городов и населенных пунктов Восточной Бухары и в том числе Курган-Тюбе. После посещения этих мест Н. А. Маев дал первое краткое географическое и историческое описание Вахшской долины. Вначале оно печаталось в виде статей в газете «Туркестанские ведомости», а затем (в 1876 г.) вышло отдельной книгой под названием «Очерки Бухарского ханства, Гиссарский край, Куляб и побережье Аму-Дарьи».² В 1879 г. эта работа была напечатана в статистическом «Ежегоднике».³

В начале 1877 г. Восточную Бухару, в том числе и Курган-Тюбинское бекство, посетил полковник Матвеев, который описал пограничную с Афганистаном часть бекства по реке Пяндж.⁴

Несколько позже, в 1886 г. капитан генерального штаба Н. Н. Покотило совершил поездку в центральную и восточную часть Бухарского ханства и написал об этом отчет.⁵ Наряду с другими бекствами автор рассматривает и Курган-Тюбинское, сообщает ценные сведения о системе управления бекством, о состоянии зерноводства, хлопководства и других отраслей сельского хозяйства края.

В 1898 г. Вахшскую долину посетила экспедиция в составе А. А. Бобринского, Н. Б. Богоявленского и А. А. Семенова. В результате этой поездки А. А. Семенов написал очерк о Восточной Бухаре,⁶ в котором приводится очень интересный фактический материал о налогах, системе управления и торговле в бекстве в конце XIX столетия.

Д. Н. Логофет, несколько лет прослуживший в Курган-Тюбинском бекстве, в своих работах,⁷ посвященных Бухарскому ханству, сообщает об административном делении Курган-Тюбинского бекства на амлокдарства, о географическом и экономическом положении бекства, а также о налогах и поборах, о переселении жителей Вахшской долины в соседний Афганистан и обратно, о притоке русского населения в кишлак Сарай этого бекства. Однако Д. Н. Логофет в своих работах допустил ряд неточностей при описании различных сторон жизни края. Как отмечал известный востоковед А. А. Семенов, при изложении системы управления Д. Н. Логофет «имел очень сбивчивые представления, несмотря на свое продолжительное пребывание в ханстве».⁸

Накануне первой мировой войны доверенный инженер путей сообщения С. Н. Чаева инженер П. Гаевский был командирован в Курган-Тюбинское бекство. Во время этой поездки П. Гаевский собрал материал, а затем уже в первые годы Советской власти опубликовал работу, посвященную исследованию истории Курган-Тюбинского бекства в предреволюционное время.⁹ В ней даны обстоятельное естественно-географическое описание Курган-Тюбинского бекства, краткий исторический очерк, а также описание административного устройства и системы налогов, сведения о количестве скота по амлокдарствам, список населенных пунктов по каждому селению и его этнического состава.

Автор данной работы использовал также исследования советских историков. Следует сказать, что, несмотря на многочисленность литературы по истории Таджикистана, в ней не

охвачены еще со всей полнотой вопросы социально-экономических отношений в Вахшской долине, в частности в Курган-Тюбинском бекстве, накануне установления Советской власти.

Ю. И. Пославский в своем очерке по экономике Таджикистана¹⁰ дает немало сведений об особенностях сельского хозяйства бекства, о количестве засеваемой площади, о развитии скотоводства и торговли.

В сборнике «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане»¹¹ освещены некоторые вопросы аграрных отношений в Курган-Тюбинском бекстве, состояние сельского хозяйства, животноводства и торговли накануне установления в крае Советской власти.

В монографии З. Ш. Раджабова «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа»¹² рассматриваются важнейшие моменты социально-экономической жизни Туркестана и Бухарского ханства во второй половине XIX и начале XX в. Здесь уделяется внимание и положению народных масс в Курган-Тюбинском бекстве.

Известный советский этнограф Н. А. Кисляков в своем исследовании о патриархально-феодальных отношениях в Бухарском ханстве в конце XIX и в начале XX в.¹³ также рассматривает некоторые вопросы социально-экономической жизни в Курган-Тюбинском бекстве в предреволюционное время.

В трудах советского исследователя Б. И. Искандарова,¹⁴ посвященных политическим и социально-экономическим отношениям Восточной Бухары и Памира в XIX — начале XX в., отводится значительное место описанию Курган-Тюбинского бекства. Его работы насыщены историческим материалом, большое внимание в них уделяется административному устройству, налоговой системе и положению населения Восточной Бухары и Памира. Исследуются также вопросы торговли России с Афганистаном через таможенные пункты, расположенные на территории Курган-Тюбинского бекства.

В работах советских историков А. А. Семенова — о земельном устройстве, налоговой системе и администрации Бухарского ханства¹⁵; Б. Г. Гафурова — по истории таджикского народа¹⁶; обобщающего труда по истории Таджикистана в трех томах¹⁷; А. Р. Маджлисов — об аграрных отношениях в Восточной Бухаре¹⁸ рассматривались положение народных масс, земельные отношения, налоговая система, административное устройство, крестьянские волнения и восстания в ханстве конца XIX — начала XX в. Освещая эти вопросы, ав-

торы в какой-то степени касались и Курган-Тюбинского бекства.

В данной работе автор использовал также устные сообщения различных лиц, собранные во время экспедиции в районы Вахшской долины в 1966 г. Сведения в основном давали местные старожилы, многие из которых являлись очевидцами различных событий и помнили те или иные факты из истории этого края.

Автор не претендует на исчерпывающее исследование данного вопроса, но на основе существующей литературы и введения в научный оборот новых фактических материалов стремится шире и по-новому осветить вопросы социально-экономической, политической жизни и культуры Курган-Тюбинского бекства конца XIX — начала XX в.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КУРГАН-ТЮБИНСКОГО БЕКСТВА

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ

Курган-Тюбинским бекством до Бухарской народной советской революции (1920 г.) назывался район в Восточной Бухаре, расположенный в долинах рек Вахш и Пяндж. Оно занимало территорию Вахшской долины и с юга по реке Пяндж граничило с Афганистаном. На востоке граничило по горам Тереклитау и Чалтау с Кулябским бекством, граница эта шла от урочища Уста-Тоймас в юго-восточном направлении на перевал, откуда поворачивала на восток к перевалу Джар-Куль и выходила на берег реки Таирсу у переправы Хоча. С севера Курган-Тюбинское бекство по р. Вахш граничило с Гиссарским и Бальджуанским бекствами. С запада оно отделялось от соседнего с ним Кабадианского бекства р. Вахш и обширным горным массивом. Здесь же оно граничило и с Гиссарским бекством.

Территория Курган-Тюбинского бекства, по словам инженера П. Гаевского, составляла около 4560 кв. вёрст. Он же указывал, что бекство являлось по величине 1/40 частью Бухарского ханства.¹

Исследователь дореволюционной Средней Азии В. И. Масальский пишет: «Долина Вахша принадлежит к числу слабонаселенных и даже малоизвестных местностей; берега реки поросли обширными джунглями, и кишлаки встречаются очень редко».²

До включения Вахшской долины в состав Бухарского ханства и в последующее время в Курган-Тюбинском бекстве перепись населения не производилась. Отдельные упомина-

ния о численности населения бекства начинают встречаться лишь после установления русского протектората над Бухарским ханством.

В трудах русских исследователей и путешественников встречаются различные сведения по этому вопросу, обычно или неполные, или противоречащие друг другу и не всегда правильно отражающие истинную картину. Бухарская администрация мало интересовалась демографическими данными. Капитан Н. Н. Покотило писал: «Ни один бек не знает, сколько у него в бекстве жителей, а если и знает, то, наверное, не скажет».³

В Курган-Тюбинском бекстве население было распределено крайне неравномерно. Населенные пункты, как правило, были расположены в низовьях рек. Н. Маев писал: «Кишлаки, которые нам встречались на дороге, были расположены на низменной, степной местности и хорошо орошены водою Вахша».⁴

Н. Н. Покотило, посетивший Восточную Бухару в 1886 г., предполагает, что население Курган-Тюбинского бекства составляло 10 тыс. человек.⁵

По данным генштаба 1908—1909 гг., в бекстве было 16 000 человек, а по данным 1914 г.,—уже 52 000 человек.⁶ По сведениям, представленным правительством эмира в 1914 г. политическому агенту, в Курган-Тюбинском бекстве население составляло от 50 до 100 тыс. человек.⁷ Наиболее достоверными, на наш взгляд, являются сведения П. Гаевского, утверждающего, что население бекства составляло более 18 тыс. человек.

Численность населения бекства в начале нынешнего столетия по амлокдарствам и кишлакам приводится в таблице.

Таблица
Население Курган-Тюбинского бекства по амлокдарствам*

Амлокдарство	Число дворов	Узбеки		Тад-жикки	Хазо-ра	Турк-мены	Кир-гизы
		рода кат-таган	рода таз				
Курган-Тюбинское	730	294	365	25	40	—	6
Джиликульское	1370	400	20	—	—	950	—
Сарайское	1160	1080	—	80	—	—	—
В с е г о...	3260	1774	385	105	40	950	6

* П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство. ИРГО, т. 55, 1919—1923, вып. 2. М.—Пг., Госиздат, 1924, стр. 25, 26.

Население бекства состояло из узбеков, таджиков, хазора, киргизов, туркмен. Из общего количества около 1750 человек вели кочевой образ жизни.

П. Гаевский учел население не всех кишлаков, так как он руководствовался в основном только устным опросным материалом, записанным им со слов местных жителей и чиновников бухарской администрации, которые не всегда давали объективные сведения о народонаселении Курган-Тюбинского бекства.

В таблицу П. Гаевский не включил жителей ряда кишлаков бекства, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни, но они описаны им в работе; он приводит данные о численности жителей таких населенных пунктов по родам и национальностям. В некоторых местах бекства сокращалось число кишлаков в связи с уходом населения с насиженных мест в другие районы. Так, в начале XX в. из трех кишлаков—Бешкапа-Кую, Бешкапа-Урта и Бешкапа остался только один, а в кишлаке Дамат осталось лишь 6 дворов, из 400 дворов кишлака Кара-Туркмен к 1906 г. уже оставалась лишь половина населения.⁸ Причины такой подвижности населения П. Гаевский видит, во-первых, в характере жителей. Например, он приводит такой факт: в кишлаке Дамат жили киргизы, которые после смерти своего старшины Дамата-беги откочевали в разные стороны. Во-вторых, люди снимались с мест из-за небеспеченности водой, так как бывали случаи размыва головы арыка, заиления его и недостатка воды в маловодные годы. В-третьих, население покидало свои места из-за набегов саранчи. В-четвертых, из-за тяжести налогов жители уходили в горы, в Афганистан или другие бекства.⁹ Последняя причина была основной, от которой больше всего страдали трудящиеся массы. Архивные документы, материалы русских исследователей и путешественников, посетивших бекство в конце XIX—начале XX в., свидетельствуют о бедственном положении трудящихся масс, о тяжести различных податей, сборов, налогов.

Таким образом, в начале XX в. население Курган-Тюбинского бекства резко сократилось за счет ухода жителей за пределы бекства. Начальник Самаркандского уезда в рапорте от 9 января 1887 г. на имя военного губернатора доносил, что «в последнее время восточные бекства Бухарского ханства стали заселяться эмигрантами из Бадахшана и Кундуза, бежавшими от афганских притеснений, доведших населе-

ние несправедливыми поборами до отчаяния и полной нищеты. Положение таких переселенцев крайне тягостное и на новых местах, потому что бухарское правительство не оказало им никакой помощи, ограничившись только разрешением обрабатывать свободные земли в Кулябском бекстве и в Курган-Тюбе. По рассказам, переселение продолжается и теперь еще, хотя афганские власти приняли меры к удержанию населения на своих местах».¹⁰

Вместе с тем новые кишлаки создавались и пришельцами из Афганистана и других мест Восточной Бухары, а также из русского Туркестана.

В бекстве основное население составляли узбеки, таджики, туркмены. В незначительном количестве проживали армяне-торговцы в Джиликуле и Сарае. Число афганцев, цыган и русских в Сарае возрастало с каждым годом. Это были торговцы, служащие таможни, почты, а также поселенцы из окончивших службу солдат-пограничников. Туркмены в основном жили в двух больших южных кишлаках Кара-Туркмен и Джиликуль. Часть из них переселилась сюда из Келифа, часть из Афганистана. Все туркмены были из племени эрсари. По религии они были мусульманами суннитского толка.

Н. А. Маев отмечал в 70-х годах XIX в., что в последнее время берега Амударьи в местностях, где сливаются реки Пяндж и Вахш, населяются туркменами-бойгушами, выходцами из разных родов. Они живут в камышовых шалашах (кибе), служат на переправах.¹¹

Всего в бекстве насчитывалось 950 туркменских дворов,¹² что составляло 4750 человек.

Н. А. Зарудный во время поездки в Восточную Бухару в начале нынешнего столетия при посещении Курган-Тюбинского бекства останавливался в урочище Кум-Сенгир (Кумсангир) во многих местах, занесенных песком и на некоторых тамарисковых и кустарниково-камышовых участках. Отдыхал в туркменских кибитках, имея в полуверсте пост Пянджский.¹³

Военный топограф П. Е. Косяков, проезжавший через Джиликуль в 1882 г., в своих путевых заметках сообщает, что туркмены переселились туда около семи лет тому назад.¹⁴ Отсюда видно, что еще до присоединения края к Бухарскому эмирату туркмены переселились в Вахшскую долину, когда край находился под эгидой гиссарских беков или кулябских правителей.

В. И. Липский в 1896 г. около кишлака Джиликуль видел туркмен, «переселившихся из туркменских степей». Поселив-

шись в этих местах, они построили дома, развели сады и бахчи.¹⁵

А. А. Семенов, посетивший Восточную Бухару в конце XIX в., писал: «Подле Джилли-Куля (верстах в 70 от Сарая) встречается первая зелень и кочевья туркмен, лет двадцать с лишком переселившихся сюда из-под Чарджуя и Керков».¹⁶

И. Гаевский в своей работе, посвященной дореволюционному периоду Курган-Тюбинского бекства, писал, что в двух кишлаках Джиликульского амлоқдарства, а именно в Кара-Туркмене и Джиликуле проживают туркмены.¹⁷

Н. Самокиш—помощник заведующего лесными насаждениями Среднеазиатской железной дороги, посетивший Курган-Тюбинское бекство в 1914 г., писал, что в Джиликуле проживают туркмены племени эрсары.¹⁸

Я. Р. Винников писал, что туркмены племени эрсары в числе 700—800 дворов переселились в Джиликуль из Чарджоуской области и частично из Афганистана в конце XIX в., где образовали два кишлака.¹⁹ Автор, по всей вероятности, пользовался устными материалами, собранными им в Джиликуле и не указывал времени переселения этих туркмен.

По другим сведениям, в Джиликульском амлоқдарстве на берегу р. Вахш жили туркмены-эрсаринцы. Они, по-видимому, поселились в этих местах сравнительно недавно — от 100 до 200 лет назад.²⁰ Этой же концепции придерживается и Б. Х. Кармышева.²¹

Б. И. Искандаров также, видимо, из устных источников указывает, что туркмены, жившие в двух больших кишлаках Кара-Туркмен и Джиликуль, переселились сюда из Келифа (Западная Бухара) после присоединения края к эмирату.²² Это утверждение Б. И. Искандарова противоречит сообщениям вышеуказанных авторов, так как никто из них не говорит о переселении туркмен после присоединения края к Бухарскому ханству. Поэтому считаем, что указанное положение Б. И. Искандарова требует дальнейшего изучения и уточнения. В докладе экспедиции по обследованию Таджикистана, проведенной в первые годы Советской власти, указывается, что в Джиликуле живут исключительно туркмены и немного киргизов. Туркмены поселились здесь не так давно — лет 60 не больше, раньше их не было.²³ Члены этой экспедиции также опирались на опросные материалы, но в докладе не указывается, когда было это переселение.

Н. А. Маев писал, что берега реки «Вахш заняты поселе-

ниями сары-катаганов и дурменов; эти аулы издали имеют вид богатых кишлаков с густыми садами, а в действительности представляют массу камышовых шалашей, между которыми только изредка встречаются глиняные постройки. Здесь жители еще ведут полукочевой образ жизни. Многие из этих шалашей имеют форму юрт, но не покрыты кошмами. Загороди у полей также сделаны из камыша и только изредка встречается невысокая, глиняная стенка. Эти поселения даже не имеют отдельного, установившегося уже названия».²⁴ В другой работе тот же Н. А. Маев отмечал: «Низовья Вахша, до его слияния с Пянджем, заняты аулами и бедными кишлаками узбеков родов дурмен и калы-катаган».²⁵

А. А. Семенов, посетивший Курган-Тюбинское бекство в конце XIX в., писал: «Сам Сарай лежит на берегу Аму-Дарьи и представляет большой кишлак, населенный «аралашью», причем узбеки, кажется, преобладают».²⁶

В Сарайском амлоқдарстве основным узбекским племенем было племя катаган с родами тас, темез, бурка, тугул и др.²⁷

А. А. Семенов о Сарайской долине (ныне Пянджский район) писал: «Окрестные племена на все вопросы о том, что раньше было на этих пустынях, твердят одно: «Мы здесь люди новые, пришли сюда лет 20—30 тому из Афганистана, и что это за развалины, кто тут раньше жил, ничего не знаем».²⁸

Как уже отмечалось, в начале XIX в. Вахшская долина была густо населена и привлекала к себе многочисленное население не только плодородием, но и хорошими климатическими условиями. Об этом свидетельствовали сохранившиеся сухие каналы, развалины крепостей и крупных селений.

Б. И. Масальский писал, что славящееся своими пастбищами Джиликульское плато служило местом, где узбеки с успехом занимались коневодством.²⁹ Но в Джиликульском амлоқдарстве узбеков было меньше, чем туркмен, и они занимали только часть указанного плато. Сюда стогнали свой скот и узбеки соседних бекств, в частности Гиссарского.

Узбеки составляли большую часть населения Курган-Тюбинского бекства и разделялись на много родов. В бекстве жили роды таз, катаган. В зимовке кызыл Арык близ Вахша в 16 дворах жили узбеки из рода кунград.³⁰ Узбеков в бекстве было 10 900 человек (2180 дворов).³¹

Таджики в основном занимали горную часть бекства на границе с Бальджуанским и Кулябским бекствами. В начале

XX в. переселились сюда таджики из Каратегинского, Бальджуанского и Кулябского бекств.

В бекстве насчитывалось 525 жителей-таджиков (105 дворов).³² Особенно резко увеличилось таджикское население в бекстве накануне установления Советской власти.

С 70-х годов XIX в. в Курган-Тюбинское бекство начинается приток киргизов. Н. А. Маев отмечал, что киргизы стали переселяться из Нуратинского бекства только в последнее время, и они направляются к низовьям Вахша и Пянджа. «До 300 кибиток киргиз остановились в горах, между Кулябом и Курган-Тюбе, и столько же кибиток видели на временной остановке, у Гиссара».³³ В. И. Масальский указывал, что «Джидкульское плато служило пастбищем, где киргизы успешно занимались скотоводством».³⁴

А. Панков отмечал, что киргизы кочевали больше в степных пространствах Курган-Тюбинского бекства.³⁵ Они часто меняли местожительство в пределах Курган-Тюбинского бекства и перекочевывали в соседние бекства в поисках хороших и свободных пастбищ.

По свидетельству П. Гаевского, киргизы составляли кочевое население бекства, их было около ста кибиток, летом они уходили со своим скотом в горы, а в начале сентября спускались в долину, на зимовку, в тугай и на свободные площади, где камыш и колючка служили кормом для их скота, а сами они на верблюдах (1800 верблюдов) занимались перевозкой грузов.³⁶ Как отмечает Д. И. Логофет, эти киргизы были русскими подданными из Самаркандской, Семиреченской и Оренбургской областей, перекочевавшими в Курган-Тюбинское и другие бекства Восточной Бухары. Здесь они частью занялись земледелием и частью—скотоводством, а подати платили в одно и то же время русскому и бухарскому правительству.³⁷

В бекстве имелось около 180 кибиток киргизов и более половины из них (около 100) спускались на осень и зиму в долину.³⁸ Всего в бекстве насчитывалось около 900 киргизов. Б. И. Исхандаров считает, что киргизов было около 1800 человек.³⁹ Однако при этом он не указывает источник сведений.

Арабы, жившие на территории бекства, происходили от древних завоевателей края в VIII в. Они располагались в кишлаке Джалтыр-Куль у одноименного озера в количестве 50 дворов и в северной части бекства, у реки Вахш—в кишлаке Кызыл-Арык (близ Батырабада). Здесь было 100 дворов

рода лархабы. Эти арабы занимались исключительно скотоводством. Жизнь у них была полукочевая, в кибитках, которые были убраны паласами и коврами. По религии они были мусульманами суннитского толка. В языке у них было много арабских слов.⁴⁰ Все, как видно из данных П. Гаевского, в бекстве имелось до 150 арабских дворов, в которых проживало около 750 человек.

А. Панков указывает, что эти арабы принадлежали к племени бену-курайш и были исключительно скотоводами-кочевниками.⁴¹ Но говорили они на таджикском языке, так как родной арабский язык давно уже забыли.

В Курган-Тюбинском бекстве жили и хазора. Они являлись пришельцами из Афганистана, пишет П. Гаевский. В бекстве их было около 50 дворов,⁴² в которых проживало около 200 человек.

Д. И. Логофет также отмечает, что в Курган-Тюбинском бекстве проживали хазора.⁴³

С установлением русских таможенных постов на афганобухарской границе и организации русских таможен на территории Курган-Тюбинского бекства—в кишлаке Сарай, а также с развитием торговли в крае началось переселение русских подданных в бекство. Наряду с военнослужащими появились первые русские торговцы, которые селились сначала в кишлаке Сарай, а затем и в других местах бекства.

Управляющий таможей в своем рапорте от 22 июля 1906 г. на имя Российского политического агентства указывал, что в Курган-Тюбе с народонаселением около 3 000 человек имелось 45 русских купцов.⁴⁴ Купцы вели торговлю не только в самом городе, но и в окрестных кишлаках.

По данным В. И. Масальского, в г. Курган-Тюбе была тысяча жителей.⁴⁵ Из-за отсутствия переписи населения города, а также из-за частых переселений точные данные не только у В. И. Масальского, но и у других авторов отсутствовали. Но данные русских офицеров, находившихся в Сарае, были более точными, чем приведенные В. И. Масальским.

Один из корреспондентов газеты «Туркестанские ведомости», писавший под инициалами А. Г., отмечал, что в 1911 г. население Курган-Тюбинского бекства составляло 5—10 тыс. жителей.⁴⁶ Но часть жителей постоянно не проживала в самом бекстве. Это были приезжие торговцы, а также выходцы из соседних бекств, которые приезжали на сезонную работу в определенное время года.

В главном городе Курган-Тюбинского бекства — Курган-Тюбе насчитывалось 4 тыс. жителей.⁴⁷ Сюда относились не только горожане, но и жители окрестных кишлаков.

Город Курган-Тюбе, расположенный вдали от основных торговых путей, при господстве отсталой экономики того времени отличался в основном от крупных кишлаков, каким был Сарай, только тем, что здесь размещалась местная администрация во главе с беком, жили в небольшом количестве местные торговцы, крупные скотовладельцы, духовенство, ремесленники-кустари, а также часть крестьянского населения. В городе был расположен небольшой гарнизон бухарских войск. На всей территории Курган-Тюбинской равнины насчитывалось около 30 кишлаков.⁴⁸

Командир 3-го отдела пограничной стражи в своем письме на имя Российского политического агента от 8 февраля 1906 г. указывал, что в кишлаке Сарай имелось около 2500 жителей. Купцов русского подданства было в Сарае 22 человека, а в Курган-Тюбе — 14. Русские подданные были частью уроженцами Кавказа, частью — Самаркандской области. Купцов бухарского подданства в Сарае было — 35 человек, в Курган-Тюбе — 45. Кроме того, в Сарае жили афганские и индусские купцы, причем часть их постоянно там проживала.⁴⁹

Командир 3-го отдела Амударьинской бригады отдельного корпуса пограничной стражи 6 марта 1906 г. сообщал, что в Сарае находятся следующие военнослужащие: 3 офицера, 1 врач и 80 нижних чинов.

В Сарайской таможене работало 4 чиновника и столько же досмотрщиков, а служащих всех категорий — 92 человека. Они имели при себе семьи и прислугу. Рускоподданных купцов насчитывалось до 50 человек.⁵⁰

Управляющий Сарайской таможней 22 июля 1906 г. на имя Российского политического агента в Бухаре сообщал, что в кишлаке Сарай расположен 3-й отдел пограничной стражи, состоящей из 7 офицеров, 1 врача и 200 нижних чинов.⁵¹ Вначале основную часть рускоподданных купцов составляли маркитанты — торговцы, обслуживавшие русские военные гарнизоны.

А. К. Разгонов, посетивший Курган-Тюбинское бекство в 1907 г., писал, что население Сарая почти исключительно пришлое. От кишлака Ак-Джара до Сарая живут афганцы, часть их хазора. Между Сараем и Файзабадом живут туркмены, а в самом Сарае — афганцы, хазора, узбеки, армяне и

русские. «Численность населения, — сообщает он, — можно предполагать от Богарака (в Кулябском бекстве. — Ш. Ю.) до Сарая всего около 1 тысячи человек, в Сарае и в долине его — до 3 тысяч человек».⁵²

В связи с увеличением численности русского населения в 1907 г. в Сарае была построена православная церковь, которая была снабжена иконостасом и церковной утварью. Церковь построена на средства, пожертвованные офицерами, нижними чинами Амударьинской бригады, а также русским населением Сарая.⁵³

В. В. Бартольд отмечал: «Русские поселения распространились вверх по реке до Сарая, где в 1907 году была построена самая отдаленная церковь в Средней Азии».⁵⁴

Заведующий административно-полицейской частью кишлака Сарай Абакумов указывал, что по собранным у местных бухарских властей сведениям население Сарая к январю 1915 г. состояло из 600 таджиков и узбеков.⁵⁵ В связи с превращением Сарая в торговый пункт Восточной Бухары начинается интенсивный приток населения из соседних бекств и особенно из Кулябского, Бальджуанского, Гиссарского. Многие жители Восточной Бухары направлялись в Сарай в надежде найти работу и обеспечить себе прожиточный минимум.

К началу 1915 г. общее число рускоподданных в Сарае было 230 человек, включая членов пограничной стражи, служащих почты, лазарета, церкви и таможни.⁵⁶ П. Гаевский отмечает: «Население в южных районах Курган-Тюбинского бекства развивается с каждым годом. В Джиликульском амлоктарстве 5 лет назад по статистической рекогносцировке было около 900 дворов, теперь их до 1400».⁵⁷

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что основными жителями бекства являлись таджики, узбеки и туркмены. Кроме них, в бекстве проживали киргизы, казахи, афганцы, хазора.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КУРГАН-ТЮБЕ

Один из исследователей Курган-Тюбинского бекства П. Гаевский отмечает, что литературные данные об этом бекстве весьма скудны. Но и сам он в разделе, где даются краткие исторические сведения о Курган-Тюбе, ничего не говорит о XVIII — первой половине XIX вв.

В. В. Бартольд, ссылаясь на сообщения Мухаммада Ва-

фо Карминаги, отмечал, что в середине XVIII в. на юге Гиссару принадлежали, кроме древнего Чаганиана, Кабадиан и часть древнего Хутталя с Курган-Тюбе.⁵⁸

В начале XIX в. значительно расширилась территория Гиссара. Местный правитель Сайид-бий парвоначи, в 1800 г. прибыв в Бухару, вошел в доверие к эмиру Хайдару и получил от эмира титул аталыка. Впоследствии эмир Хайдар вступил в брак с дочерью Сайид-аталыка и тем самым укрепил свое влияние на Гиссар.⁵⁹

По-видимому, Курган-Тюбе до 30-х годов XIX в. входил в состав Гиссарского владения, а последнее, в свою очередь, было в тесной связи с Бухарским ханством. Только в результате нападения кундузских владетелей Курган-Тюбе был отторгнут и временно присоединен к Кундузу.

На территории нынешнего Северного Афганистана в начале прошлого века одному из узбекских правителей Мухаммад Мурадбеку (1815—1842 гг.), избравшему резиденцией город Кундуз удается на некоторое время объединить под своей властью ряд соседних владений, среди которых была часть территорий по правобережному Пянджу, куда в одно время входил и Курган-Тюбе.

По сообщениям английского путешественника Лорда кундузский правитель Мурадбек в 1832 г. перешел броды через Аму и завоевал Коалал (Куляб), который отдал четвертому брату своему Магомет-беку с приказанием идти далее на Курган-Теппу и Конбадран (Кабадиан), что и было исполнено.⁶⁰

Таким образом, к 30-м годам XIX в. Курган-Тюбе попал в зависимость от кундузских правителей.

Английский ученый Лорд в своей работе об Афганистане отмечал, что старшина кундузских катаганов Мурадбек правил Кулябом, за пределами Амударьи, и всей южной страной от Балха до Памира.⁶¹ Завоеванные территории Мурадбек раздал своим братьям, которые образовали маленькие княжества с самостоятельным управлением под эгидой Кундузского ханства. «Затем из земель на северной стороне Амударьи Мурад-бек образовал отдельное правление, центром которого сделался Курган-Теппа под начальством Магомет Рахим-хана, второго сына Абдулрахмана».⁶²

Неоднократные попытки Мурадбека подчинить себе Шугнан и Дарваз не имели успеха. Куляб, Курган-Тюбе и Кабадиан часто являлись ареной кровопролитных войн. Мурад-

бек хотя и имел своих губернаторов в Кулябе, Курган-Тюбе и Кабадиане, но от этих земель не пользовался никакими доходами, так как они полностью шли на оборону этих владений против неприязненных соседей в Бальджуане и Гиссаре.

Несколько раз Мурадбек намеревался подчинить себе Бальджуан с его богатыми свинцовыми рудниками, но всегда неудачно. Жители Бальджуана из племени лакаев и узбеков-катаган храбро защищались под начальством вождя своего Катты-хана, родственника Мурада, и однажды даже решились на попытку разграбить Курган-Тюбе. Судя по донесениям доктора Лорда, в Курган-Тюбе насчитывалось 3000 узбеков-тас.⁶³

В 1842 г. умер Мурадбек. После его смерти Курган-Тюбе снова попадает в зависимость к Гиссару. П. Гаевский отмечает, что в середине XIX в. после распада Кундузского владения Курган-Тюбинское бекство попало в зависимость к Гиссарским владетелям.

Б. И. Искандаров указывает: «Феодальные владения в равнинных районах юго-восточной части Таджикистана (Гиссар, Курган-Тюбе и др.) были в этот период полузависимыми. Их зависимость от Бухары выражалась в том, что они время от времени лишь посылали подарки бухарским эмирам».⁶⁴

Полузависимые владетели, в свою очередь, стремились расширить свои владения за счет слабых соседей. «Такой населенный пункт, как Курган-Тюбе, некогда принадлежавший Гиссару, а затем отошедший к Кулябу, стал объектом постоянного нападения гиссарских феодалов, поскольку накануне присоединения края к Бухаре входил в состав Кулябского бекства».⁶⁵

В результате непрерывных междоусобных войн правителей Восточной Бухары и соседних афганских ханов разорялись трудящиеся массы. Растаптывались посевы, уничтожались ирригационные сооружения, от чего земледелие долгие годы пребывало в полном упадке. К. Маркс писал: «...одна опустошительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации...»⁶⁶

Правитель Кулябского владения Сары-хан в середине XIX в. подчинил себе Курган-Тюбе и большую часть территорий по нижнему течению рек Вахш и Кафирниган.

По свидетельству А. П. Федченко, владетель Куляба расширил свою территорию за счет соседних земель и стал

властителем верхней части Амударьи и даже удачно боролся с эмиром бухарским.⁶⁷

И. Минаев, ссылаясь на данные Гиссарской экспедиции, отмечал, что после завоевания Гиссарского владения эмир бухарский наряду с другими районами выделил Курган-Тюбе в самостоятельное бекство.⁶⁸ и направил туда чиновников и бека для административного управления.

После взятия Куляба Якуббек кушбеги со своим войском и с орудиями пошел на Курган-Тюбе, который и покорился ему без сопротивления.⁶⁹ Другая часть эмирских войск с артиллерией вступила в пределы Курган-Тюбе из Гиссара через дорогу, пересекающую горы Газы-Малик.⁷⁰

Совершенно непонятно заявление Г. А. Арандаренко, который утверждал, что каратегинский правитель собирал подати через своего родственника с бывшего когда-то бекства Курган-Тюбе, обращенного эмиром в амлокдарство специально для усиления средств своего любимого и заслуженного старшего генерала Худойназара диванбеги.⁷¹ Хотя каратегинский бек и заведовал сбором закота со скота в Курган-Тюбинском бекстве, но никогда оно не было из бекства обращено в амлокдарство.

Население Восточной Бухары с первых же дней включения его в состав эмирата было недовольно. Местные жители враждебно относились к эмиру и его чиновникам. Здесь часто происходили возмущения, которые подавлялись с особой жестокостью. Вообще в конце 70-х годов XIX в. обстановка в Восточной Бухаре была далеко не спокойная, и население всюду проявляло недовольство эмирским строем, что отмечал и русский врач И. Яворский, возвращавшийся из Афганистана через Бухарское ханство.⁷²

Таким образом, вплоть до 70-х годов XIX в., т. е. до присоединения Курган-Тюбинского владения к Бухарскому эмирату, его территория была объектом захватов со стороны Кундузского ханства, правителей Куляба и Бальджуана, а также владетелей Гиссара.

В результате междоусобных войн пришедшее в упадок хозяйство разрушалось все сильнее. Внешние торговые отношения прервались, что привело к еще большему экономическому упадку края. С присоединением его к Бухарскому ханству были проведены некоторые мероприятия, в том числе направленные на улучшение ирригации, которые несколь-

ко смягчили наиболее острые проявления экономического и политического кризиса, однако не были в состоянии преодолеть его.⁷³

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

После присоединения к Бухарскому ханству территория края была выделена в самостоятельную провинцию, которая стала называться Курган-Тюбинским вилайетом, во главе которого стоял бек. Он являлся высшим административным лицом, назначаемым и сменяемым бухарским эмиром. Ввиду этого в русской литературе провинции получали название бекств.

Границы Курган-Тюбинского бекства были более стабильными, чем границы некоторых бекств Западной Бухары. С 70-х годов XIX в., т. е. со времени образования бекства, до падения Бухарского эмирата и ликвидации бекства, т. е. до 1920 г., они оставались почти без изменения.

Власть бека не была наследственной. В любое время эмир мог отнять бекство у одного и передать другому, что действительно нередко практиковалось правителями Бухары.⁷⁴ Это делалось тогда, когда тот или иной правитель не справлялся с возложенными на него обязанностями по управлению бекством.

В. В. Крестовский приравнивал беков к русским губернаторам только с еще большими полномочиями. Они пользовались всей полнотой власти, за исключением права смертной казни. Бек обязан был посылать эмиру еженедельные отчеты по текущим делам. Он обладал не только гражданской, но и военной властью, собирал налоги, а также людей для войска в военное время.⁷⁵ Примерно так же определял функции бека Энпе в начале XX в. По его словам, бек выполнял административные, полицейские и финансовые функции, а в судебных процессах разбирал более сложные дела и утверждал все приговоры, за исключением смертной казни.⁷⁶

А. А. Семенов в своих путевых очерках «По границам Бухары и Афганистана» в 1898 г. называл беков начальниками провинций.⁷⁷

Бекства во многих отношениях были сходны с уездами областей Туркестанского генерал-губернаторства, но были значительно меньше последних.⁷⁸

В. В. Бартольд отмечал, что вплоть до 1920 г. беки жили

за счет населения, не получая никакого жалования, а в отдельных бекствах — Кулябском, Курган-Тюбинском и др. — беки чувствовали себя почти независимыми властителями.⁷⁹

А. Галкин указывал, что права и обязанности беков не определялись какими-либо законоположениями, за исключением шариата, и были очень сходны с правами и обязанностями русских воевод допетровского времени, получавших города и целые области на кормление. Для каждого бекства определялась денежная сумма, которую бек должен был доставлять ежегодно в казну эмира, а также то число лошадей с уборами и подарками, которое должно было посылаться ежегодно к его двору.⁸⁰

В конце XIX в. в Курган-Тюбинском бекстве беки имели высокие чины, так бек Абдул Хафиз имел чин додхо.⁸¹ 3 мая 1900 г. политагент в своем рапорте директору первого департамента Министерства иностранных дел представил донесение своего разведчика от 29 апреля 1900 г., в котором указывалось: «Его Высочество эмир Бухарский назначил беком в Курган-Тюбе муллу Ахмета, генерала, который командовал отрядом в Ширбудуни и присутствовал в этом году на саиле. Очень почтенный старик с длинной седой бородой. Он уже получил и фирман от Его Высочества».⁸²

После того как охрана бухарско-афганской границы перешла к русским войскам, значительно упало политическое значение этого бекства. Поэтому уже в начале XX в. в Курган-Тюбинское бекство назначались беки в незначительном чине, а если и были в высоком чине, то фактически они уже находились в отставке или опале. Во время посещения Курган-Тюбинского бекства В. И. Липским в 1896 г. местным беком был токсоба Мирза Юлдаш.⁸³

Д. Н. Логофет, описывая Курган-Тюбинское бекство, отмечал, что «бек здесь в малых чинах, всего ага-ишик-баши (правильно — ишик-око-боши. — Ш. Ю. (полковник))».⁸⁴

Р. Ю. Рожевец, характеризуя курган-тюбинского бека, отмечал: «Это уже почтенный старик, пробывший, в бытность свою наставником эмирского сына, в течение 4 лет в Петербурге...»⁸⁵

Другой русский исследователь Восточной Бухары писал: «У высших, правящих сфер Бухары курган-тюбинский бек также на плохом счету. Он уже старик, довольно давно состоит беком, но дальше Курган-Тюбинского его не пускают».⁸⁶

П. Гаевский отмечал что Курган-Тюбинское бекство явля-

лось одним из небогатых бекств Бухарского ханства, ввиду этого и чин самого бека был невелик — токсоба (подполковник). Самому беку принадлежит административная власть и сбор податей с населения, только закот со скота он не собирает — сбор закота в Курган-Тюбинском бекстве принадлежит каратегинскому беку, а с кишлаков Кара-Туркмен и Джиликуль закот собирался специальным сборщиком, присылаемым из Керки. В бекстве нет солдат. Чиновники не имеют чинов выше мирахура.⁸⁷

Весьма примечательной в бекстве была система наказаний и судопроизводства, она служила источником обогащения местных чиновников. Военный топограф М. А. Варыгин отмечал, что процедура судебного разбирательства у беков и его чиновников сводилась к штрафу, налагаемому на обе стороны, и если виновные были богатыми, то дело кончалось скоро, если же заплатить было нечем, то бедняков сажали в темницу, но не для того, чтобы отделить нарушителя закона от общества и получить нравственное удовлетворение а для того, чтобы заставить скорее выплатить штраф.⁸⁸

Беки имели право производить отдельных чиновников в низшие бухарские чины с вручением им на это грамоты. Получивший чин носил эту грамоту в чалме, чтобы другие видели, что он получил новый очередной чин, и поздравляли его.

При Курган-Тюбинском бекстве состоял штат из разных чиновников, назначаемых и увольняемых самим беком. К ним относился помощник самого бека — есаул-баши, секретарь — мирза-баши, казначей — диванбеги и ряд других лиц, исполняющих те или иные обязанности.

Непременной и важной фигурой при беке являлся есаул-баши. П. Гаевский называет есаул-баши докладчиком бека по различным делам. Он присутствует при разборах дел, сообщает просителям резолюции бека, если не требуется письменного ответа. Утром рапортует о благополучии или о происшествиих ночи, вечером, перед вторым намазом, об истекшем дне, после чего кончается официальный прием и начинается частная жизнь бека.⁸⁹

Независимой от бека была должность судьи — кази. Он назначался из Бухары и имел связь непосредственно с центром эмирата. Кази вел судебные дела на основе шариата. Дела решались единолично, в судах не было коллегиальности, не существовало апелляционной и кассационной инстанций.

О взаимоотношениях бека и кази П. Гаевский писал: «Меж-

ду беком и кази нет особой дружбы, оба внимательно следят друг за другом, оба наружно вежливы и осторожны, так как каждый из них при непосредственном сношении с эмиром может подставить другому палку».⁹⁰

Кази регулярно сообщал эмиру о всех делах бека. Так, курган-тюбинский кази мулла Абдулхаким, сообщая о спокойствии населения бекства, одновременно уведомлял, что в Курган-Тюбе прибыл вновь назначенный бек Шодмонбек бий, Фазилбек махрам выехал назад и что Шодмонбек дал ему при отъезде все положенное по традиции. Оттиск печати кази мулла Абдулхаким 1310 г. х. (1892—1893 гг.).⁹¹ Сразу же с первого дня приезда нового бека о всех его действиях кази немедленно сообщал эмиру.

Курган-Тюбинский бек сразу после приезда сообщал эмиру о том, что прибыл в вилоят Курган-Тюбе, где амлокдоры, аксакалы пришли к нему с поздравлениями. Всем были приподнесены подарки. Мирзо Фазыл мирахур кургана сдал все дела, а сам выехал в резиденцию. Оттиск печати Шодмонбека бий—1310 г. х. (1892—1893 гг.).⁹² Упомянутый в донесении Фазыл мирахур до приезда Шодмонбека, по всей вероятности, исполнял должность бека.

П. Гаевский отмечает, что должности раиса (блюстителя шариата), обычной в других бекствах, в Курган-Тюбинском нет, и его обязанности, т. е. наблюдение за нравами, базарными мерами и весами и прочим, исполняет бек.⁹³

Однако накануне установления Советской власти в Курган-Тюбинском бекстве должность раиса была введена. По рассказу старожиллов, раис объезжал кишлаки, проверяя, как жители выполняют намаз (молитву). Если устанавливал, что кто-то не читает молитву, тому назначал от 3 до 7 ударов плетью. Конечно, богатые откупались, давая деньги раису, а бедняки не могли дать взятку, потому с приходом раиса в кишлак, лица, не участвовавшие в молитве или пропустившие ее, убегали в камышовые заросли поблизости от кишлаков.

Представителем полицейской власти являлся миршаб со своим помощником дабаши и городские ночные караульные шабгарды.⁹⁴

После присоединения края к ханству при местных беках в Курган-Тюбе находились постоянно расквартированные сарбазы (солдаты) бухарского правительства, которые в основном направлялись из центральной Бухары и служили 2—3 го-

да, а затем сменялись новым составом. В начале 70-х годов XIX в. в Курган-Тюбе располагалось 200 бухарских сарбазов.⁹⁵

Курган-Тюбинское бекство состояло из амлокдарств: Сарайского; Джиликульского и Курган-Тюбинского, во главе которых стояли амлокдоры, соответствующие уездным начальникам, исполняющие полицейские и податные обязанности.⁹⁶ О соответствии обязанностей амлокдора с обязанностями начальника уезда отмечает и Д. Н. Логофет.⁹⁷

Амлокдоры, помимо сбора налогов, выполняли дела в пределах своего амлокдарства, разбирали споры между жителями своего района, наказывали виновных, они исполняли как податные, так и полицейские обязанности: следили за спокойствием населения и могли карать за нарушение его или за кражи — палками и арестом.⁹⁸

При амлокдорах, назначавшихся беком, имелись писцы, мирзы, мирабы и другие служащие. Амлокдоры в основном были близкими людьми самого бека или даже его родственниками и, как правило, сменялись вместе со сменой бека. Так, в 1903 г. амлокдором в Сарае был сын курган-тюбинского бека.⁹⁹ П. Гаевский по этому поводу писал, что курган-тюбинский амлокдор был родственником бека, и поэтому он никакими делами не занимался.¹⁰⁰

Когда Р. Ю. Рожевец посетил в 1906 г. Курган-Тюбинское бекство, амлокдором в Джиликуле был сын курган-тюбинского бека.¹⁰¹

Амлокдорам были подчинены старосты кишлаков — аксакалы и мингбаши (тысяцкие), в разных чинах от джевачи до караул-беги или даже мирахура.¹⁰²

Кочующая часть населения имела особых начальников в каждом племени, называемых эл-беги (начальник племени).¹⁰³

В некоторых кишлаках, например, в кишлаке Тас, староста назывался аул-аксакал: несколько аул-аксакалов подчинялись аксакалу.

Аксакалы, арбобы, эл-беги являлись низшими звеньями бухарской феодальной административной системы. Они обязаны были содействовать осуществлению эксплуатации трудящихся масс, своевременному и исправному сбору налогов и податей, а также осуществлению и организации различных повинностей и отработок.

П. Гаевский приравнивает бухарские чины к русским военным чинам и отмечает, что чин токсоба был равен чину под-

полковника, а чин датха приравнялся к чину генерал-майора. Он указывает, что в Курган-Тюбинском бекстве имелись должностные лица в чинах чарагасы, джевачи, мирза-баши, караулбеги, мирахура, токсоба и что более высоких чинов в бекстве не было; в военной и гражданской службах чины были в общем одинаковыми.¹⁰⁴ «В Бухаре новейшего времени происходила та же самая эволюция с должностями и чинами, что и в бывшей Российской империи XIX—XX столетий, где чины отнюдь не были связаны с определенными должностями»¹⁰⁵, — писал А. А. Семенов.

В Бухаре лица, занимавшие те или другие должности, обычно получали чины, но наличие того или другого чина не было связано с необходимостью исполнять какую-либо должность.¹⁰⁶

Бухарский эмират представлял собой типичную феодально-теократическую восточную деспотию. Как в бекстве, так и во всем эмирате, государственная машина сверху донизу строилась на принципах полного исключения какой бы то ни было выборности органов власти, категорического отстранения народных масс от участия в жизни государства.

Специфической особенностью эмирской государственной машины являлось то, что структура аппарата была примитивной, имела только административно-финансовое, судебнополитическое, военное ведомства, приспособленные для ограбления и подавления народных масс. Кроме того, чиновничий аппарат содержался не на средства государства, а за счет поборов с населения, что открывало неограниченный простор для произвола и беззакония по отношению к трудящимся массам.

Таким образом, вся административная система была направлена на жестокую эксплуатацию трудящихся масс.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУРГАН-ТЮБИНСКОГО БЕКСТВА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Зерноводство. В Курган-Тюбинском бекстве велось натуральное хозяйство и господствовали феодальные отношения. Главное место занимало сельское хозяйство, в котором преобладало полеводство и скотоводство. Полеводством в основном занималось оседлое население, а скотоводством — кочевое.

Благодаря тому, что Курган-Тюбинское бекство занимало долины рек Вахша и Пянджа, здесь имелись возможности для искусственного орошения земли. В гористой же части возделывались большие площади почти без искусственного орошения на богаре.

К. К. Пален отмечал: «В верхних течениях Аму-Дарьи в Бальджуанском и Кулябском бекствах, а также в Курган-Тюбинском, Кабадианском и других по течению Ях-Су, Вахша, Пянджа и Аму-Дарьи всего поливных земель 750 000, из коих засеивается 500 000 дес.»¹ Остальные земли в указанных бекствах, особенно в Курган-Тюбинском, хотя и были поливными, но в результате прихода к непригодности ряда ирригационных сооружений были заброшены. К. К. Пален также отмечает, что в Курган-Тюбинском, Кабадианском, Кулябском и Бальджуанском бекствах под пшеницей было занято 200 000 десятин земель.²

В горной части Курган-Тюбинского бекства в основном высевали пшеницу, а в долине наряду с пшеницей сеяли и другие культуры. Особенно много земли было занято под посевами хлопка, и в долине эта культура постепенно вытесня-

ла другие. Орошаемые поля от Куляба до Курган-Тюбе занимали свыше 700 тыс. десятин.³

Население бекства часто оставляло засоленные или истощенные земельные участки и переходило на новые. Как отмечал А. А. Семенов, в Джиликуне высеваются злаки и огородные овощи через известный промежуток времени: год на одном месте, на следующий—в другом.

В целом для Курган-Тюбинского бекства характерным было зерновое земледелие. Преобладающими культурами являлись пшеница и ячмень, бобовые и масличные. На небольших участках орошаемых земель возделывались рис, бахчевые, хлопок и другие культуры. В Курган-Тюбинском бекстве богарных посевов было меньше, чем в Бальджуане или Каратегине.⁴

П. Гаевский указывал, что земледелие в бекстве носит характер примитивной, экстенсивной обработки земли; и, несмотря на, казалось бы, благоприятные климатические условия, дает в общем невысокие урожаи. Земли было достаточно, но испытывался недостаток в воде.⁵

Озимых посевов в бекстве было мало, и сев обычно начинался ранней весной, после схода снега, еще во влажную землю. Пахали омачом, запряженным волами, вспашка была неглубокая и делалась по нескольку раз в разных направлениях. Боронили плоской доской. Землю начинали пахать в феврале, озимые же посевы сеялись в октябре. Урожай убрали железными незазубренными серпами, и снопы складывали на току. Молотьба производилась перегонкой по снопам нескольких волов, от 2 до 6, солому в это время переворачивали и под ногами животных она истиралась в труху.⁶

На зиму зерно засыпалось в ямы, а сверху прикрывалось саманом. От хранения в земле зерно приобретало несколько затхлый вкус. Доставка снопов с поля на ток производилась на саях или полозьях, которые тянулись парой волов, или же снопы свозились во вьюках. При этом, чтобы ячмень не осыпался из колосьев, жатву проводили, не давая ему подсохнуть на корню.

Отсутствие точных данных не дает возможности получить полное представление о земледельческих культурах в бекстве. Сохранившиеся неполные сведения, например, приблизительные данные, собранные в 80-х годах прошлого столетия в бекстве капитаном Покотило по главнейшим видам сельско-

хозяйственных культур, свидетельствуют о весьма слабом развитии земледелия.

По данным капитана Покотило, на 10 тыс. жителей бекства производилось 8 тыс. батманов (в одном батмане было 8 пудов) пшеницы, 4 тыс. ячменя, 2 тыс.—проса, кукурузы и бобовых, 2 тыс. батманов риса. Покотило, считая, что в среднем на человека в год необходимо 12 пудов хлеба, указывал, что в бекстве не хватало 4 тыс. батманов, или 32 тыс. пудов зерна для населения.⁷

Хотя из Сарая ежегодно вывозилось много зерна, однако почти все это зерно доставлялось сюда из Бальджуанского, Кулябского и других бекств. Только самая ничтожная часть этого зерна шла на продажу из Курган-Тюбинского бекства. Таким образом, Сарай был только перевалочным пунктом по вывозу зерна из Восточной Бухары.

На поливных землях бекства высевалось приблизительно 1300 батманов пшеницы, которые давали в хороший урожайный год, кроме возврата семян, еще около 11 тыс. батманов зерна. Богарные и озимые посевы были невелики, между тем как, судя по опросам, требовалось в среднем в год на душу населения около одного батмана, т. е. до 18 тыс. батманов на бекство. Поэтому население, продавая свой хлеб для уплаты податей, вынуждено было покупать хлеб в Гиссаре, Бальджуане и в других соседних населенных пунктах.⁸

Кроме хлеба, в бекстве высевались джугара, кунжут, маш, лен, в небольшом количестве—кукуруза и просо. Лен сеяли главным образом на богарных землях; солома шла на корм скоту, а из семян выжималось масло. В большом количестве высевались кунжут и джугара. Джугара требовала при созревании много хлопот, ее нужно было беречь от птиц, которые стаями вились над полем. Обычно посреди участка джугары находилась небольшая глиняная башенка, на которой с раннего утра мальчишки или мардикоры отгоняли птиц мелкими комками лесса из пращи. Джугара высевалась в июле, когда уже проходила опасность саранчи. Она употреблялась в пищу и людьми и скотом.⁹

Урожай джугары с десятины составлял до 300 пудов.¹⁰ В. И. Липский отмечал, что туркмены сеяли много джугары, и издали поля ее походили на посевы кукурузы.¹¹

Рисовых посевов из-за недостатка воды было немного. Сеяли его только северные кишлаки. На одну десятину земли высевалось около 6—7 пудов риса, что при хорошем урожае

давало 120—150 пудов.¹² По данным 1917 г., посевы риса в Курган-Тюбинском округе достигали 5,4% поливной площади.¹³

Люцерна (бида) высевалась в каждом хозяйстве, около танапа на двор. Это была единственная культура, для которой жители удобряли землю, когда начинали уменьшаться укосы. Дает она от 4 до 5 укосов в лето в течение 6 лет. Сбор с одного танапа составлял 1000—1200 снопов весом по 5 фунтов каждый. Так как налоги с люцерны очень невелики (79 коп. на танап), она весьма выгодна, но из-за отсутствия внешнего рынка использовалась исключительно в собственном хозяйстве.¹⁴

Население пограничных кишлаков выращивало клевер для продажи пограничным постам и заставам. Некоторые кишлаки были постоянными поставщиками.

Культивировались также дыни и арбузы. Дыни довольно вкусные, все одного местного сорта. В. И. Липский писал: «Особенно мастера туркмены по части дынь и арбузов, которые у них прямо великолепные».¹⁵

По свидетельству П. Гаевского, в Сараях, где имелись русские жители, сажали картофель, но опыты были мало удачными, так как картофель быстро гнил. Причиной этому, по-видимому, малая песчаность лесса. По словам одного из офицеров, картофель отлично удавался после внесения в почву песка.¹⁶ С появлением в районе Сарая постов пограничной стражи и штаба отдела значительно увеличился спрос на овощи, и предприимчивые владельцы земельных участков, лежащих вблизи реки Пяндж, стали разводить в значительном количестве капусту. Часть ее закупалась постами пограничной стражи, а часть отправлялась для продажи в Термез.¹⁷

Хорошо было развито садоводство и виноградарство. Н. А. Зарудный, посетивший Курган-Тюбинское бекство в 1910 г., писал, что местоположение Камар-Сарая уже издали определялось порядочными садами.¹⁸ Д. Н. Логофет также писал о наличии большого количества виноградников, находящихся в самом кишлаке.¹⁹

В распространении передовой по тому времени сельскохозяйственной техники важную роль сыграло русское население края. В тогдашней печати отмечалось, что русский железный плуг, имевшийся у некоторых чинов пограничной стражи, с первых же дней своего появления завоевал признание у местного населения. Препятствием к распространению плугов

служила лишь их относительная дороговизна. «Сарайские торговцы, выписав партию плугов, решили в свое время нажать на них капиталы и, выписав их ценою около 16 рублей по прејскуранту, стали продавать по цене от 40 до 50 рублей за штуку».²⁰ Несмотря на такие высокие цены, все плуги были немедленно распроданы. Ввиду большого спроса местного населения на русские плуги была выписана партия плугов из государственных складов. С доставкой в Сарай каждый плуг обошелся по 25 руб. 50 коп. Несмотря на высокую надбавку, они были разобраны почти моментально. Один из плугов был даже приобретен жителями города Хазрети Имам Сохиб и увезен затем в Афганистан.²¹

Таким образом, в конце XIX и начале XX в. происходит, хотя и очень медленно, процесс разложения натурального хозяйства и замена его товарным производством.

Хлопководство. Во второй половине XIX в. Средняя Азия превратилась в громадный рынок сбыта промышленных изделий русских капиталистов, в сырьевую базу, прежде всего для текстильных предприятий России.

С течением времени все большее место в вывозе из Средней Азии в Россию стал занимать хлопок. В середине прошлого столетия Бухарское ханство было самой крупной базой после Хивинского ханства по выращиванию хлопка в Средней Азии. Еще накануне присоединения Средней Азии к России основная часть хлопкового волокна из Средней Азии поставлялась из Бухарского ханства.²² Даже после присоединения из всех местных сортов хлопка бухарский сорт оценивался выше ташкентского и кокандского.²³

Рост текстильной промышленности в России требовал увеличения производства хлопка. На рынках России поднимались цены на среднеазиатский хлопок. Если в 1861 г. пуд его стоил 4—5 руб., то в 1864 г. за пуд платили до 22—23 руб.²⁴

В конце XIX в. хлопководство стало интенсивно развиваться и в Курган-Тюбинском бекстве. В связи с этим следует упомянуть работу Т. Г. Тухтаметова,²⁵ в которой автор полностью отрицает, что население Восточной Бухары, в том числе и Курган-Тюбинского бекства, занималось хлопководством вплоть до 1911 г. В исторической литературе уже указывалось на ошибочность этих выводов Т. Г. Тухтаметова.²⁶ Именно поэтому автор считает необходимым остановиться на вопросе о развитии хлопководства в Курган-Тюбинском бекстве в конце XIX и начале XX в.

В Курган-Тюбинском бекстве в 1890 г., согласно данным В. И. Масальского, было собрано 1000 батманов гузы, т. е. местного сорта хлопка.²⁷

А. А. Семенов, посетивший Курган-Тюбинское бекство в 1898 г., видел вблизи кишлака Джиликуль небольшие посе- вы хлопчатника. Он писал: «Хлопок, собираемый с полей, идет на приготовление ткани невысокого достоинства, кото- рая служит исключительно только для удовлетворения мест- ных потребностей».²⁸

В начале нынешнего века в Сарайском амлокдарстве хлопок стал вытеснять зерновые культуры с поливных зе- мель. Долина Сарая давно уже была известна как житница окрестных районов. Войсковые части Термезского и Керкин- ского гарнизона получали отсюда пшеницу, муку, рис, ячмень, клевер. В 1904 г. Д. Н. Логофет писал: «За последнее время продукты эти сильно вздорожали, так как земледельцев Са- райского района захватило общее чуть ли не по всему Тур- кестанскому краю увлечение хлопковым делом, и Сарайская долина почти сплошь покрылась хлопковыми плантациями».²⁹

Расширение посевов хлопчатника не сопровождалось вве- дением в хозяйственный оборот новых земель за счет улучше- ния ирригационного строительства, а происходило за счет вы- теснения зерновых культур и клевера с поливных земель.

Н. А. Зарудный, посетивший Курган-Тюбинское бекство в 1910 г., отмечал, что видел посе- вы хлопка у побережья ре- ки Пяндж.³⁰

В. И. Масальский также указывал, что жители равнины Сарая занимаются земледелием и кроме других культур сеют хлопчатник.³¹

Укрепление экономических связей Курган-Тюбинского бекства с городами Бухара, Термез, Самарканд и другими торговыми центрами Бухарского ханства и Туркестанского края, проникновение в экономику Средней Азии русского тор- гового капитала, усиление спроса на хлопок—все это способ- ствовало росту посевных площадей под хлопчатником в бек- стве. По данным за 1911 г., в Курган-Тюбинском бекстве по- севная площадь под хлопчатником составляла 2000 десятин, с которых собиралось 110 тыс. пудов хлопка.³² А по данным агронома Шумкова, под хлопчатником в Курган-Тюбинском бекстве числилось 1300 десятин земли.³³

Владельцы хлопкоочистительного, маслобойного и мыло- варенного заводов в Термезе ходжи Каримдат Шамсудди-

нов и Ибрагим Матчанбаев 12 октября 1911 г. подали про- шение на имя управляющего политическим агентством, где писали, что в течение последних лет ими построены в г. Тер- мезе хлопкоочистительный и мыловаренный заводы, разве- дены хлопковые плантации площадью до 2000 десятин, т. е. около 7000 танапов, и таким образом положено начало внеде- рению новых сортов хлопчатника в Термезском районе, к ка- ковому они причисляют Ширабадское, Байсунское, Курган- Тюбинское и Кабадианское бекства. Здесь они закупали крупные партии хлопка-сырца. По их словам, кроме личной выгоды, они заинтересованы в улучшении хлопкового дела в Термезском районе, главным образом путем введения но- вейших приемов полевого хозяйства и организации правиль- ного сбора и сортировки хлопка. Они писали: «Положение хлопкового дела в Термезском районе в настоящее время весьма печально и главной причиной этому является плохое качество товара. Действительно, до сих пор беками упомяну- тых выше бекств не определен урожай и поэтому не разре- шается производить сбор хлопка, между тем наступает на- настье и когда будет разрешен сбор хлопка, то хлопок, долго стоявший на корню, сильно загрязняется, жители торопятся убрать урожай до зимы, а имея к тому мало времени, соби- рают сразу все сорта, получается смесь хороших и плохих сортов хлопка и товар обесценивается».³⁴ В результате дех- кане теряли доходы от своих трудов.

Оба просителя больше всего беспокоились о том, что плохое качество хлопка создаст дурную репутацию Терме- зскому району на Московском рынке, и что они получают мень- ше прибыли, и отмечали, что вложили в дело миллионный ка- питал. Они просили политагента ходатайствовать перед эми- ром, чтобы тот предписал местным бекам разрешать сбор хлопка с августа, так как урожай легче было определить после уборки.³⁵

Политический агент А. Сомов в своем письме от 16 апре- ля 1912 г. на имя Мирзо Насрулло бия кушбеги вполне согла- сился с доводами просителей и, приведя аргументы, добавил, что необходимо устроить хлопковые базары-сарай с навеса- ми, поставить там казенные весы, а также установить надзор за порядком на базарах и улучшением качества товаров. По- литагент просил бухарское правительство допустить сбор хлопка с 1 сентября, так как к этому времени определение урожая должно быть уже закончено.³⁶

Рост текстильной промышленности в России требовал увеличения производства хлопка. Поэтому царская администрация Туркестанского края поощряла развитие хлопководства в крае, в том числе и в Бухарском ханстве. Не случайно царский чиновник Кривошеин в докладе о поездке в Туркестанский край в 1914 г. писал: «Каждый пуд туркестанской пшеницы—конкуренция русской сибирской пшенице, каждый пуд туркестанского хлопка—конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошаемые земли для хлопка».³⁷

П. Гаевский, осветивший экономическую и бытовую сторону жизни Курган-Тюбинского бекства в период 1910—1914 гг., отмечал, что ранее здесь культивировался только местный сорт хлопка—«гуза», да и то в небольшом количестве для собственной потребности. «Года 4—5 назад началась культура американского хлопка, семена под которую в задатки давали армяне и русские торговцы из Сарая и Термеза, но и в настоящее время еще более половины сеется местной гузы, хотя с каждым годом посевы ее уменьшаются, и растет культура американского хлопка, по местному «пахта»».³⁸

Русскоподданные армяне и русские торговцы, жившие в кишлаке Сарай, а также приезжавшие купцы из Керки и Термеза привозили семена американского хлопка и раздавали местным дехканам, а получив с них урожай увозили его на каюках через порт Файзабад-кала в Термез, где обрабатывали на местных хлопкоочистительных заводах.

П. Гаевский отмечал, что американские сорта внедрялись медленно, так как при созревании коробочки широко раскрывались и ветер легко выдувал из них вату. А сбор хлопка нельзя было начинать до осмотра амлокдором, который, определив урожай на корню, давал разрешение на сбор хлопка. Кроме того, местный сорт можно было собирать позднее, после уборки других сельскохозяйственных культур, и сбор иногда затягивался до февраля. Многие дехканские хозяйства сеяли хлопок в основном для собственного потребления. В домашних условиях женщины выбирали семена из хлопка, и чистая вата использовалась для шитья халатов, одеял, на изготовление хлопчатобумажных тканей и на другие бытовые нужды. Поэтому даже имевшие небольшие зе-

мельные наделы дехкане старались использовать часть земли для посева хлопчатника.

Посев и обработка хлопчатника велись отсталой и примитивной техникой. Пахали под хлопок деревянным плугом (омачом) с железным наконечником, а выравнивали землю после пахоты и высева семян бороной, представлявшей собой плетень—волокушу или обыкновенную доску. Этот процесс П. Гаевский описывает так: «Пашут под хлопок также омачом и разравнивают бороной—доской, перед вспашкой гряд не делают, да гряды здесь были бы не желательны, так как часто ветры сушат землю, и требовалось бы много воды, но нет и рядовой посадки, а семена или прямо разбрасываются в землю по одному, или сажают в лунку по 2 зерна. Посев в конце апреля. Поливка делается или напуском, или проводятся поливные борозды».³⁹ Таким образом, хлопок засевался не грядкой, а палом, т. е. сплошным полем, что снижало качество полива и требовало больших затрат воды, которой было недостаточно в бекстве.

Он же отмечал: «Достаточно легкий грунт позволяет всходить 1—2 зернам, но иногда бывают случаи, что дождь затянет корочкою землю, ростки не в силах пробить ее, и посев вовсе не всходит, поэтому некоторые сажают в землю по 4 зерна, на всходе делается разреживание». В определенное время делалась поливка 5—10 раз, сорные травы выпалывались редко, и иногда сорняки почти полностью заглушали хлопок. «Окучивание, чеканка и пр. уход за хлопком не известен и не проводится».⁴⁰

В общем обработка хлопка была примитивной, и никакие агротехнические приемы не применялись. В то время минеральные удобрения не использовались, а местные вносились в небольшом количестве, они в основном шли на огороды и приусадебные участки. Поэтому урожай хлопка здесь был очень низким. По определению П. Гаевского, «на десятину высевают около 2 пудов семян и даже менее, до 1 пуда (в Фергане—4—5 пудов), и урожай получают сам 32, т. е. в хорошие годы 64 пуда с десятины.»⁴¹

Для Курган-Тюбинского бекства введение американского сорта хлопка, по мнению П. Гаевского, имело следующие преимущества: во-первых, здесь воды для полива хлопка было больше, чем в долине Зеравшана, особенно в середине июня, когда этот сорт находился накануне цветения; во-вторых, в Вахшской долине при необходимости можно было

производить промывку почв. Кроме того, здесь не было ранних заморозков, которые могли погубить недозревшие, но раскрывшиеся коробочки американского сорта хлопка. «Единственным препятствием остается необходимость перед сбором хлопка осмотра его амлякдаром или даргой, при замедлении в этом осмотре выдувается часть ваты ветром».⁴²

Горячие ветры (гарм сили) также влияли на американские сорта хлопка, так как они были менее выносливы и требовали дополнительного ухода. Главным вредителем хлопчатника была саранча. Большой вред хлопку наносила тля.

Но все указанные «...недостатки вознаграждаются значительной разницей в цене местного и американского сортов, свыше 1 рубля в пуде, и несмотря на недавнее появление последнего, четыре—пять лет, он успешно вытесняет посевы местной «гузы».⁴³ Если пуд местного сорта хлопка «гузы» стоил в это время от 1 рубля 80 копеек до 1 рубля 90 копеек, то пуд американского сорта хлопка стоил от 2 рублей 90 коп. до 3 рублей 75 копеек.⁴⁴ Поэтому дехканские хозяйства были в значительной степени заинтересованы в посеве американского сорта хлопка, который приносил больше дохода.

Однако внедрение американского хлопка, качество которого было намного лучше местного и стоил он дороже, осуществлялось очень медленно из-за патриархально-феодальной отсталости края с ее многочисленными налогами, злоупотреблениями чиновников и чрезвычайно низкой агротехникой.

Общая площадь засева хлопка в 1914 г. в Курган-Тюбинском бекстве многими исследователями определялась в 3800 десятин, или 19 000 танапов⁴⁵ (5 танапов приравнивались к десятине).

В Курган-Тюбинском бекстве было сосредоточено больше 51% всей хлопковой площади Восточной Бухары, на душу населения приходилось 175 кв. сажен, или $\frac{1}{13}$ десятины земли, засеянной хлопком.⁴⁶

Относительно урожая у исследователей имеются различные мнения. Так, Т. П. Аветисов валовой сбор хлопка в бекстве определяет в 1400 батманов,⁴⁷ а П. П. Введенский—в 4750 батманов. Средний урожай хлопка на танап земли в Курган-Тюбинском бекстве был 0,2 батмана. На душу населения в бекстве производилось 36 фунтов хлопка-сырца.⁴⁸

Накануне первой мировой войны в Курган-Тюбинском бекстве хлопок постепенно начинал служить промышлен-

ным целям и под влиянием усилившегося спроса стал обособляться и понемногу переходить на интенсивные формы землепользования.

Отсутствие хлопкоочистительного завода в Курган-Тюбинском бекстве тормозило развитие хлопководства, поэтому строительство такого завода было тут первостепенной необходимостью.

Очистка хлопка на заводах в Бухарском ханстве была намного дороже, чем в Туркестане. Кроме хараджа, хлопок на заводах и складах облагался добавочными сборами. Сырец поступал на правительственные склады, отдаваемые на откуп, где он облагался различными сборами, достигавшими 20%. Американский сырец проходил через эти склады только один раз, тогда как хлопок местного сорта проходил два раза: первый раз в сыром виде, а затем гуза передавалась в гузоочистительные предприятия, и хлопок-сырец, освобожденный от кожуры, вновь поступал на склады, где вновь облачивалось 20% его стоимости.⁴⁹ Все это вызывало необходимость постройки хлопкоочистительного завода на месте. Б Русское политическое агентство из Курган-Тюбинского бекства стали поступать заявления с просьбой разрешить русским торговцам и промышленникам постройку завода.

Присяжный поверенный А. В. Новгородский 26 июня 1916 г. подал прошение на имя управляющего политическим агентством в Бухаре, в котором писал, что с увеличением площади посева хлопчатника в Сарае и окрестностях г. Керки имеющиеся хлопкоочистительные заводы не успевают очистить за зиму всего урожая хлопка, и, кроме того, владельцы заводов берут за очистку невероятно высокую плату. Поэтому он просил разрешения его доверителю Б. А. Бабаханянцу на постройку двух хлопкоочистительных заводов—одного в окрестностях Сарая, а другого в местности Керкича на правом берегу Амударьи, в 4 верстах от станции Самсоново Бухарской железной дороги.⁵⁰

Доверитель А. В. Новгородского персидский подданный Б. А. Бабаханянец, живший в Самарканде, прибыл в Бухару и получил удостоверение от 8 июля 1916 г., где указывалось, что Российское политическое агентство выдало настоящее удостоверение Б. А. Бабаханянцу в том, что ему разрешается построить в окрестностях Сарая хлопкоочистительный завод.⁵¹

Во время продажи и покупки хлопка на базарах и в караван-сараях Курган-Тюбинского бекства происходили ссоры и

скандалы между скупщиками и местными чиновниками, которые взимали закот. Именно поэтому заведующий административно-полицейской частью в Сарае Абакумов в своем рапорте политическому агенту в Бухаре от 29 июня 1916 г. писал: «Ввиду частых недоразумений между скупщиками хлопка и закотчиями, прошу Ваше Превосходительство установить порядок для русскоподданных, когда должен платиться закот на хлопок и гузу: при заключении ли первой сделки или же на заводах в городах Керки и Термез, куда отправляется весь хлопок Сарайского района для очистки.

Ранее никаких правил не существовало и скупщики платили закот там, где с них меньше взимал закотчи». ⁵²

В своем ответе управляющий политическим агентством Шульга писал полицейскому чиновнику в Сарае: «Вследствие рапорта от 29 июня сего года за № 157 сообщаю, что покупатели обязательно должны платить закот с батмана сырца 11 тенег и с гузи — 8 тенег при покупке таковых в сараях, а не на заводах». ⁵³

В октябре 1915 г. харьковский купец первой гильдии В. И. Лев, бухарский купец Мирхайдар Мирбадалов и мещанин города Золотоноши З. А. Белецкий создали Восточно-Бухарское товарищество для «совместной торговли по купле и продаже хлопка во всех его видах, а равно и его продуктов в пределах Бухарского ханства», ⁵⁴ которое сыграло важную роль в дальнейшем расширении посевных площадей под хлопок в Курган-Тюбинском бекстве. После окончания хлопкового сезона 1915/1916 гг. это товарищество представило русскому политическому агенту в Бухаре для передачи бухарскому правительству обзор положения хлопкового дела в Восточной Бухаре, где одновременно высказало свой взгляд на необходимость принятия мер в целях развития хлопковой культуры в Восточной Бухаре и упорядочения производства и торговли хлопком. ⁵⁵

Представитель товарищества З. А. Белецкий, объезжавший лично Восточную Бухару и производивший закупку хлопка-сырца, в том числе и в Курган-Тюбинском бекстве, имел возможность изучить детально вопрос на местах, и на основе его данных и был составлен обзор. Он отмечает, что в Курган-Тюбинском, Гиссарском, Ширабадском, Байсунском, Кулябском, Кабадианском и Денауском бекствах урожай сезона в 1915 г. достиг 90 000—100 000 батманов хлопка, из коих 90% американского сырца и 10% гузы.

Следует отметить ошибочный вывод составителей этого обзора о том, что «...5 лет тому назад на всем пространстве, охватывающем эти районы, совершенно не было хлопка, если не считать очень небольшого количества в Ширабадском бекстве». ⁵⁶

Т. Г. Тухтаметов категорически отрицает, что население Восточной Бухары и Курган-Тюбинского бекства занималось хлопководством вплоть до 1911 г. Однако данные полностью опровергают ошибочный вывод как авторов вышеуказанного обзора, так и Т. Г. Тухтаметова.

Одним из главных препятствий к дальнейшему развитию хлопководства в Восточной Бухаре и в том числе в Курган-Тюбинском бекстве была существовавшая здесь система бунака, при которой ростовщики давали крестьянам задаток под будущий урожай. В обзоре указывалось, что «практиковавшаяся там сильно укоренившаяся до последнего времени раздача известной группой ростовщиков (фойдахурами) бунака — и не наличными деньгами, а продуктами и разными товарами (чай, мануфактура и очень низкого качества хлопковые семена), считая их по произвольным, невероятно высоким ценам, с обязательным условием со стороны дехкан возврата бунака не деньгами, а только хлопком по неизмерно низким ценам». ⁵⁷

В том же обзоре писалось, что в начале сезона фойдахуры получали от дехкан буначный хлопок в Курган-Тюбинском бекстве по 150 тенег за 16-пудовый батман, а затем, когда покупку в этих районах начало производить Восточно-Бухарское товарищество, то оно платило по 425 тенег за 16-пудовый батман. ⁵⁸

Политагент, находя заявление Восточно-Бухарского товарищества справедливым, систему буначной сделки вредной как для населения, так и для развития хлопководства в Восточной Бухаре, просил кушбеги сделать строгое распоряжение всем бекам Восточной Бухары о категорическом запрещении раздачи бунака и совершения буначной сделки как на хлопок, так и на хлебные злаки, и строго следить за проведением этой меры в жизнь, чтобы развитие хлопководства в Восточной Бухаре стало на уровень, на котором находилось оно в то время в Центральной Бухаре. Кроме того, отменить навсегда взвешивание хлопка каснаками (местные весы), взамен их употреблять русские проверенные весы. Уничтожить кишлачную покупку навсегда, заменив ее

исключительно базарной системой, для чего необходимо устроить пахта-сарай в Курган-Тюбинском бекстве в селениях: Курган-Тюбе, Лагман, Джиликкуль и Сарай-Камар, назначив для каждого пункта отдельные базарные дни. Кроме того, политагент на основе заявления вышеуказанного товарищества предлагал ряд мер, направленных к пресечению буначной системы в Восточной Бухаре.

Далее политагент, обращаясь к бухарскому правительству, просил разузнать и собрать имена лиц, выдающих ссуды под буначную сделку, для строгого воспрещения им выдачи ссуд, а также строго запретить казиям совершать документы на буначную сделку.⁵⁹

На указанную просьбу бухарское правительство ответило, что рекомендации политагента переданы Мирзо мирахуру—чиновнику по делам гузы и хлопка. Кроме того, об указанной просьбе было сообщено правителям Восточной Бухары, чтобы они руководствовались ею в своей практической деятельности.⁶⁰

Несмотря на неоднократные обращения политагентства к бухарскому правительству, раздача бунака продолжалась. В конце ноября 1916 г. политагент в письме Мирзо Насрулла бию кушбеги вновь просил сделать строгое распоряжение о категорическом запрещении раздачи бунака и совершения буначной сделки. Так как, по донесению полицейского чиновника в Сарае, там все еще продолжалась раздача задатков под хлопок, политагент вновь подтверждал, что выданные задатки в текущем (1916) году следует считать недействительными. Лица, раздавшие задатки, имеют право получить их обратно только наличными деньгами, но ни в коем случае не товаром. Кроме того, политагент просил поручить кабадианскому, гиссарскому, кулябскому, курган-тюбинскому и другим бекам немедленно ввести для продажи хлопка и гузы базарную систему и широко объявить населению о том, чтобы для продажи вывозились товары только на базары и продавались по базарной цене и за наличные деньги, и впредь никогда не брали бы задатки под хлопок. Для облегчения же нужд населения во время посевов хлопка и гузы желательно, чтобы вышеназванные беки выдавали населению необходимые ссуды.⁶¹

На это письмо политагента кушбеги в декабре 1916 г. ответил, что относительно запрещения бунака были написаны указанным бекам письма о соблюдении просьбы политагента.⁶²

Фактически же все просьбы политагента не были выполнены. Бухарское правительство направляло в бекство письма относительно рекомендаций политагентства о запрещении бунака, но на местах не было ни должного контроля, ни желания у местного чиновничества заниматься этим делом.

Отсутствие в отдаленных бекствах Восточной Бухары хлопкоочистительных заводов также задерживало развитие хлопкового дела. Сырец для очистки приходилось транспортировать в Новую Бухару. Провоз этого сырца в текущем сезоне (1915 г.) обошелся в 9 руб. 60 коп. за 8-пудовый батман, что составляло 4 руб. 25 коп. за пуд чистого хлопка-волокна.⁶³

Высокая стоимость провоза отражалась на покупной цене сырца и ложилась тяжелым бременем на дехкан. Вместе с тем вывоз хлопка для очистки из пределов посевных местностей лишал дехкан возможности приобретать на месте посевные семена на будущий сезон. Последнее обстоятельство можно считать отчасти устраненным предполагаемой постройкой Восточно-Бухарским товариществом к началу будущего сезона хлопкоочистительного завода в Джиликкуле или Сарае.⁶⁴ Этими мерами фирма хотела прибрать к своим рукам весь хлопок не только в Курган-Тюбинском бекстве, но и во всей Восточной Бухаре.

Товарищество 21 июля 1916 г. обратилось в Российское политическое агентство в Бухаре с ходатайством, в котором писало: «При сём честь имеем представить проект (в двух экземплярах) хлопкоочистительного завода, который имеет быть нами построен в городе Сарае, в Восточной Бухаре.

Покорнейше просим Российского Императорского Политического Агентства сей проект утвердить и выдать нам разрешение на постройку такового».⁶⁵

В другом документе, где даются сведения о заводах в пределах Бухарского ханства за 1916 г., отмечается, что в Сарае имеется завод и принадлежит он указанному товариществу, однако завод еще достраивается.⁶⁶ Вскоре после этого завод был построен и эксплуатировался вплоть до установления Советской власти в Бухарском ханстве.

Сразу после победы Советской власти на заседании Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики 12 декабря 1918 г. был рассмотрен вопрос о праве владения хлопком и заводом, находящимся в кишлаке Сарае Курган-Тюбинского бекства Бухарского ханства, который принадлежал Восточно-

Бухарскому товариществу. Совет Народных Комиссаров принял постановление, где указывалось: «Ввиду того, что хлопковый завод в Сарае по книгам Резидентства (представительство русского правительства.—Ш. Ю.) числится принадлежащим русским подданным в лице гр. Мирбадалова, Лева и Белецкого, заявить, что этот завод подлежит национализации».⁶⁷

Правительство и господствующий класс Бухарского эмирата встретили известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции враждебно. Они порвали всякие экономические и политические отношения с Советской Россией.

Острая нужда в хлебе, снижение цен на хлопок, отсутствие спроса на него побудило бухарское правительство частично, а к 1920 г. почти полностью отказаться от посева хлопчатника.

С 1918 г. крестьяне Бухарского ханства начали отводить под хлеб хлопковые поля из-за отсутствия подвоза хлеба и хлебных продуктов из России. В 1918 г. бывшую под посевами хлопка площадь на 50% засеяли пшеницей и другими хлебными злаками. В 1919 г. от всей хлопковой площади осталось всего 20%, а в 1920 г. — только 10%.⁶⁸

Увеличение армии и расходов на ее содержание, бесчисленные налоги и поборы, взимаемые с дехкан, экономическая изоляция Бухарского эмирата и бесцеремонное хозяйничание в его экономике иностранцев привели к полному разорению Бухарского ханства и окончательному обнищанию трудящихся.

Вред, причиняемый саранчой. В начале 80-х годов XIX в. все посеы на территории Курган-Тюбинского бекства были полностью уничтожены налетевшей из Афганистана саранчой.

В 80—90-х годах XIX в. между Россией и Бухарским ханством неоднократно происходили переговоры по вопросу истребления этого опасного вредителя сельского хозяйства. В результате бухарское правительство было вынуждено организовать борьбу с саранчой и для этой цели приобрело в России аппараты Вермореля (для опрыскивания отравляющей жидкостью).⁶⁹

Но в начале XX в. борьба с саранчой почти прекратилась, так как против этого продолжало яростно выступать бухарское духовенство. В результате в ряде бекств Восточной Бу-

хары, в том числе в Курган-Тюбинском, саранча совершенно уничтожила посеы.

Д. Н. Логофет в 1903 г. писал, что из-за неоднократных налетов больших масс саранчи летом прошлого и позапрошлого года совершенно изменился привлекательный вид Сарайской долины, нарушилась жизнь ее обитателей. По сообщению местных жителей, саранча уничтожила решительно все, причем 1902 г. был в этом отношении еще хуже 1901 г.

Бедственное положение вынудило часть жителей еще в 1902 г. искать другие места. Близость афганских владений и хорошее качество земель, отводимых афганским правительством переселенцам из ханства, являлись большим соблазном, и несколько десятков семей уже тогда переселились в Афганистан.⁷⁰ Но афганское правительство больше заботилось о новых налогоплательщиках из Бухарских владений, чем о крае.

Д. Н. Логофет там же отмечал, что число жителей, оставшихся в долине Сарая, и размеры убытков, причиненных саранчой, наглядно выражаются количеством собранной местным беком подати, которой в 1900 г. было собрано до 15 тыс. руб., а в 1901 г. — менее тысячи.⁷¹

Меры, принимаемые против саранчи местным населением, были весьма примитивными и заключались в том, что, вырыв длинную траншею близ места, где находилась молодая и еще не летающая саранча, сгоняли ее в эту траншею, а затем быстро зарывали. Но и эти меры применялись не систематически и далеко не везде, а поэтому и результаты их были ничтожными.

Р. Ю. Рожевец, посетивший Курган-Тюбинское бекство в апреле 1906 г. отмечал, что к северу от кишлака Лагман рядом с дорогой обширные поля, «но здесь же местами развела такая масса молодой саранчи, что дорога была буквально ею покрыта, и от пышных растений нередко оставались только твердые, более толстые части стеблей».⁷²

Видя бедствия дехкан, передовые русские люди, жившие в Туркестанском крае, выступили с требованием организовать в Бухаре борьбу с саранчой. С другой стороны, Туркестанские власти опасались проникновения саранчи из пределов Бухарского ханства в Туркестанский край, в частности, в Самаркандскую область, в связи с чем возобновили переговоры с правительством эмира о борьбе с саранчой.

Д. Н. Логофет указывал, что цены на хлеб в долинах за-

всят от налетов саранчи, очень часто совершенно уничтожающей посевы и причиняющей огромные убытки населению. Весной 1909 г. эмир, несмотря на протесты духовенства, пригласил русский отряд для истребления саранчи в Бухарском ханстве.⁷³

Работы по истреблению саранчи начались 16 марта 1911 г. Впервые были применены железные щиты. В конце апреля саранча была полностью уничтожена, за исключением небольших залежей вблизи озера Джиликуль.

Саранча была одной из причин бедности жителей Курган-Тюбинского бекства. Условия ее размножения были недостаточно исследованы, борьба с ней по существу началась только накануне первой мировой войны. Год за годом она опустошала посевы, вынуждая жителей частью покидать свои кишлаки, частью буквально голодать, распродавать за бесценок скот для покупки хлеба и уплаты налогов. Так, в большом кишлаке Кара-Туркмен, где в 1913 г. были посевы на 44 пары быков, два года назад сеялось из-за саранчи только на 8 парах.⁷⁴

По настоянию русских властей Туркестана эмиром были отпущены средства для борьбы с саранчой. Опыт показал, отмечает П. Гаевский, полный успех борьбы с саранчой. У населения остались хорошие впечатления от работы русских противосаранчовых отрядов; «ни разу не пришлось слышать каких-либо указаний жителей, что русские вмешались не в свое дело или идут против воли аллаха. Вдохнувшее свободно население с признательностью и сочувствием смотрело на противосаранчовую кампанию».⁷⁵

По сведениям П. Гаевского, саранча не всегда прилетала непосредственно из Афганистана. Вначале она появлялась в соседнем Кабадианском бекстве и, размножившись в горах, на следующий год уже появлялась на территории Курган-Тюбинского бекства. Здесь она сначала размножалась в ближних горах Кара-Бура, Кызыл-Тумшук и даже на свободных землях среди кишлаков близ воды, и отсюда уже делала опустошительные нашествия. «Так как никакого истребления ее не велось, то она беспрепятственно уничтожала посевы, причем не требовалось даже новых перелетов из Афганистана. С афганского берега последний раз был перелет саранчи в 1910 г., когда ветром ее несло 11 дней, и с этих пор

она не летала, даже, наоборот, отсюда она заносилась к Кабулу».⁷⁶

В 1912 г. за счет казны ханства было отпущено около 300 000 руб. на борьбу с саранчой. Площадь залежей ее определялась в пяти бекствах Юго-Восточной Бухары в 47 000 десятин. Израсходовано было, включая и расходы на новые разведки, 215 000 руб. Борьба велась успешно с применением передвижных железных стенок, ставившихся на пути саранчи, сжиганием и опрыскиванием инсектицидами, остальное уничтожали розовые скворцы. В результате борьбы уничтожено было пешей саранчой посевов лишь около 100 десятин. Хотя перелетной саранчой и было уничтожено мало посевов, но ее было очень много. Осенние разведки обнаружили в 1913 г. новые скопления саранчи, перелетевшей с афганского берега на площади до 64 000 десятин. На борьбу с ней был отпущен новый кредит в 325 тыс. руб., а израсходовано было фактически около 260 тыс. руб.⁷⁷

Осенью 1912 г. в Курган-Тюбинском бекстве были зарегистрированы места размножения саранчи на 1500 десятинах, а весной следующего года—еще на 1700.⁷⁸ Работа по истреблению саранчи велась местными жителями по наряду бека. 200—300 человек с помощью 61 ручного опрыскивателя работали четыре недели подряд. Каждым опрыскивателем можно было обработать в день около $\frac{3}{4}$ десятины. На паровых площадях в 1500 десятин саранча отродилась весьма густо, поэтому истребительные отряды здесь действовали до 3 недель. Остальные 1700 десятин были очищены в 6—7 дней. Успех был полный, и посевы в Курган-Тюбинском бекстве были сохранены.

«На будущее участники противосаранчовой организации смотрят вполне оптимистично, местная саранча истреблена, но дальнейшие залеты из Афганистана возможны и могут потребовать новых средств»,⁷⁹—отмечал П. Гаевский.

Борьба бухарского правительства с саранчой вызывалась не только заботой о населении ханства, но и русскими интересами. Следовало постоянно вести борьбу с вредителями. Полного уничтожения саранчи можно было достичь при заключении международного соглашения с Афганистаном и Индией.⁸⁰

Средняя стоимость очистки от саранчи десятины земли по опыту противосаранчовой организации была около

4 руб. 50 коп. Следовательно, для Курган-Тюбинского бекства в 1913 г. расходы составили около 14 000 руб.

Энтомолог М. Сиязов считал, что стоимость обработки десятины ядохимикатами при оплате рабочим 1 руб. в день составляет от 3 руб. 22 коп. до 4 руб. 26 коп., в зависимости от крепости раствора и от пошлины на ядохимикаты. Сюда не включены расходы на администрацию и контроль.⁸¹

Орошение. Вахшская долина—край древнего орошения. Сохранившиеся следы древних ирригационных каналов и археологические раскопки свидетельствуют о том, что орошение здесь существовало с незапамятных времен. Однако длительное время плодородные земли не были освоены полностью. Больше половины пригодных к орошению земель пустовало. Это объясняется условиями крайне тяжелого и сложного водозабора, необходимостью ежегодно расходовать огромное количество человеческого труда, материалов и транспортных средств на регулярную очистку каналов от заиления.

Несовершенные, крайне примитивные водозаборные сооружения из камыша и камня очень часто разрушались стремительным течением рек. Каналы на много дней оставались без воды. На больших площадях посевы и насаждения погибали полностью. Со многих полей дехкане получали очень небольшой урожай. Наряду с этим, вследствие низкого уровня техники поливов, большие земельные массивы засолялись, заболачивались и выпадали из сельскохозяйственного оборота.

Источником, питающим земли Курган-Тюбинского бекства являлась р. Вахш. Основной ирригационной системой был магистральный арык Джуйбор, бравший начало из р. Вахш, о чем сообщал П. Гаевский накануне первой мировой войны. Голова канала находилась у Вахша в галечном грунте, с низкого берега была выдвинута в реку шпора длиной около 5 сажень. С помощью ее жители регулировали приток воды в арык при разных уровнях воды в реке. Из Джуйбора брал начало еще ряд арыков: справа—Каун-Тюбе, Таир-Малы и Ханым; слева—Таш-Арык, Чир-Караук, Иматы-Арык, Аккент и Диван-Беги.⁸² По данным таджикской изыскательской партии, работавшей здесь в 1925 г., длина Джуйбора была около 60 верст, а оросительная способность—4500 десятин земли.⁸³ По другим данным, орошалось еще столько же земли в 26 кишлаках с общим количеством 2345 дворов.⁸⁴

По данным, собранным П. Гаевским, только из одного арыка Ханым орошались площади 200 семейств. А вся ирригационная система Джуйбора орошала 6800 десятин.⁸⁵

Арык Аккент был левым ответвлением от вышеуказанного магистрального арыка и орошал земли 12 кишлаков с общим количеством 850 дворов.

Арык Каун-Тюбе являлся правобережным ответвлением Джуйбора и орошал земли кишлака того же наименования, состоящего из 95 дворов.

Следующим магистральным каналом был Джиликульский, или Туркмен-арык, который начинался на р. Вахш, выше арыка Джуйбор на 200 сажень. Арык Джиликульский обеспечивал 11 кишлаков, которые включали приблизительно 1037 дворов.⁸⁶ Однако имевшихся в бекстве арыков не хватало, необходимо было строить новые. Как пишет П. Гаевский, в связи с тем, что Джуйбор давал слишком мало воды, то в 1894 г. жители одного из южных кишлаков стали рыть себе новый арык, но не смогли довести дело до конца, через 10 лет за него взялись жители другого кишлака Кара-Туркмен. И у них не хватило силы, тогда к ним присоединились жители Джиликуля. Такой долгий срок работы объяснялся частично взаимными несогласиями жителей, а также тем, что жители других кишлаков не давали прорести арык через их земли и отчасти малым количеством населения Кара-Туркмен.

Работы уже близились к концу, на значительной части арыка уже пущена пробная вода, и жители рассчитывали, что если они в этом году после сбора урожая вновь примутся за работу, то не позднее следующего года кончат его. Кара-туркмены свою часть воды думали использовать близ кишлака, джиликульцы хотели провести воду на ровную небольшую площадку к югу от Джиликуля, уже когда-то бывшую под орошением. Воду предполагалось вывести к урочищу Найчи, т. е. до Пянджа.⁸⁷

Материалы, собранные этнографом Я. Р. Винниковым в Джиликуле, говорят о том, что строительство нового арыка здесь обычно продолжалось около 10 лет. Объясняется это не только большой протяженностью арыка и недостатком рабочих рук, но и взаимной враждой различных родов, нередко отказывавшихся от участия в начатом совместном строительстве. Кроме того, освоению и орошению земель туркменами-эрсаринцами препятствовало враждебное отношение к ним окружающих их узбекских племен, например, катага-

нов, встретивших поселение здесь туркмен крайне недружелюбно, потому что они лишались из-за этого хороших пастбищ.

Туркмены соблюдали обычаи патриархально-родового быта и нормы адата, согласно которым и земля и вода формально принадлежали обществу дехкан, участвовавших в строительстве канала. Однако фактически землей и водой распоряжалась родовая знать. Нередко с ее ведома и с разрешения бека или начальника амлокдарства в кишлаках поселялись пришлые дехкане, которые получали наделы орошаемой земли на равных правах со старожилами. Новые жители—это добавочный доход для местной администрации, поэтому последняя охотно давала разрешение на поселение новых дворов, хотя это и нарушало интересы основных землепользователей кишлака.⁸⁸

Арык Пас брал начало из р. Вахш в районе кишлака Джиликуль и орошал земли кишлака Якка-Писта, расположенного на приречной пойме. Этот арык был более коротким, по сравнению с другими магистральными арыками, и, получая непосредственное питание из р. Вахш, был наиболее обеспечен водой.

В Сарай-Камарском амлокдарстве Курган-Тюбинского бекства ирригационная система питалась из реки Пяндж. Янги-арык—магистральный канал длиной до 25 верст—орошал 7 кишлаков и Сарай-Камар. Голова арыка находилась на рукаве р. Пяндж. Из Янги-арыка брали начало 8 распределителей, имевших протяженность каждый от 10 до 15 верст, с нагрузкой до 100—200 дворов.

Специальная комиссия, изучавшая в 1925 г. состояние ирригационных систем в Курган-Тюбинском бекстве, писала, что голова Янги-арыка находится в рукаве р. Пяндж. В том месте, где арык выходит, рукав перегорожен дамбой из хвороста, травы и балласта—в нижней части и земляной насыпи в перемежку с дерном—в верхней части. С боков дамбы защищена частоколом, заплетенным хворостом. В средней части дамбы имелся проем для водосбора в половодье, во время низких вод он перекрывался бревном вместо шлюза. Сооружение имело довольно примитивный характер, часто сносилось при высоких водах, и на реставрацию его требовалось обычно много труда. В другом канале для забора воды в магистральный арык была выведена навстречу течению реки небольшая шпора из хвороста и булыжника длиной

5 сажень. Шпора легко сносилась рекой при повышении ее горизонта, а поэтому требовалась частая наброска новых шпор.⁸⁹

Магистральный канал Янги-арык имел ряд водораспределительных арыков: Шахмат, Городской, Палван, Ичка, Ходжа Кашкар, Кульдеман, Андижан и Темиз. Общее число дворов, обслуживавшихся этими арыками, составляло около 3100.

Арык Келячи являлся магистральным каналом, который обеспечивал группу кишлаков, примерно равную группе, обслуживаемой Янги-арыком. Длина канала была около 30 верст. Голова находилась в верстах 7—8 выше арыка Янги. Арык Келячи выводился непосредственно из реки Пяндж. Русло его лежало у подошвы высокого горного обрыва. Водой этого арыка пользовалось около 3000 дворов. Из него брали начало 19 распределителей с протяженностью 10—15 верст и с нагрузкой, как и Янги-арыкские распределители, от 100 до 200 дворов. Такими распределителями являлись арыки Чечка, Сарых, Тугул, Хороза, Катаган, Сармантай, Алиберди, Атчепар, Кудуклун.⁹⁰

Из распределительного канала отходили другие небольшие арыки в соседние кишлаки. Арык от кишлака Чечка до кишлака Кумсай начал проводить крупный землевладелец Кумсай Ганибай сын Саидахмада. Для этого он мобилизовал около тысячи человек с лопатами и кетменями. Сорок дней потребовалось, чтобы прокопать 35-километровый арык. Для тех, кто работал на строительстве, Ганибай зарезал пять баранов, после чего получил преимущественное право на этот арык.⁹¹

Водозабор осуществлялся с помощью примитивных устройств: сипаев, фашин, карабур. Такие устройства требовали больших затрат труда и средств. Судьба урожая всецело зависела от нрава реки. В паводок водозаборные сооружения разрушались, а в период спада воды река меняла русло и каналы оказывались без воды. Для восстановления водозаборных сооружений местные жители вынуждены были бросать полевые работы и за десятки километров выезжать к головным участкам каналов. Из-за плохой водообеспеченности поливные земли были в основном заняты под посевами зерновых и очень мало под хлопком.

П. П. Иванов так описывает организацию оросительных работ в Бухарском ханстве в первой половине XIX в.: «Часть работ производилась представителями местной провинциаль-

ной власти, привлекавшей к работе окружающее сельское население в порядке натуральной повинности. Необходимый материал в виде бревен, хвороста и т. д. для сооружения плотин также поставлялся местным населением без какого-либо вознаграждения со стороны правительства. Поставка этого материала рассматривалась как одна из натуральных повинностей. В других случаях ирригационные работы производились по инициативе частных лиц, располагавших необходимыми средствами, имевших возможность пользоваться дешевым или даже бесплатным трудом массы неимущего и экономически зависимого населения». ⁹² Сказанное полностью относится и к Курган-Тюбинскому бекству.

Водой пользовались по очереди, обычно через 6 часов, днем и ночью. При этом вся или почти вся вода арыка пускалась на землю, обрабатываемую одной парой быков. Воды было недостаточно, и это отражалось на урожае. Попытки южных кишлаков сеять рис часто терпели неудачу из-за недостатка воды.

Созыв населения для очистки арыков производился мирабми кишлаков, по два человека от каждого коша (количество земли, засеваемой на паре быков). Если не хватало людей при внезапных срывах головы арыка и при устройстве новых арыков, от каждого двора выставлялся добавочный человек. ⁹³

В водопользовании практиковалась очередность между кишлаками, а также между водопользователями внутри кишлака. Очередь устанавливалась по усмотрению мираб, как и раздел воды между водопользователями, причем распределение производилось на глаз.

Вследствие низкого уровня техники поливов, отсутствия нормальных гидротехнических сооружений дренажно-коллекторной сети и водосбросов, несвоевременного их ремонта большие земельные массивы засолялись, заболачивались и приходили в полную негодность для сельскохозяйственного использования.

Так, в рапорте от 15 сентября 1900 г. управляющей Амударьинским пограничным округом сообщал политическому агенту, что из-за разлива арычной воды ежегодно выходило из строя громадное количество плодородной земли в южных районах современного Таджикистана. А в другом рапорте от 15 октября 1901 г. командир пограничной Амударьинской бригады сообщал, что число болот около поста Сарай все уве-

личивается, и если раньше их насчитывалось единицы, то теперь приходится считать их десятками, и они тянутся на целые версты. «Затопленная трава и камыш гниют, распространяя и усиливая лихорадку». ⁹⁴

В результате этого земли выпадали из сельскохозяйственного оборота и превращались в болота.

В конце XIX в. и в начале XX в. из-за отсутствия надежных водозаборных сооружений, сложности проведения работ на реках, а также из-за экономической отсталости и технической невооруженности Бухарского эмирата использовалась только незначительная часть земельных массивов в Вахшской долине. И только при Советской власти воплотилась в жизнь вековая мечта народа—оросить плодородные земли Вахшской долины.

Животноводство. Одной из наиболее развитых отраслей сельского хозяйства в Курган-Тюбинском бекстве было животноводство, которым занималось главным образом кочевое и полукочевое население из узбеков, казахов, киргизов и арабов. На территории бекства имелись хорошие пастбища, служившие прекрасной кормовой базой для скота.

Наиболее развитым скотоводческим районом в бекстве была долина реки Пяндж в Сарайском амлокдарстве. Д. Н. Логофет говорил: «Огромные плавни по Пянджу, густо поросшие кустарником, а также склоны гор, покрытые травой, дают населению возможность разводить здесь большое количество рогатого скота, коз и овец, благодаря чему эта равнина является чуть ли не единственным пунктом, снабжающим Термез маслом и другими молочными продуктами». ⁹⁵

Б. Х. Кармышева отмечала, что поздно осенью, в ноябре, овцы перегонялись на зимние пастбища, расположенные на холмах и равнинах Южного Таджикистана, в районах Курган-Тюбе и Кабадиана. ⁹⁶

Далее она указывала: «Бальджуанские локайцы перегоняли овец на обширные холмы южной части гор Джилан-Тау—урочища Алимтай, а наиболее богатые угодья далее на юго-запад—в Курган-Тюбе, Кабадиан и Шаартуз». ⁹⁷

Крупные скотовладельцы из Курган-Тюбинского бекства перегоняли свой скот на летние пастбища в горные бекства. Часто происходили столкновения из-за пастбищ между баями и скотовладельцами. Так, локайский бай Амиралли, владелец 500 лошадей и 7000 овец, в течение трех лет вел борьбу с катаганским баем из Сарай-Камара из-за летних паст-

бищ на Дарвазском хребте; ему пришлось сделать большой подарок эмиру, и затем уже закрепить их за собой.⁹⁸

А. К. Разгонов в 1907 г. отмечал, что в долине Сарая встречается довольно много скота и особенно верблюдов.⁹⁹ Разведением верблюдов в бекстве занимались казахи, они имели 1800 верблюдов, на которых перевозили грузы.¹⁰⁰ Верблюды были почти исключительно одногорбые, т. е. более сильные. Главным образом они были в богатых южных кишлаках и у киргизов. На лето верблюды угонялись в горы.¹⁰¹ В бекстве занимались и коневодством, которое играло важную роль в животноводстве, особенно у кочевников.

В. И. Масальский писал, что на Джиликульском плато киргизы и узбеки с успехом занимаются коневодством,¹⁰² так как здесь были расположены хорошие пастбища. Лошади в бекстве были частью карабаирской породы, частью туркменской.

Д. Н. Логофет, посетивший Джиликульское плато в начале XX в., следующим образом описал его. «Ровная как стол поверхность была покрыта густою ярко-изумрудного цвета травой, росшей здесь благодаря сравнительно значительной высоте, на которой было плато. Длиною около 80 верст и шириною верст двадцать, равнина со всех сторон оканчивалась крутыми высокими спусками».¹⁰³

Это было отличное место для пастбища, где кочующие здесь с давних времен киргизы и узбеки разводили довольно хороших лошадей. Район этот очень давно славился своим коневодством. «Здесь разводят две разновидности карабаирской породы, так называемые марка и локайская лошади».¹⁰⁴ Д. Н. Логофет неверно считает локайскую породу лошадей разновидностью карабаирской. Профессор М. Е. Массон считает локайских лошадей древней и аборигенной верхово-вьючной породой, которая «несет в себе кровь издревне славившихся хуттальских верхово-вьючных лошадей горного типа... известных еще до арабского завоевания».¹⁰⁵

Большей частью они находились на подножном корму, иногда им давали люцерну, саман и только в холодные месяцы — ячмень. В среднем приходилось по 1—2 лошади на двор, но бедные не имели лошадей и довольствовались ишаками. Табунов лошадей не было и у кочевников, лошади у них служили только для езды при стадах овец.¹⁰⁶

В бекстве разводили также и ослов, которые были необходимы крестьянским хозяйствам, особенно тем семьям, у

которых не было возможности приобрести лошадей и верблюдов.

Большую роль в экономике Курган-Тюбинского бекства играло скотоводство.

И. Алкин писал: «В скотоводство товарные отношения проникли больше, чем в земледелие. Сбывали живой скот (курдючных овец и лошадей), сбывали шерсть и кожи. Скот пригонялся в Сарай-Камар—малый базар и в Ширабад—большой, главный базар, откуда он шел в Самарканд и другие районы Средней Азии. Выделялись крупные торговцы скотом, которые гнали на базар по 1000 голов скота. Часть скота привозилась из Афганистана».¹⁰⁷

В Сарайском амлоктарстве скотоводство было особенно развито в кишлаках Араб, Казак, Кумсай. Большая часть скота находилась в руках феодалов. И. Алкин отмечает: «Выделялись такие крупные скотоводы, бай, которые имели по нескольку тысяч голов овец и по нескольку сот голов крупного рогатого скота и лошадей».¹⁰⁸ Так, Нурбай—крупный туркменский скотовладелец из кишлака Тугалан имел 800 овец.

Хол-эл-беги из кишлака Балдойтепа Курган-Тюбинского амлоктарства был также крупным скотовладельцем. По сообщению Шомуроода Мамамуродова, который работал у него чабаном, этот бай имел 7 суруков овец (в одном суруке, по словам нашего информатора, было 1500 овец).

Бекматбай имел 2 сурука овец, а Хаитматбай — 1 сурук, такое же количество имел и Кар Султанбай. Ташпулатбай из кишлака Куя Палван имел 2 сурука баранов и 500 лошадей; Оллаберди Ходжа из кишлака Эчка—1 сурук баранов; Шерхонбай из того же кишлака—1 сурук баранов; Сафармат туксобо из кишлака Бирка—2 сурука баранов и 400 лошадей; Товматбай из племени тигил—2 сурука баранов.

В Джиликуле крупным скотовладельцем был местный туркмен Кукчакирбай, который имел один сурук овец, 12 верблюдов и 4 пары волов.

Другим крупным скотовладельцем был Атан куса бай, также из местных туркменов, его семь сыновей также владели крупными стадами скота. Каждый сын имел по 500—600 овец, 3—4 пары волов, 7—8 верблюдов. У самого же бая было свыше 1000 овец, пять пар волов, 10 верблюдов и много другого домашнего скота.

Джиликульский амлоктор Эгамберди эшик ога боши вла-

дел 8—9 верблюдами, 4—5 парами волов, 10 коровами, имел более 10 хороших лошадей. Но у него не было мелкого скота.

В кишлаке Джалтыр-Куль арабы имели до 130 000 голов баранов и коз, а в кишлаке Кызыл Арык, где тоже основное население составляли арабы, было 15 000 баранов и коз.¹⁰⁹ Основная масса скота была сосредоточена в руках крупных скотовладельцев, и им принадлежали лучшие пастбища в окрестностях указанных кишлаков. Кроме того, давая взятки, беку и его чиновникам, они получали самые удобные пастбища в горной части бекства. П. Гаевский писал, что в стаде, обычно общем для коз и баранов, от 200 до 1500 голов. Коз в стадах не менее, чем овец.¹¹⁰

Бухарский кушбег в своем письме на имя политического агента от 20 сентября 1915 г., ссылаясь на письмо курган-тюбинского бека Хусейн Али туксоба, указывал, что на территории, расположенной в междуречье Вахша и Амударьи, местные жители занимаются скотоводством и имеют до 15 000 баранов и коз. Кроме того, ежегодно жители Гиссарского и Бальджуанского бекств и племена локай и карлук от 250 до 300 раз отдельными группами (гуртами) перегоняют своих баранов и коз и пасут их в упомянутой местности.¹¹¹

И. А. Ремез отмечал, что в степях Бухарского ханства нередко можно встретить богатых хозяев, насчитывающих в своем стаде 30—40 тыс. голов; у средних хозяев имелось по 5—10 тыс. баранов, а у мелких (каких очень много)—всего по 20—30 голов. Он же указывал, что в Курган-Тюбинском бекстве было распространено разведение каракульских овец.¹¹²

За время протектората исключительно большое развитие в ханстве получает каракулеводство. В Восточной Бухаре им занималось население Курган-Тюбинского бекства. Каракульских овец в основном разводили в кишлаках Джиликуль и Кара-Туркмен Джиликульского амлоктарства. Каракулеводством наряду с туркменами занимались и арабы. Только из этих двух кишлаков ежегодно вывозилось на продажу около 21 тыс. штук каракульских шкур.¹¹³

Количество скота в бекстве к 1914 г. значительно увеличилось по сравнению с 1886 г. Если в 1886 г. поголовье скота составляло 30 500,¹¹⁴ в 1908—1909 гг.—90 075,¹¹⁵ то в 1914 г.—185 300.¹¹⁶

Развитие животноводства в бекстве было связано с большим спросом на скот в русском Туркестане, а также и в центральных городах самого эмирата.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Землевладение и землепользование в Курган-Тюбинском бекстве и Бухарском ханстве в основном имело много общего, за исключением некоторых специфических особенностей, присущих только этому бекству.

По данным генерального штаба царского правительства, в 1908—1909 гг. в бекстве было 8 тыс. десятин посевной площади; по данным эмирского правительства, в 1914 г. эта площадь составляла 53 200 тананов.¹¹⁷ Если считать, как это принято в исторической литературе, 4 танана за одну десятину, то получается 13 300 десятин.

По свидетельству Б. Б. Карп, в Курган-Тюбинском вилояте «было обарычено в довоенное время всего 92 000 гектара».¹¹⁸

С установлением таможни здесь появились и русскоподанные, большинство из которых были военнослужащие; некоторые из них стали приобретать земельные участки.¹¹⁹

Начальник 3-го отдела Амударьинской бригады отдельного корпуса пограничной стражи подполковник Д. Н. Логофет в письме политическому агенту в Бухаре Я. Я. Лютшу от 31 мая 1906 г. писал: «В 1894 году в кишлаке Сарае была открыта Сарайская таможня и расквартированы части 3-го отдела Амударьинской бригады пограничной стражи, причем устройство казенного учреждения и расквартирование войсковой части вызвало в свое время приток русских подданных, кои поселялись в Сарае и, приобретая от местных жителей землю, строили на купленных участках свои лавки и помещения. Все документы на право владения землею совершались беспрепятственно казием. Порядок этот существовал до 1899 года, когда последовало категорическое запрещение казию утверждать какие бы то ни было сделки по продаже земли бухарскими подданными русским».

С этих пор местную администрацией производится лишь отвод земли желающим русским подданным во временное пользование. Правило это крайне неблагоприятно отозвалось на делах многих торговцев, не решающихся ныне на чужой земле возводить какие-либо постройки».¹²⁰ Далее отмечал, что запрещение продажи земли русским подданным поставило их в затруднительное положение и неблагоприятно отражается на развитии торговли.

Русскоподанные в своем прошении политическому агенту в Бухаре от 29 декабря 1906 г. писали: «Находясь на жительстве в кишлаке Сарая по торговым, хозяйственным и другим делам, мы в настоящее время проживаем на землях, которые частью арендуются нами у бухарских подданных или же отведены нам временно бухарскими властями». Далее указывали, что отсутствие собственной земли тяжело отзывается на их делах, потому что они не могут приступить к постройке своих собственных домов и лавок, так как строить на земле, которая им не принадлежит, является лишь непроизводительной затратой денег. Поэтому они не имели возможности расширить свои торговые дела.

В прошении сообщалось, что до 1899 г. в кишлаке Сарая некоторыми русскоподанными были приобретены у местных жителей в собственность земли и на них были совершены купчие крепости, заверенные курган-тюбинским казием.

После этого года никаких покупок земли казий не заверял. Ввиду того, что невозможность купить землю ставила русскоподанных в безвыходное положение, они просили политического агента в Бухаре исходатайствовать разрешение приобрести в кишлаке Сарая землю в собственность.¹²¹

В письмах на имя Астанкула кушбеги от 27 октября и 30 декабря 1906 г. политический агент в Бухаре писал, что на основе ходатайства русскоподанных жителей кишлака Сарая просит разрешения на приобретение земли в этом кишлаке.¹²²

В ответе бухарского правительства от 23 января 1907 г. на письма политическому агенту Я. Я. Лютшу отмечалось, что по сообщению курган-тюбинского бека земля, на которой расположен кишлак Сарай, составляет собственность бухарской казны и предоставлена в пользование лишь кочевым жителям, которые осели на ней, построили дворы, здания, а часть выделили для базара, где построили лавки. Еще при прежнем беке Абдухафизе додох некоторые русскоподанные хотели купить в Сарая земельные участки, в чем им было отказано на том основании, что земля эта султанская и принадлежит эмиру и без его разрешения не может быть продана. Русскоподанные, желающие приобрести земельные участки в Сарая, впредь должны подавать установленные заявления в политическое агентство, о которых бухарское правительство каждый раз будет докладывать

эмиру, а о решениях эмира будет сообщено в политическое агентство в Бухаре.¹²³

Подполковник Д. Н. Логофет в своем прошении на имя политического агента в Бухаре от 19 апреля 1907 г. писал: «Желая устроить в кишлаке Сарая паровую вальцовую мельницу и имея надобность для этого в земле, покорнейше прошу Ваше Превосходительство об исходатайствовании у Его Высочества Эмира распоряжения о продаже мне участка земли мерою в десять танапов, никем по настоящее время не занятой и принадлежащей бухарскому правительству.

Представляя при сем план названного земельного участка, докладываю, что его границы нижеследующие: с востока—проезжая дорога, идущая из кишлака Сарая в кишлак Ак-Джар на расстоянии 500 сажен. С севера, юга и запада—пустопорожние не обработанные никем земли. Участок лежит между вышеназванной дорогой и рекою Пянджем, никем и никогда не обрабатывался и не находится ни в чьей собственности.

Одновременно с этим прошу поставить меня в известность и о стоимости земли, за которую таковая мне может быть уступлена».¹²⁴

4 мая 1907 г. с таким же ходатайством обратился политический агент к кушбеги о представлении земельного участка подполковнику Д. Н. Логофету.¹²⁵ Ответ со стороны бухарского кушбеги последовал не сразу. Но даже после положительного ответа курган-тюбинский казий отказался оформить васику—купчую на приобретение земли.

Управляющий политическим агентством в письме на имя Астанкула кушбеги от 1 августа 1908 г. просил дать указание курган-тюбинскому казию, чтобы тот оформил васику на приобретение земли Д. Н. Логофетом.¹²⁶ Только после неоднократного обращения политагента к бухарскому правительству этот вопрос был решен положительно.

В письме бухарского кушбеги от 21 августа 1908 г. в политическое агентство указывалось, что было направлено письмо курган-тюбинским властям, которые ответили, что указанный участок земли оказался размером в 15 танапов. Были определены границы участка и составлена купчая по цене сто таньга за танап. Стоимость составляет одну тысячу пятьсот тенег; о чем и ставят в известность.¹²⁷ Таким образом, после неоднократного обращения русских властей в

Бухаре были оформлены соответствующие документы на покупку земельного участка русскому офицеру в Курган-Тюбинском бекстве.

Старший вахмистр Сарайского отряда 3-го отдела Амударьинской бригады отдельного корпуса пограничной стражи В. Я. Антонов обратился в политическое агентство с просьбой ходатайствовать перед бухарским правительством о продаже ему земельного участка размером $17\frac{3}{4}$ десятины в кишлаке Ак-Джар в Сарайском амлоқдарстве Курган-Тюбинского бекства. На основании этой просьбы 18 июня 1907 г. политический агент обратился к Астанкулу кушбеги с ходатайством, в котором отмечал, что вахмистр В. Антонов прибыл в Сарай 1897 г., занялся хозяйством на отведенном ему бухарскими властями в Сарайской долине участке земли, на котором возвел необходимые хозяйственные постройки, обошедшиеся ему в значительную сумму, а равно затратил также и на устройство ограды, разработку и очистку участка, который им обрабатывался свыше 10 лет. При выходе в отставку он предполагал остаться на жительство в Сарае и мечтал продолжать хозяйство. Политический агент просил сделать распоряжение о содействии Антонову в покупке этой земли в количестве $17\frac{3}{4}$ десятин. При этом проситель сообщал, что земля эта принадлежит бухарскому правительству, никогда и никем раньше не обрабатывалась, а также никем не обрабатывалась и земля, прилегающая к участку Антонова.¹²⁸

В ответном уведомлении от 23 августа 1907 г. бухарский кушбеги писал, что по сему делу бухарское правительство написало курган-тюбинскому беку, который запросил по этому поводу жителей местности Сарай. Они ответили, что 22 года назад они пришли из Афганистана, поселились здесь и занялись сельским хозяйством. Во время отвода им земли последняя была совершенно безводной, заросшей кустарниками и тугаями. После пожалования бухарским эмиром каждый из них вложил много труда и сделал большие затраты. Провели оросительные сети и стали засеивать эти земли и платили харадж в эмирскую казну. Из указанных земель в 1322 г. х. (1904 г.) названному Антонову выделили определенное количество земли для сторожки и провели ему воду. Продать же ему свою трудовую землю они не согласны, ибо лишатся средств к жизни и пастбищ для скота. В таком случае они будут вынуждены опять выселиться в другое место. Заявле-

ние Антонова, будто бы земля была ему предоставлена, ложно. Никто из жителей не имеет права продавать орошенные земли, принадлежащие эмиру бухарскому. Несколько жителей из Сарая написали письмо курган-тюбинскому беку и скрепили печатью. Оно было представлено бухарскому правительству беком.¹²⁹

В. Я. Антонов в новом прошении политическому агенту от 12 февраля 1908 г. писал: «В 1901 году, прибыв в кишлак Сарай, я начал обрабатывать участок земли в местности Ак-Джар, который никому не принадлежал и не только занят никем не был, но около моего участка на расстоянии 5 верст нет ни одного обработанного поля. На моем участке я возобновил старые арыки и возвел постройки, стоимость которых была тысячи рублей. В 1907 году я просил о продаже этого участка мне бухарским правительством в полную собственность». Но вследствие несогласия на это местных жителей было отказано продать этот участок. Далее Антонов сообщал, что земля эта более 10 лет никем не обрабатывалась и не обрабатывается, поэтому вновь просил ходатайствовать перед бухарским правительством об уступке названного земельного участка, на который он в течение восьми с лишним лет затратил свои средства.¹³⁰ При этом В. Я. Антонов приложил удостоверение, выданное командиром 3-го отдела Амударьинской бригады отдельного корпуса пограничной стражи от 12 февраля 1908 г., в котором отмечалось: «Дано сие по личной просьбе старшему вахмистру Василию Антонову в том, что участок земли в местности Ак-Джар обрабатывается названным Антоновым с 1901 г., причем в местности этой на расстоянии более пяти верст вокруг никаких полей, принадлежащих бухарским подданным, не имеется и земля никем не обрабатывается и не служит для пастбищ, ввиду того, что по особому распоряжению гиссарского кушбеги в 1897 г. туземцы, жившие в названной местности и подозревавшиеся в убийстве без вести пропавшего начальника поста Ак-Джар, были выселены с запрещением вновь селиться в этой местности».¹³¹

Желающих поселиться на постоянное жительство из числа русскоподданных в кишлаке Сарае было немало. Значительную часть из них составляли бывшие военнослужащие. Так, отставной капитан П. В. Табурэ в своем прошении на имя политического агента 8 сентября 1908 г. писал: «Весьма благоприятные климатические и почвенные условия для про-

израстания злаков в Восточной Бухаре создают наиболее подходящие данные к устройству опытного поля для культурных растений. С этой целью желает приобрести около кишлака Сарая Курган-Тюбинского бекства участок никем не занятой земли, мерой в десять русских десятин, в длину от проезжей дороги к р. Пяндж—двести сорок (240) пог. саж. и в ширину вдоль той же проезжей дороги сто (100) пог. саж., а всего двадцать четыре тысячи (24000) квадратных сажень». Далее капитан просил политагента ходатайствовать об уступке ему бухарским правительством просимого им участка земли, при этом он представлял схематический чертеж указанного земельного участка.¹³²

5 сентября 1908 г. архитектор 7-го округа отдельного корпуса пограничной стражи титулярный советник Г. Б. Эпель подал прошение в политическое агенство в Бухаре, в котором писал, что он желает приобрести в кишлаке Сарай Курган-Тюбинского бекства участок никем не занятой земли 24 000 квадратных саженьей, что составляет 10 десятин, для постройки маслобойного завода. Далее автор просил политагента ходатайствовать об уступке ему бухарским правительством просимого участка. Чертеж плана участка прилагал к прошению.¹³³

После получения такого прошения политическое агенство ходатайствовало перед бухарским правительством о продаже архитектору Г. Б. Эпелю 10 десятин земли в кишлаке Сарае.

Через месяц после подачи прошения Эпель обратился в политагентство с просьбой приостановить временно на два месяца ход дела о покупке 10 десятин земли в Сарае. Такая приостановка ему необходима была для дополнительного выяснения коммерческой стороны предполагаемого приобретения земли.¹³⁴

В ответ на это обращение Астанкул кушбеги дал указание курган-тюбинскому беку приостановить дело о покупке.¹³⁵

Но наряду с желающими приобрести земельные участки официальным путем среди русских подданных были и такие, которые стремились захватить землю у дехкан обманом, при помощи бека. Русский офицер А. Т. Туттолмин-Талалаев в своем письме туркестанскому генерал-губернатору писал 27 ноября 1910 г., что 26 ноября 1910 г. он получил два письма из кишлака Сарай, где описывается факт возму-

тительного отчуждения курган-тюбинским беком земли в пользу поручика Федорова, которому понадобился участок земли. После долгих поисков он выбрал в кишлаке Сарай землю, принадлежащую местному жителю Хазраткулбаю. Федоров добился у курган-тюбинского бека разрешения на реквизицию земли. Бек приказал скосить еще не собранный хозяином хлопок и сжечь его. Хазраткулбай, зная, что от эмира он справедливости не добьется, решил обжаловать действия бека и поручика Федорова перед начальником 7-го пограничного округа генерал-майором Набутовым. Об этом узнал бек и приказал своим приближенным убить дехкана. Приказ бека был выполнен накануне приезда Набутова.¹³⁶ Таким путем местный бек завладел землею убитого и передал ее за соответствующее вознаграждение поручику Федорову.

Согласно описанию кишлака Сарай, составленному заведующим административно-полицейской частью в Сарае Абакумовым и представленному им в политическое агенство 17 февраля 1916 г., домовладельцев насчитывалось 16 человек, а владельцев участков земли—29. Площадь этих участков равняется приблизительно 60 десятинам стоимостью 12 000 руб. Кроме этого, русскоподданные производят посевы на казенных амлочных землях на площади 100—120 десятин.¹³⁷ Далее отмечалось, что вся Сарайская долина—приблизительно 150 квадратных верст, меньше одной трети ее находится под пашней, а остальная земля частью уже орошаемая и частью легко оросимая путем расширения уже существующих арыков, которые совершенно заброшены. Несмотря на это, всякий русскоподданный, желающий занять свободные земли, сделать этого не может.¹³⁸ Ибо сейчас же на намеченный участок являлся местный житель и говорил, что это его земля и требовал откуп, а если русскоподданный желал купить эту землю, то на смену местному жителю являлся бухарский чиновник, который доказывал, что эта земля казенная и продавать ее нельзя.¹³⁹ И. Алкин писал: «Земля в Сарай-Камаре считалась государственной (амляк)».¹⁴⁰

Видя, что невозможно приобрести земли, русские подданные стали вступать в компанию с местными жителями на половинных началах и обрабатывать землю совместно, но и тут бухарские чиновники стали притеснять как местных жителей, так и русских подданных. Чиновники, выезжая на

поле для назначения малиат (харадж) под видом одной пятой части урожая назначали в 2—3 раза больше, и когда подходило время платить малиат, русские подданные, безусловно, протестовали, но бухарские чиновники говорили, что они малиат с него брать не будут, а возьмут с владельца земли своего подданного, а вы как хотите рассчитывайтесь со своим компаньоном и можете ему ничего не платить. Понятно, что при таких условиях местные жители не хотели быть компаньонами с русскими подданными.¹⁴¹

В Курган-Тюбинском бекстве, если «чиновник или сам бек сдает землю в аренду, то после сбора урожая сначала выбирает себе семена, а остальное делится пополам, причем с части издольщика берется харадж по закону и обычаю. Если сдает не чиновник, то харадж берется со всего сбора, затем выбираются семена...».¹⁴² В данном случае доля арендатора зависела прежде всего от того, кому принадлежала земля.

В рапорте политическому агенту от 9 ноября 1916 г. Абакумов доносил, что в настоящее время в Сарае есть уже более 40 лиц, желающих приобрести земли под постройки жилых помещений.¹⁴³

П. Гаевский пишет, что все земли ханства подразделяются на следующие категории: мильк-земли, свободные от податей, находящиеся в собственности их владельцев, однако, прибавляет автор, таких земель в Курган-Тюбинском бекстве нет; вакуфные земли—сбор и доходы с них идут на содержание духовенства и религиозно-благотворительных учреждений—таких земель в бекстве тоже нет; земли незанятые и неорошаемые—они порой числятся за кишлаками, но могут быть возделаны и орошены и тогда отойдут во владения тех, кто их возделывает, и с них будет уплачиваться подать эмиру; наконец, земли хараджные, или малиатные (по существу в Курган-Тюбинском бекстве единственно возделываемые земли), право собственности на которые принадлежат эмиру, а право владения—жителям, уплачивающим эмиру налог—харадж.¹⁴⁴

А. А. Семенов отмечал мильки хараджи, или так называемые хараджные земли; владельцы их уплачивали подать государству в виде определенной суммы или части урожая, в то же время они могли свободно распоряжаться этими землями.¹⁴⁵

В бекстве в руках чиновников, по определению П. Гаевского, находилось до $\frac{1}{3}$ земли.¹⁴⁶ Как отмечает Б. Б. Карп, крупные землевладения встречались также и в Курган-Тюбинском бекстве.¹⁴⁷

Известный исследователь Средней Азии П. П. Иванов отмечал, что для периода позднего средневековья характерно образование и развитие крупного землевладения, сосредоточенного в руках отдельных феодалов. При этом имело место «...сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием».¹⁴⁸

Земля в Курган-Тюбинском бекстве была объектом купли-продажи. Так, по свидетельству П. Гаевского, цена орошаемой земли в Сарае доходила до 300 руб. за десятину, «причем еще недавно в Сарае, да и теперь подальше от него, десятину земли надо считать 100—150 рублей».¹⁴⁹ Автор противоречит себе, на страницу раньше он писал, что земля не служит предметом торговли, в продаже ее нет.

Б. Б. Карп пишет, что купли-продажи земли в Курган-Тюбинском бекстве почти нет, можно было продавать усадебные земли и сад, но не поливные земли.¹⁵⁰

Земли раздавались как русскоподданным, так и беженцам из Афганистана. После прихода к власти в Афганистане Абдурахман-хана некоторые его противники бежали в Бухарское ханство. Среди них были и сторонники другого наследного принца Исаак-хана. Д. Н. Логофет, будучи в начале XX в. в кишлаке Сарае, встретил афганского офицера. Недалеко от Сарая ему дали землю.¹⁵¹ В то же время большое число местных крестьян было безземельным и малоземельным. Острая нужда толкала дехканские массы на борьбу с господствующим классом.

Дарственная земля сестер Анненковых. В октябре 1913 г. по случаю открытия в г. Самарканде памятника бывшему начальнику строительства Закаспийской железной дороги генералу Анненкову бухарский эмир, принимая во внимание его заслуги, выразил готовность отвести дочерям генерала Анненкова, фрейлинам императрицы, Вере и Марии Анненковым, участок пустопорожней земли в пределах ханства, как только ими будет определено, в какой местности им желательно его получить.

Затрудняясь выбором подходящей площади, которую, видимо, Анненковы не имели намерения сами эксплуатировать, они обратились за указаниями к генералу Самсонову. По его

поручению поверенным Анненковых было оказано туркестанскими властями всяческое содействие.

Бухарский кушбег 11 мая 1914 г. писал политическому агенту, что бухарский эмир дочерям покойного генерала Анненкова приказал отмежевать 4000 десятин земли в пределах Курган-Тюбинского бекства. Бухарское правительство просило политического агента сообщить об этом фрейлинам или же их доверенному.¹⁵²

Политический агент в письме на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги 14 мая 1914 г. указывал, что фрейлины Анненковы, прежде чем решить окончательно о выборе ими участка земли, право на получение которого им было предоставлено бухарским эмиром, командировали на Вахш помощника заведующего лесными насаждениями Среднеазиатской железной дороги Н. Самокиша, который выезжает из Ташкента на Термез по почтовому тракту приблизительно 15 марта и из Термеза уже проедет на Вахш для осмотра земли. Вследствие этого, политагент просил бухарского кушбеги по телеграфу сделать распоряжение курган-тюбинскому и ширабадскому бекам об оказании Н. Самокишу содействия.¹⁵³

Летом 1914 г. Н. Самокиш направился в Курган-Тюбинское бекство, но ранее выбранный участок оказался в пределах Гиссарского бекства.¹⁵⁴ Н. Самокиш написал подробную докладную записку от 29 июня 1914 г. на имя В. М. Анненковой, где подробно изложил свою поездку и дал характеристику указанного земельного участка.

Эмир выразил готовность увеличить количество земель, предоставленных фрейлинам Анненковым.

В письме от 3 февраля 1915 г. на имя бухарского кушбеги, ссылаясь на письмо от 2 декабря 1914 г., в котором ясно было сообщено, что просимый Анненковыми участок земли находится в Гиссарском бекстве, на правом берегу р. Вахш, политагент просил кушбеги срочно доложить эмиру о том, что желательно было бы дать разрешение сестрам Анненковым именно на этот участок.¹⁵⁵

Однако введение Анненковых во владение намеченной землей тогда не состоялось, а 10 сентября 1915 г. Туркестанским генерал-губернатором была получена секретная телеграмма управляющего политическим агентством в Бухаре с извещением, что прибывший в Бухару доверенный Анненковых Фарбштейн заявил отказ сестер от выбранного участка и ходатайство об отводе им новой земельной площади в

Курган-Тюбинском бекстве между реками Вахш и Пяндж размером до 60 000 десятин, в то время как эмир намечал подарить им 4000 десятин земли, обещая затем несколько увеличить эту площадь.¹⁵⁶

Политическое агентство обратилось к бухарскому правительству дать подробную справку об указанном участке между реками Вахш и Пяндж. Бухарский кушбег дал ответ на указанный запрос политического агентства 20 сентября 1915 г.

Курган-Тюбинский бек Хусейн-Али токсоба донес, что в Курган-Тюбинском бекстве имеется необрабатываемая земля, мерою приблизительно 220 000 танапов. Жители этой местности занимаются скотоводством и имеют до 150 000 баранов и коз. Ежедневно жители Гиссарского и Бальджуанского бекства и племена локай и карлук от 250 до 300 раз отдельными группами (гуртами) перегоняют своих баранов и коз и пасут их в упомянутой местности. Ввиду того, что эта земля, исключая гористые места, расположена между рукавами рек Вахш и Амударья, рыть колодцев нет надобности; каждый отдельный род населения пасет баранов и угоняет их по своему усмотрению. В гористых же местностях имеются только родники, и жители родов катаган, тас и казахи только сами в гористых местностях пасут своих баранов, а других не пускают; эта земля находится в ведении трех амлокдарств, а именно: Курган-Тюбинского, Джиликульского и Сарай-Камарского. В этой местности имеются три отдельных обрабатываемых участка земли: первый участок в Курган-Тюбинском амлокдарстве, с востока граничит с местностью Уста-Тоймас, с севера — с р. Вахш, с запада — с вновь прорытым арыком племени туркменов и с юга — с местностью Джаркараук. Длина участка 8 верст и ширина 2 версты. Он расположен на возвышенном месте (плато), провести воду из реки нельзя. Сюда жители племени локай пригоняют на выпас своих баранов. Второй участок, расположенный в Джиликульском амлокдарстве, граничит с востока с местностью Джар-Кискан, с севера — с Кара-Бура и Ак-Баш, с запада — с Нурк-Махсум и с юга — с р. Амударьей. Длина участка 24 версты, ширина тоже 24 версты. Здесь расположены только летовки, и жители племени туркменов 2—3 года уже проводят оросительный канал и с осени предполагают заняться посевами. Третий участок, расположенный тоже в Джиликульском амлокдарстве, граничит с востока с местностью Кара-Дунг, с севера — с местностью

Тугнакуль, с запада — с рукавами р. Вахш и с юга — с местностью Шуркуль вблизи Амударьи. Длина участка 8 верст и ширина тоже 8 верст.¹⁵⁷

Ознакомившись с подробностями дела по докладу политического агента Шульги, прибывшего из Бухары в Ташкент, генерал-губернатор убедился, что новое ходатайство фрейлин Анненковых вызвано советами разных сомнительных поверенных, вовлекающих их в спекулятивные предприятия. Придерживаясь политики русского государства о том, чтобы в Бухарском ханстве в частных руках не сосредоточивалось крупной земельной собственности, Туркестанский генерал-губернатор признал возможным просить эмира бухарского об отводе фрейлинам Анненковым не более 10 000 десятин земли.¹⁵⁸

Учитывая просьбу политического агента и Туркестанского генерал-губернатора бухарский кушбег от имени бухарского правительства писал политическому агенту 8 октября 1915 г.: «Ввиду пожалования Его Высочеством Эмиром 8000 десятин свободной земли в районе Курган-Тюбинского бекства дочерям генерала Анненкова, для сдачи и указания этих 8000 десятин земли мною будет назначен чиновник.¹⁵⁹

Политагент просил его в случае положительного решения вопроса выслать ему соответствующий документ (васика) для отправки его по принадлежности.¹⁶⁰

Узнав о таком обороте дела, фрейлины Анненковы в телеграмме от 5 октября 1915 г. просили Туркестанского генерал-губернатора поддержать их ходатайство об отводе им всей просимой площади. В результате многосторонней переписки стало ясно, что эмир пожаловал в дар фрейлинам 8000 десятин неорошенной земли в Курган-Тюбинском бекстве.¹⁶¹

Не удовлетворившись таким щедрым даром, сестры Анненковы обратились непосредственно к эмиру по телеграфу с просьбой разрешить им прикупить еще земли рядом с отводимым участком.

Телеграмма эта произвела неприятное впечатление на эмира, и он заявил, что считает дело об отводе земли в дар фрейлинам Анненковым законченным. Туркестанский генерал-губернатор признавал такой исход вполне удовлетворяющим частные интересы просительниц, а также интересы русского и бухарского правительства.¹⁶²

Притязания фрейлин Анненковых на этом были прекращены. Они не смогли использовать даже те земли, которые были ранее отведены им бухарским эмиром.

После свержения царизма в России вопрос о дарственных землях фрейлин Анненковых в Курган-Тюбинском бекстве был снят с повестки дня.

Из вышеизложенного видно, что эмиром были выделены земли фрейлинам Анненковым в дар, а не на правах концессии, тогда как В. В. Кошкин утверждал, что в Курган-Тюбинском бекстве были отданы сестрам Анненковым земли на правах концессии.¹⁶³

Концессии в Курган-Тюбинском бекстве. Для создания собственной хлопковой базы, как и в других районах Средней Азии, в Бухарском эмирате русская буржуазия стремилась захватить большие земельные площади под видом концессии. Наиболее подходящим объектом для этого считались пустопорожние земли, расположенные в восточной части Бухарского ханства, в частности в Курган-Тюбинском бекстве. Правительство эмира бухарского и сам эмир не хотели поощрять в своих владениях концессий, боясь, что они сократят доходы как правительства, так и самого эмира, но противостоять этому они не могли.¹⁶⁴

Земли в Вахшской долине привлекали русских капиталистов и помещиков перспективой получения больших прибылей. Нужно было только оросить большие площади пустопорожней земли. Для этого необходимо было построить ирригационные каналы и освоить пустующие земли в Курган-Тюбинском бекстве.

В 1913 г. И. Н. Иванов подал заявление эмиру бухарскому о предоставлении ему в аренду 100 000 десятин неорошенной земли в Курган-Тюбинском бекстве в долине р. Вахш с границами: с севера и запада — р. Вахш, с юга — р. Пяндж, с востока — отроги гор Табачка, Утинчи, Ак-Баш-Джаржевалом, Кичик-бель до Файзабад-Калы. Для орошения этих земель предполагалось использовать из р. Вахш в вегетационный период 10 куб. сажень/сек., а в зимний — 5 куб. сажень/сек. Срок проведения работ назначался в восемь с половиной лет.¹⁶⁵

Однако на заявление И. Н. Иванова не было положительного ответа.

Несмотря на сопротивление, под нажимом русских властей в Бухаре правительство эмира все же вынуждено было

заключить соглашение с русскими концессионерами об уступке земли. Крупные русские концессионеры добились огромных земельных фондов для ирригационных концессий. В 1915 г. бухарское правительство сдало в концессию в Курган-Тюбинском бекстве 65 тыс. десятин земли.¹⁶⁶

В феврале 1914 г. инженер путей сообщения С. Н. Чаев начал ходатайство о предоставлении ему концессии, сроком на 75 лет, на орошение водами р. Вахш 65 тыс. десятин земли в Курган-Тюбинском бекстве. Эту площадь инженер Чаев предполагал первоначально получить от эмира бухарского в долгосрочную аренду. Ходатайство это подвергалось всестороннему обсуждению. Результаты рассмотрения этого дела были приняты во внимание при выработке Отделом земельных улучшений проекта договора, обеспечивающего интересы русского правительства и подлежащего заключению с инженером Чаевым независимо от соглашения с бухарским правительством. В договор были внесены также требования об использовании вод Амударьинского бассейна в целях орошения новых земель. Проект договора был направлен на заключение министров: военного, путей сообщения и иностранных дел, со стороны которых, за незначительными изменениями отдельных его статей, не встретилось препятствий к дальнейшему направлению настоящего дела на разрешение правительства.¹⁶⁷

Между тем 17 июля 1915 г. С. Н. Чаев подал в Главное управление землеустройства и земледелия докладную записку, в которой объяснял, что при рассмотрении его заявления на совещании специальной комиссии особое внимание было обращено на то, что русские поселенцы по истечении концессионного срока окажутся в крайне тяжелом положении, так как орошенные земли как заарендованные должны быть возвращены бухарскому правительству. При таких условиях оседлое русское население окажется в полной зависимости от бухарского правительства. Устранить это положение и закрепить земли за русскими поселенцами возможно лишь в том случае, если намеченные к орошению земли будут проданы предпринимателю в собственность. Исходя из этих соображений, совещание разрешило предпринимателю приобрести указанную площадь у эмира бухарского в собственность, но с тем, чтобы в особый, заключаемый инженером Чаевым с русским правительством договор, был внесен ряд условий, гарантирующих интересы русской колонизации.¹⁶⁸

Несмотря на все попытки С. Н. Чаева приобрести указанные земли в собственность, бухарское правительство всячески препятствовало этому.

В 1914 г. инженер Чаев заключил с эмиром договор о получении 50 тыс. десятин пустующих земель в Курган-Тюбинском бекстве. Чаеву была отведена земля в основном в трех пунктах: 6 тыс. десятин в урочище Ак-Газа к востоку от Сарая, в Кызыл-Тумшук — 25 тыс. десятин и к югу от кишлака Джиликкуль — до 5 тыс. десятин.

Кроме того, по желанию Чаев мог взять в аренду земли, орошаемые из местных арыков, солончаки между древним валом Кара-Алык и кишлаками Мордый, Тугалан, Заргар и Таш-Тюпе, а также по мере надобности приобретать земли по договоренности в Курган-Тюбинском бекстве. Срок действия концессии был установлен в 89 лет.¹⁶⁹

Хотя в 1915 г. С. Н. Чаев и получил от бухарского правительства в концессию 65 тыс. десятин земли, однако вопрос о русских переселенцах не был разрешен до февраля 1917 г.¹⁷⁰

Незадолго до свержения самодержавия, 20 февраля 1917 г. Министерство земледелия направило переписку по этому вопросу на окончательное разрешение русскому правительству.¹⁷¹ Февральская революция помешала царскому правительству принять окончательное решение относительно колонизации указанных земель в Курган-Тюбинском бекстве.

РЕМЕСЛА

В Курган-Тюбинском бекстве в середине XIX в. в основном господствовало натуральное хозяйство, которое по своему характеру было потребительским. «В средневековом обществе, — писал Ф. Энгельс, — ...производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала.

Следовательно, здесь не существовало никакого обмена, и продукты не принимали характера товара. Крестьянская семья производила почти все, в чем она нуждалась: орудия и одежду, так же как и предметы питания».¹⁷²

Одним из видов ремесла было кожевнное дело, так как здесь было развито скотоводство. Известным мастером по

выделке кожи в Сарае был араб Очилди. Изделия, изготовленные им, пользовались большим спросом среди местного населения. Он изготовлял плетки, седла, уздечки и др. Другим мастером-кожевником был Бозор Мамадназаров, который изготовлял такие же изделия, пользовавшиеся спросом как в кишлаке Кульдеман, так и в соседних кишлаках. Специальные заказы делали у него кочевники.

П. Гаевский указывал, что одним из видов ремесла в Курган-Тюбинском бекстве было изготовление грубой обуви.¹⁷³

Кустарный промысел в Джиликульском амлокдарстве был развит очень слабо. А. А. Семенов в конце XIX в., посетив Джиликуль, писал: «Хлопок, собираемый с полей, идет на приготовление ткани невысокого достоинства, которая служит исключительно только для удовлетворения местных потребностей».¹⁷⁴

Как отмечает Б. И. Искандаров, жители Курган-Тюбе занимались шелководством.¹⁷⁵ Но оно было развито незначительно, потому что тутовых деревьев для кормления шелковичных червей в бекстве было мало. Жители, занимающиеся выкормкой шелковичных червей, ездили в соседний Кабадиан, откуда привозили грену или уже разведенных шелковичных червей.

Описывая состояние ремесла у туркмен Джиликульского амлокдарства, А. А. Семенов, посетив край в 1898, указывал, что местная промышленность развита крайне слабо. Многие самые необходимые вещи в домашнем обиходе приходится покупать или выменивать на хлеб и скот у соседних таджиков или в близком Кабадиане, например, глиняную посуду, изготовление которой среди туркмен было совершенно неизвестно. «Помимо тканья местной хлопчатобумажной материи, из шерсти, кроме обыкновенных кошм, работают (т. е. изготовляют. — Ш. Ю.) паласы, ковры, хорджины (правильно «хурджун». — Ш. Ю.) и узкие дорожки (игыныб) для скрепления решеток кибиток. Окраска пряжи для этих изделий производится исключительно местными растительными красками. Тканьем всех перечисленных вещей занимаются женщины, большие мастерицы этого дела. Их ковры и паласы отличаются необыкновенным разнообразием орнамента и ткуются с особенною любовью и тщательностью, несмотря на очень кропотливую и долгую работу. Например, на приготовление с узорами паласа длиною приблизительно аршин

шесть и шириною около сажени уходит времени месяца два и больше».¹⁷⁶

В Курган-Тюбинском бекстве, особенно в Сарае, было развито кузнечное ремесло. Местные кузнецы занимались производством различных железных изделий: серпов, топоров, подков, кетменей, лопат и других металлических предметов, необходимых в хозяйстве. Однако в начале XX в. часть местных примитивных изделий была вытеснена привозными высококачественными русскими железными изделиями, но все же часть их производили и местные кузнецы. Уголь для кузниц изготовляли в горах из фисташковых деревьев, а затем привозили в Сарай и продавали на базаре. Железо кузнецы покупали у русских купцов, которые привозили его в Сарай. Но железо здесь стоило очень дорого.

Цветные кошмы, шерстяные паласы для пола, мешки 8-пудовые (чувол), теплые портянки изготовлялись не только для собственного потребления, но и для продажи на базарах в соседнем Кабадиане. Изготовлением их в основном занимались женщины.

К. Маркс, характеризуя натуральное хозяйство, дает следующую оценку ремеслам: «Домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство».¹⁷⁷ Это положение К. Маркса вполне применительно к условиям Курган-Тюбинского бекства конца XIX — начала XX в.

Состояние ремесла, в частности ткачества, в бекстве может быть определено довольно точно словами К. Маркса, который, характеризуя ткацкий станок в Индии, писал: «Ткач там — обособленный индивидуум, изготовляющий ткань по заказу потребителя и работающий на станке самой простой конструкции, состоящем иногда из грубо сколоченных деревянных брусков. У него нет даже никакого приспособления для натягивания основы, и потому станок должен все время оставаться растянутым во всю свою длину; вследствие этого он так неуклюж и занимает так много места, что не помещается в хижине производителя, который совершает поэтому свою работу на открытом воздухе, прерывая ее при каждой неблагоприятной перемене погоды».¹⁷⁸

Как отмечал П. Гаевский, в бекстве имелись в небольшом количестве специальные рабочие — плотники, камен-

щики и другие, которые в основном жили в Сарае, «но для больших строительных работ их небольшое количество может не идти в счет.

Для местных несложных построек и пр., в небольшом количестве имеются туземные мастера (усто), возводящие глинобитные, с деревянным остовом, постройки».¹⁷⁹

ДОБЫЧА ЗОЛОТА

Из имевшихся в бекстве полезных ископаемых добывалось в основном только золото, встречавшееся в речном песке. Н. А. Маев указывал на существование золотых россыпей на Вахше, вблизи Курган-Тюбе и на то, что эти места считаются золотоносными. Промывка золота производилась жителями после спада весенних и летних вод.¹⁸⁰ И. Минаев также указывал на существование золотых россыпей неподалеку от Курган-Тюбе.¹⁸¹

Н. Н. Покотило, посетивший Восточную Бухару в 1886 г., писал о доходе старателей: «По Вакшу (Вахшу.—Ш. Ю.) и Пянджу туземцы занимаются промывкой золотоносного песка, причем, несмотря на самый первобытный способ промывки на овчину, рабочий получает в день от 4 до 60 тенег (тенгга 20 коп. сер.)».¹⁸² Однако Покотило чрезмерно преувеличивает заработки старателей.

Н. Бронников во время посещения Вахшской долины в конце XIX в. также увидел здесь разработку золота. «На отмелях, образуемых рекою, всюду занимаются промывкой золота, встречающегося здесь в виде мельчайших крупинок. Промывание песка ведется самым простым способом: воду пропускают по наклонной плоскости, песок постепенно уносится и тяжелые крупинки золота выбираются руками».¹⁸³

В. И. Липский во время перехода из Бальджуанского в Курган-Тюбинское бекство писал: «В свободное от работы время мы спустились к Вахшу и там между прочим видали первобытные плетеные инструменты из лозы для промывки золота; река Вахш, как и многие реки, золотоносная».¹⁸⁴

Туркмены из Джиликкульского амлоқдарства занимались промывкой золотоносных песков на р. Вахш, о чем сообщал А. А. Семенов в своих путевых очерках о посещении этого края в 1898 г. Он писал, что воды р. Вахш золотоносны, и туркмены, обитающие в низовьях Вахша, не без успеха занимаются промывкой речного песка.¹⁸⁵

Русскоподданные Г. А. Сирасс и А. С. Белозеров обратились в русское политическое агентство с просьбой об оказании им помощи через бухарское правительство в проведении разведок золота в пределах Ширабадского, Кабадианского и Курган-Тюбинского бекств.

12 февраля 1904 г. политический агент обратился к бухарскому кушбеги Джан Мирза бию с официальным письмом об оказании содействия в найме лошадей, помещений, рабочих, в покупке фуража и припасов во время производства разведок в указанных бекствах. Бухарский кушбеги Мирза бий в ответном письме от 15 февраля 1904 г. на имя политического агента писал, что эмир разрешил Сирассу и Белозерову производить на казенных землях вышеуказанных бекств Бухарского ханства изыскания золота и о готовности оказывать содействие названным лицам в их изысканиях.¹⁸⁶

Д. Н. Логофет видел, что разных людей влекут в Сарай золотоносные пески на р. Пяндж.¹⁸⁷ «Терпеливо промывая песок на кошке, бараньей шкуре или в деревянной чашке с помощью небольшого ковша, собирает золотоискатель блески и пластинки золота, зарабатывая этим трудом в среднем около двух тенег в день (30 коп.)».¹⁸⁸ В другой своей работе Д. Н. Логофет указывал, что средний заработок золотоискателей не превышал 3—4 тенег (45—60 коп.) в день, причем все добытое золото составляло собственность бухарского правительства и обязательно, под страхом жестокого наказания и крупного штрафа, сдавалось бухарским бекам и закотчи по особой расценке,¹⁸⁹ в среднем около 4 руб. за золотник¹⁹⁰. Спустя некоторое время тот же автор отмечал, что добываемое примитивным способом золото сдавалось в Сарае уже по расценке около 5 руб. за золотник.¹⁹¹

Геолог А. В. Нечаев, посетивший Курган-Тюбинское бекство в 1908 г., так описывает добычу золота. Все приспособления для работ и самые работы отличались крайней примитивностью. Небольшой плетень из ивовых прутьев, длиною в 6 и шириною в 5 четвертей, ложился плашмя на низенькие подставки из камней. Под плетнем поверхность почвы утрамбовывалась в виде плоскодонного желоба со слабым наклоном по длине. На эту поверхность под плетнем стелилась гладкая кожа, бывшая на пол-аршина длиннее плетня. Нижняя поверхность последнего приподнималась над нею. Более покатая часть поверхности желоба была покрыта бараньей шкурой с коротко остриженной шерстью. Поперек

нее был проведен ряд параллельных надрезов таким образом, что получалась ступенчатая, шероховатая поверхность. Золотосодержащей породой служил нанос Вахша, состоящий из смеси гальки и песка. После дневной работы шкурку осторожно снимают и переносят в широкую, плоскую, деревянную чашку. Здесь ее тщательно промывают таким образом, чтобы все золото, задержанное на ее поверхности, перешло в чашку.

Далее А. В. Нечаев отмечал: «Я посетил золотопромышленников около часа дня. Все золото, намытое за полдня на поверхности шкурки, они уступили мне за 15 теньгов (2 р. 25 к.). Но и это была очень красная цена, так как золота оказалось значительно меньше ползолотника. Конечно, при столь примитивной промывке, много золота теряется».¹⁹²

Таким образом, старатели, затрачивая огромный труд, получали мизерное количество золота, так как примитивная техника мешала им добывать золото в большом количестве.

«По словам Джили-Кульского амлякдара, — отмечает тот же автор, — на Вахше работают еще несколько золотопромышленных партий, каждая в 4—5 человек. Все они работают на одного подрядчика—богатого сарта. По зимам, когда Вахш покрывается льдом, они переносят свою деятельность в долину незамерзающего Пянджа. Добыча золота сдается через беков в казну эмира по особой расценке».¹⁹³

Д. Н. Логофет, наблюдавший добычу золота, писал: «Способ промывки самый примитивный. Обыкновенно вода по небольшому арыку бежит сверху, а добытая из ямы земля пропускается в нее, падает на овечьи шкуры, разостланные шерстью вверх. Задерживаясь в густой шерсти, на шкурке остаются крохотные не больше булавочной головки слитки золота».¹⁹⁴ Затем шкуры вытаскивались из воды и рабочие, разостлав их на берегу, внимательно искали среди густой шерсти запутавшиеся в них блески золота, иногда попадались и значительные самородки.

П. Гаевский в своем описании Курган-Тюбинского бекства дает следующую характеристику золотодобычи. Добыча золота производится на р. Вахш, по песчаным островам, к северу от Курган-Тюбе и близ Джиликуля, промывкой речного песка. Песок зачерпывается тыквенной чашкой, насаженной на палку, и сливается на баранью шкуру; быстрое течение вымывает песок, а золото соскребывается с этого золотого руна. «Промышленников немного, человек 6, у кото-

рых по 2—3 поденщика (мардикора). Добытое золото продается в Курган-Тюбе. Добыча производится только осенью, когда падают высокие воды, обнажая песчаные отмели, обогатившиеся новым золотом с верховьев, где оно коренится мелкими зернами в основных породах.

В день на артель в 3 человека намывается золота на сумму от 7 до 30 теньгов, т. е. от 1 руб. 05 коп. до 4 руб. 50 коп».

Далее он пишет: «Встречный промышленник в прошлом 1912 году за два осенних месяца, вернее, за 30—40 рабочих дней, намыл золота на 30—45 рублей, а в 1913 году за 18 рабочих дней — на 31 руб. 50 коп. За право промывки бухарское правительство берет налог, независимо от количества добытого золота, от 18 до 21 руб. с артели. Таким образом, и здесь, как и во всех других отраслях, высокий налог сжимает даже и это небольшое дело».¹⁹⁵

Ю. Могилов указывал, что в Бухарском владении на реке Вахш, недалеко от зимовки Лянгар в Курган-Тюбинском бекстве, а также недалеко от города Курган-Тюбе на Вахше местные жители моют золото. «Кроме того, — говорит он, — золото добывали и на реке Пяндж». Однако допускает неточность, указывая, что это происходило близ кишлака Курган-Тюбе.¹⁹⁶

В докладной записке от 29 июня 1914 г. помощник заведующего лесными насаждениями Среднеазиатской железной дороги Н. Самокиш отмечал, что в кишлаке Джиликуль местные жители-туркмены добывают золото на реке Вахш.¹⁹⁷

В Сарайском амлокдарстве жители занимались промывкой золота на реке Пяндж. Заршу (старатели) поднимались вверх по течению реки и производили работу кустарным способом, вручную, и зарабатывали себе на пропитание. Иногда им попадались и большие самородки.

И. И. Бездека отмечал, что золото промывали из наносов около Курган-Тюбе, Каун-Тюбе, Лягмана, выбирая для работы участки мелкой гальки со значительным содержанием песка, дающие удовлетворительную пробу при промывке на чашке. Такие наносы отлагаются ежегодно на берегах реки, и содержание в них золота находится в прямой зависимости от количества осадков в горах. Годы с большим количеством осадков считаются благоприятными для приноса золота.¹⁹⁸

Местные жители бекства еще в далекие времена добывали золото. Обычно этим промыслом занимались жители, у которых земля была малоплодородной, а также люди, по-

терявшие землю, и скотоводы, которые имели мало скота или совсем не имели. Н. А. Кисляков пишет, что «...обе отрасли труда, земледелие и скотоводство, не могли полностью обеспечить существование горца. Требовались еще дополнительные средства существования: такими средствами существования явились отходничество и работа по добыче золота».¹⁹⁹

Общее количество золота, добываемого в Курган-Тюбинском бекстве, было незначительным вследствие того, что промысел этот велся в большинстве случаев одиночными старателями и лишь изредка небольшими артелями и в основном в весеннее и осеннее время. Зимой же промывка золота почти прекращалась, за исключением р. Пяндж, где и зимой она продолжалась некоторыми старателями.

Составляя лишь подспорье в хозяйстве местных жителей, этот промысел тем не менее с каждым годом привлекал к себе все большее и большее число людей, и накануне установления Советской власти десятки местных жителей бекства, особенно из туркмен, афганцев, узбеков, сделали промывку золота почти постоянным своим занятием.

ТОРГОВЛЯ

Курган-Тюбинское бекство не играло значительной роли в торговом обороте Восточной Бухары. Базары в бекстве были в основном в центре — Курган-Тюбе, а также в кишлаках, где находились амлокдоры, — в Джиликуле и Сараяе.

«Базары в городах и крупных селениях обычно устраивались не каждый день, а раз или два в неделю, в определенные дни, причем в соседних пунктах базарные дни обычно чередовались, что позволяло разъездным торговцам объезжать базары один за другим».²⁰⁰

Главными путями, связывавшими Курган-Тюбинское бекство с торговыми районами, являлись следующие:

1. Дорога из Термеза в Хатин Рабат, Бешкент, Кабадиан, переправа через р. Вахш в Джиликуле, а оттуда уже в Курган-Тюбе.

2. От Термеза до Джиликуля можно было ехать по пограничным постам через Айвадж, но эта дорога считалась трудной, так как на пути встречалось очень много песка, а от Айваджа она шла по безводной пустыне.

3. Из Гиссара в Курган-Тюбе проходила прямая, горная

дорога, пересекавшая диагонально горы Газы-Малик и шедшая на переправу через р. Вахш у Кызыл-Калы, а оттуда к Курган-Тюбе.

4. Из Бальджуанского бекства дорога шла из Туткаула по левому берегу р. Вахш в кишлак Санг Туда, а оттуда — по высокому и довольно узкому карнизу, далее дорога шла уже к Курган-Тюбе.

5. Из Пархарского амлокдарства Кулябского бекства дорога пересекала р. Кызылсу и вела через кишлак Ак-Джар в Сарай. Глава бухарского правительства Астанкул бий кушбеги 20 августа 1902 г. писал: «В этом году чрезвычайно усилились разъезды русскоподданных армян торговцев... Эти армяне, из которых каждый покупает по 600—700 кип хлопка для вывоза в Керки и другие места... Старшина этих армян по имени Захар имеет лавки в Сарай-Камаре Курган-Тюбинского бекства».²⁰¹

Через Сарай вывозилось значительное количество хлеба. Интендантство закупало до 150 тыс. пудов пшеницы и ячменя и приблизительно втрое больше (около 450 тыс. пудов) вывозили каючники и транспортные конторы для продажи в Термезе и далее. Однако из этого количества почти все зерно закупалось в Бальджуанском и других соседних бекствах, и только самая небольшая часть шла на продажу из Курган-Тюбинского бекства. В 1912 г. из Сарая было вывезено на каюках 60 000 пудов сырца местного хлопка.²⁰²

И. А. Ремез отмечал, что из городов Северного Афганистана через Сарай поступало в пределы Бухарского ханства немного хлопка, в количестве 1,3 тыс. пудов.²⁰³ Из Каратегина вывозился хлеб в Курган-Тюбе для реализации. Из Бальджуана и Кулябского бекства хлеб доставлялся в Сарай, откуда он каюками отправлялся в западную часть Бухары и в Хивинское ханство.²⁰⁴

Д. Н. Логофет в 1907 г. писал: «По отношению к хлебной торговле главными пунктами являются города Гарм, Бальджуан, Ховалинг и Куляб, а также базары в кишлаках Сараяе, Сары-Чашме и Пошине. В этих пунктах зерновые запасы всего населения поступают на базары, а оттуда впоследствии вывозятся двумя направлениями через Гиссар, Гузар, в Карши и Бухару на верблюдах или же на каюках от Сарая, причем в Термезе и Керки, кроме вывоза на каюках, хлеб идет также на верблюдах через Кабадиан и Ширабад».²⁰⁵

Д. Н. Логофет отмечает: «С августа месяца в Восточную

Бухару начинают прибывать скупщики, приезжающие сюда из Керков, Термеза и Хивы. Скупив большую партию (хлеба. — Ш. Ю.), отправляют на верблюдах в Сарай и далее на каюках по Аму-Дарье или прямо в Гиссар, Карши и Бухару».²⁰⁶

Базар кишлака Сарай служил как бы маркитантским пунктом для пограничной стражи. Несколько лавок армянских торговцев имели все вместе товаров более чем на 100 тыс. руб.²⁰⁷

«Отсюда же (т. е. из Курган-Тюбинского бекства. — Ш. Ю.) производилась массовая отправка пшеницы, ячменя, лесоплодов, растительных красок и т. п. речным транспортом: от Джиликуле по Вахшу и от Сарая по Пянджу. Базары здесь более редко расположены, но оборот их значительно выше, чем в Гиссарском крае не только в среднем на 1 базар, но и из расчета на 1 жителя: агентами базарного торгового выступают, кроме местного населения, и пришлые люди: афганские подданные, туркмены, бухарские, персидские, хивинские купцы, даже кавказцы».²⁰⁸

По мере превращения Туркестанского края в хлопковую базу России вывоз хлеба из восточных бекств Бухарского ханства в Туркестан увеличивался. По свидетельству Ф. И. Лютко, для сплава хлеба по р. Вахш от переправы Кзыл-Кала до Амударьи использовался каючный транспорт, к 1920 г. насчитывалось до двухсот с лишним каюков. Грузоподъемность каждого была в среднем 2,5 т.²⁰⁹

Излишек хлеба бальджуанских локайцев также шел на юг, где было много кочевых племен и народностей, которые или вовсе не имели своего хлеба (узбеки племени сарай, арабы и др.), или же им своего хлеба не хватало (катаганы). По сообщению старика Куандыка Фаизова из кишлака Казак, локайцы правобережья Яксу два раза в год, весной и осенью, возили хлеб в Куляб для обмена на шерсть и кошмы у узбекских племен катаган и сарай, приезжавших в Куляб из Сарай-Камара. «Хлеб Яванской и Киикской долин шел, кроме того, на юг. Его вывозили на лошадях в Кабадиан и Курган-Тюбе, где сбывали дурменам, туркменам и казахам. Часть хлеба выменивалась на овец и шерсть».²¹⁰

Д. Н. Логофет так описывал базар в Курган-Тюбе: «Небольшой базар с двумя-тремя десятками лавок наглядно указывал на сравнительно небольшую торговлю лишь для местного употребления... Несколько сонных фигур торгов-

цев сидели около лавок, в которые покупатели, видимо, заглядывали редко».²¹¹

«Базар два раза в неделю бывает; весной приезжают купцы из Бухары, покупают каракулевые шкурки и мерлушки. Здесь, в кишлаке Джиликуле и около Курган-Тюбе много каракулевых баранов разводят».²¹²

Крупным торговцем в бекстве был Комил Араб, он имел около 60 торговых агентов, через которых вел торговлю в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Гузаре, Каршах. Для перевозки товаров у него было более 30 верблюдов, 20 лошадей. Кроме того, домашняя прислуга также помогала в его торговле в самом г. Курган-Тюбе. Торговали в основном товарами русского производства: свечами, мылом, сахаром и другими необходимыми предметами домашнего обихода. В лавках имелись в продаже также предметы, изготовленные местными ремесленниками и ювелирами.

Важными предметами торговли бекства был крупный рогатый скот, овцы и козы. Курган-Тюбинское бекство было местом, откуда скот переправлялся в различные районы Бухарского ханства и Туркестанского края. Некоторые крупные торговцы для закупки и продажи скота имели здесь своих представителей, которые покупали скот, когда снижались цены на него, и пасли на местных пастбищах. Когда цены на скот поднимались, они его гнали на продажу в другие районы Средней Азии. Для перегона скота на базары нанимали пастухов-гуртовщиков. Из Курган-Тюбинского бекства скот пригонялся в основном в Гузар, который тогда являлся центром торговли им. Таким образом, овцы из Курган-Тюбе пригонялись огромными гуртами через Гузарский базар на рынки Бухары, Самарканда и Ферганы.²¹³

В своем письме на имя Туркестанского генерал-губернатора от 24 сентября 1896 г. крупный торговец Абдулла бай писал, что в конце 1895 г. он, житель города Гузара Бухарского ханства, купил 1300 голов баранов на базаре кишлака Сарай Курган-Тюбинского бекства. Бараны эти были куплены им в течение месяца у местных скотовладельцев. Закупив указанное число баранов, Абдулла бай оставил их пастись на зиму в степях Сарая с целью продать этих баранов в Гузаре и Бухаре.²¹⁴

Крупные торговцы покупали скот, особенно баранов, в Афганистане и перегоняли в Сарай, а затем гнали на базар в г. Коканд.

Еще одной важной статьей вывоза являлись фисташки, как в очищенном, так и в неочищенном виде. Фисташковые деревья росли в изобилии по склонам гор, и бекство являлось главным поставщиком фисташки для всех прибрежных амударьинских центров. Вывоз ее из Сарая, по сведениям местной таможни, составлял около 20 тыс. пудов в год.²¹⁵ Сюда входила фисташка, которая привозилась в Сарай из соседних бекств. По сведениям П. Гаевского, вывоз ее доходил до 12 тыс. пудов.²¹⁶

Торговцы-армяне, персы и бухарские подданные давали местным жителям за год вперед задатки под фисташку по 5 тенег за таш, т. е. 7,5 коп. за фунт. В основном задатки давали кишлачному баю, который, в свою очередь, обязывал всех жителей данного кишлака всю собранную ими фисташку сдавать по выгодной цене, установленной им. Конечно, бай, получивший за год вперед 150—300 руб. раздавал деньги беднякам с выгодой для себя. Затем забирал фисташку и отдавал торговцам, внесшим задатки.²¹⁷ В результате этого бай получал значительные доходы.

Каракулевы шкурки, как уже отмечалось, поставляли в основном два кишлака — Джиликуль и Кара-Туркмен. Продажа шла весной. Скотоводы кишлака Кара-Туркмен продавали около 600 пачек (по 10 шкурок), а каракулеводы Джиликуля — до 1500 пачек, итого оба кишлака поставляли 21 000 шкурок. Хорошие каракулевы шкурки ценились от 54 до 60 тенег (от 8 руб. 10 коп. до 9 руб.).²¹⁸

Наконец, предметами вывоза являлись дрова из тугаев (джидовые и патта) с берегов Вахша и отчасти саксаул из песков к югу от Джиликуля. Это топливо шло в значительном количестве на каюках в Термез.

В конце XIX и начале XX вв. экономика отдельных районов Восточной Бухары развивалась неравномерно. Наиболее развитыми были населенные пункты, расположенные на удобных торговых путях, такие как кишлак Сарай, который в то время стал играть главную роль в экономической жизни бекства.

Благодаря удобному расположению на берегу судоходной Амударьи Сарай стал торговым центром для многочисленных населенных пунктов не только Восточной Бухары и западных районов Памира, но также для пограничных районов Северного Афганистана. Своим развитием он был также обязан и тому, что в нем было сосредоточено русское

население, состоящее в основном из военных. Здесь проживало и местное население, состоящее в русском подданстве.

Согласно договору 1894 г. царская Россия из опасения проникновения товаров из Англии через Афганистан в Бухарское ханство и на среднеазиатские рынки вообще включает Бухарское ханство в русскую таможенную черту, и русские пограничные войсковые части занимают бухаро-афганскую границу, где были организованы русские таможни. Такой таможней на территории Курган-Тюбинского бекства был Сарай.

Д. Н. Логофет в начале XX в. отмечал, что в послевоенное время фирма Нобель и К° начала свое дело на афганской границе. Потребность в керосине у афганцев громадная, и русский керосин будет иметь самый широкий сбыт в Афганистане.²¹⁹

Торговлю с Афганистаном вели главным образом бухарские купцы, которые жили в Сарае. Они завозили товары в Кундуз, Ханабат, Толикан, Ташкуртан, Пули-Хумри, Кабул, Имам Сохиб и др.

Во второй половине 90-х годов афганское правительство уменьшило ограничения на торговлю с русскими в Средней Азии. Эмир Афганистана Абдуррахман «то разрешает пропуск хлеба, скота и леса в наши пределы, то опять запрещает; на переправах через Аму-Дарью посты то усиливаются, то уменьшаются».²²⁰

Селение Сарай, расположенное на берегу реки Пяндж, на афгано-бухарской границе, находилось в 203,5 верстах от Термеза. В Сарае проживали афганские купцы и торговцы-индусы, из которых одни постоянно проживали в Сарае, а другие периодически приезжали из афганских городов Рустака, Имам Сохиба, Ханабата и др. за покупкой мануфактуры, бакалейных, скобяных и других товаров. Кроме этих лиц, здесь временно проживали различные поставщики и подрядчики по снабжению термезского гарнизона скотом, мукою и зерновым хлебом.²²¹

Благодаря своему географическому положению между афганскими городами — Ханабатом, Рустаком и Имам Сохибом, с одной стороны, и бухарскими — Гиссаром, Бальджуаном и Кулябом, с другой, кишлак Сарай не только вел значительную торговлю, но и являлся местом хранения многих товаров.²²²

Характеризуя проникновение русских товаров на Восток, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Русские товары проникали до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими».²²³

Одной из причин ограничения русско-афганских торговых отношений в начале XX в. являлось введение правительством с 1 февраля 1903 г. на границе с Афганистаном так называемого тарифа «В». По русско-иранской границе этот тариф вступил в действие еще в 1901 г. На афганскую границу он был распространен без предварительного учета состояния русско-афганской торговли.

По тарифу «В» ввозные пошлины взимались с веса товара, в то время как до введения его на границе с Афганистаном с товаров взималась ввозная пошлина в размере их 5%-ной стоимости. Распространение тарифа на русско-афганскую торговлю привело к резкому сокращению вывоза некоторых важнейших товаров афганского экспорта (хлопка, кожсырья, ляпис-лазури и т. д.). Ввиду отсутствия в Афганистане до 1919 г. своих хлопкозаводов, афганский хлопок вывозился в неочищенном виде в Сарай, а оттуда водным транспортом в Керки и Термез, где имелись хлопковые заводы и хлопок очищали от коробочек и семян, а также прессовали.²²⁴

В начале XX в. большое количество товаров попадало из Афганистана контрабандным путем. По сведениям русских туркестанских властей, через Термез, Курган-Тюбе, Сарай, Кабадиан, Куляб и другие пункты в русские и бухарские пределы ежегодно провозилась контрабанда на сумму приблизительно в 500 000 руб.²²⁵

Ввоз и вывоз мануфактуры производился через Сарайскую таможню на бухарско-афганской границе.²²⁶

О количестве перевезенных товаров говорят следующие данные:

Год	Пудов	Рублей
1900	383	16 165
1901	1553	106 134
1902	2863	127 557
1903	888	42 250
Всего	5687	292 106

Отсюда видно, что торговля с Афганистаном через Сарайскую таможню в начале XX в. из года в год увеличивалась, затем значительно пошла на убыль.

Сарайская таможня в отношении на имя командира 3-го отдела пограничной стражи от 18 июля 1905 г. сообщала, что из Сарая вывозилось в Афганистан в течение 1904 г. и предыдущих лет разных товаров на сумму от 160 до 200 тыс. руб. ежегодно. За 1905 г. количество вывезенных товаров выражалось в сумме 210 тыс. руб., причем вывозились главным образом хлопчатобумажные мануфактурные изделия, шелковые ткани, сахар-рафинад, железные и чугунные изделия. Стоимость иностранного товара, ввезенного в Сарай из Афганистана через Сарайскую таможню, выражается в 15 тыс. руб. оценки в год.

Управляющий Сарайской таможней спустя несколько месяцев указывал, что с 1900 по 1905 г. из Афганистана в Сарай привезено товаров на сумму от 15 тысяч до 150 тыс. руб. Предметами ввоза были: хлопок, кунжутное масло, бараны, кожа, кошмы, алача, лисьи и куныи шкуры.²²⁷ Он же летом 1906 г. писал, что можно с уверенностью сказать, что за настоящий год вывоз товаров по своей ценности значительно превысит предыдущие годы, так как в первом полугодии через таможню пропущено только в Афганистан с возвратом пошлины премированной мануфактуры 2000 пудов, и по имеющимся сведениям масса мануфактуры находится в пути, так что к концу года можно сказать, что через одну только Сарайскую таможню пройдет премированной мануфактуры более 20 000 пудов.²²⁸

Командир 3-го отряда Амударьинской бригады отдельного корпуса пограничной стражи в своем письме на имя политического агента в Бухаре от 8 февраля 1906 г. отмечал, что по сведениям этого отдела ввезено из Афганистана беспошлинных товаров: баранов, быков, коров, лошадей, муки и др. на сумму до 350 тыс. руб.²²⁹ Такую же цифру беспошлинных товаров сообщает и управляющий Сарайской таможней.²³⁰

Далее командир 3-го отряда, указывал, что помимо этих данных, собранных на месте, в кишлак Сарай привозится караванным путем из Самарканда и Бухары разных товаров, таких как хлопчатобумажные ткани, железо, фарфоровая посуда на сумму около 180 тыс. руб., причем весь этот

товар из Сарая приезжающими купцами вывозится затем в Файзабад и Рустак в Северном Афганистане.²³¹

По свидетельству управляющего Сарайской таможней, привоз в кишлак Сарай караванным путем из Самарканда и Бухары товаров составляет в денежном выражении от 200 до 300 тыс. руб.²³²

Большое товарное движение в Сарай и из Сарая на каюках вниз по Пянджу и Амударье обратило на себя внимание транспортных обществ, и с осени 1904 г. в Сарае контора Восточного общества транспортирования кладей начала правильную приемку грузов. Как отмечал Д. Н. Логофет, грузы перевозились на хивинских каюках без всякой гарантии за исправность доставки, не говоря уже о срочности. Случаи подмочки, порчи и даже гибели грузов при крушении каюков были явлением обычным и это, разумеется, отражалось на торговле самым неблагоприятным образом. С организацией конторы риск уменьшался до минимума, так как контора принимала застрахованные товары.²³³

По сведениям, полученным от агента Восточного общества транспортирования кладей, за 1904—1905 гг. из Сарая ежегодно вывозилось около 100 тысяч пудов товаров, а ввозилось до 60 тысяч пудов. Ввозилось железо, хлопчатобумажные ткани, а вывозились хлопок, фисташки, пшеница и мука.

Кроме этого, из Чарджуя, Керков и Термеза до кишлака Сарая ходило постоянно до 100 каюков, которые также перевозили товары местных купцов, причем количество такого транспортирования никем не регистрировалось, и выяснить точно его было почти невозможно. Полагая, что грузоподъемность хивинского каюка 2 тысячи пудов, а местного 500 пудов, можно считать, что в 8 рейсов 100 каюков перевозят примерно от 200 до 300 тысяч пудов ежегодно.²³⁴

По сведениям, имевшимся в таможне, из Сарая было вывезено в 1904 г. разных товаров — хлопка, фисташки, муки, пшеницы, ячменя, льняного и кунжутного семени и разных шкур 38 946,5 пуда, в 1905 г. — 137 289 пудов и в 1906 г., за первое полугодие, когда продавались остатки от урожая прошлого года, — 106 325 пудов и 428 голов крупного рогатого скота, купленного исключительно на базаре Сарая. Ввозилось для нужд местного населения и для афганских купцов разных товаров от 150 000 до 200 000 пудов, главными предметами были хлопчатобумажные, суконные, шерс-

тяные и шелковые изделия, железо, чугун, скобяные товары, фарфор, стекло, вино и бакалея.²³⁵

Командир 3-го отдела в письме политическому агенту от 8 февраля 1906 г. указывает, что по сведениям торгующих в кишлаке Сарай 5 русскоподданных купцов, из коих два маркиганта, общий валовой годовой оборот от их торговли составляет около 120 тыс. руб. Из этого можно сделать вывод, что годовой торговый оборот кишлака Сарай, откуда товары направлялись в Афганистан и соседнее Балъджуанское бекство, а также в Шугнан и Дарваз, составлял до полумиллиона рублей в год.²³⁶

Управляющий Сарайской таможней в своем отношении от 22 июля 1906 г. на имя политического агента сообщал, что по сведениям, собранным им лично у торгующих в Сарае купцов, из коих два маркиганта, валовой оборот их торговли выражается в сумме от 300 до 350 тыс. руб. Далее, группируя вышеперечисленные цифровые данные, приходит к выводу, что годовой торговый оборот селения Сарай, ведущего торговлю с Афганистаном и вышеуказанными соседними бекствами, выражается в сумме свыше 600 тыс. руб.²³⁷

Б. И. Искандаров считает двух русскоподданных маркигантов купцами. Он пишет, что, например, два афганских купца, живших в Сарае, имели капитал от 300 до 370 тыс. руб.²³⁸ А в архивных документах речь идет о русскоподданных купцах, из которых двое были маркигантами. Политический агент в своем отношении в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства в начале 1916 г. указывал, что, по сведениям 1906 г., годовой оборот русскоподданных купцов колебался от 300 до 375 тыс. руб.²³⁹

Х. Назаров также ошибочно утверждает о том, что афганские купцы в Сарае имели капитал 300—370 тыс. руб.²⁴⁰ Как видно из архивного документа, здесь речь идет только о русскоподданных торговцах, которые имели указанный капитал.

Нефтяная фирма Нобель и К° открыла свои склады в Сарае²⁴¹ и вела широкую торговлю керосином не только в этом кишлаке, но и в соседних бекствах.

Как отмечал Д. Н. Логофет, через Сарай и Чубек русские товары вывозились в афганские города Рустак и Файзабад, откуда уже направлялись в Читраль и Искардо, попадая таким образом и в английские владения.

Афганские купцы легко проникали с русскими товарами в Читраль, находящийся в трех с половиной днях езды от Сарая, и в этой части английских владений русская мануфактура, по словам афганских купцов, завоевала себе славу и благодаря хорошим качествам и низкой цене по сравнению с мануфактурой английского производства охотно приобреталась населением.²⁴²

Афганский город Имам Сохиб являлся также крупным торговым центром в Северном Афганистане, куда съезжалось очень много народа по базарным дням с окрестных мест. Туда ездили и местные торговцы из Сарая. Среди них были также русскоподданные купцы-армяне, которые надевали халаты и чалмы и посещали базар. При этом, торгуя русскими товарами, которые имели большой спрос, они совершали выгодные сделки. По рассказу одного из них, цены на русские товары были неимоверными. Он отмечал, что «фунт керосину — 15 коп., кусок железа в 3 вершка — две теньги, т. е. 30 коп., аршин ситца плохонького — 30 коп. Но все-таки, несмотря на эти боевые цены, товар идет нарасхват потому, что его на рынке нет, а он нужен».²⁴³

В то время как экспорт и импорт в 1910 г. для Термеза составлял 104406 пудов разных товаров, через Сарай прошло лишь 22 678 пудов этих товаров.²⁴⁴

По данным В. И. Масальского, через Сарайскую таможенную в 1910 г. было вывезено в Афганистан товаров на 34 500 руб. (хлопчатобумажные ткани, металлические изделия) и привезено из Афганистана на 37 000 руб. (сушеные фрукты, хлопок и др.).²⁴⁵

Предметами торговли бекства были хлеб, хлопок-сырец, скот, каракуль, фисташка и др.

Местом отправления служили пристань Файзабад-Кала, находящаяся в 15 верстах от Сарая ниже по Пянджу, и Джиликуль на р. Вахш, до которого каюки не доходили верст 12. Товары подвозились к пристаням в основном на верблюдах, занимались этим местные казахи.

Автор, писавший под инициалами А. Г., в 1911 г. указывал, что Сарайская таможенная застава давала 1500 руб. пошлины, а расход на ее содержание составлял около 5000 руб.²⁴⁶ Хотя это было невыгодно для русского правительства, все же таможня сохранялась, потому что проникновение контрабандных товаров могло явиться серьезным

препятствием на пути нормальной торговли не только в бекстве, но и во всей Восточной Бухаре и вообще в ханстве.

Летом 1911 г. в московской газете «Русское экспортное товарищество» вновь был поднят вопрос о разрешении таможенного досмотра мануфактуры на месте, в Сарая, для того, чтобы там же на месте производилась выдача зачетных квитанций на возвращаемую купцу пошлину (премию). И без того мануфактура, купленная и досмотренная на месте — в Бухаре, Самарканде, Керки и Термезе, вывозилась через Сарайскую таможенную с возвратом пошлин, затраченных на хлопок, из которого она изготовлена.²⁴⁷

Через Сарай вывозились сахар, конфеты, фарфоровая посуда, металлические изделия, бумага, ткани бумажные в десятках и сотнях пудов. В 1913 г. товаров было пропущено на сумму 23,3 тыс. руб.²⁴⁸

В 1914 г. из Сарая было вывезено:

	пудов	на сумму (руб.)
хлопка	60 000	150 000
гузы	42 000	42 000
кунжута	2 500	5 000
зигира	6 000	8 000
ячменя	60 000	20 000
пшеницы	800 000	500 000
фисташки	6 000	30 000

и отправлено баранов 12 000 голов на сумму 100 000 руб.

В 1915 г. из Сарая было вывезено:

	пудов	на сумму (руб.)
хлопка	200 000	800 000
гузы	25 000	30 000
кунжута	10 000	35 000
зигира	5 000	8 000
ячменя	10 000	10 000
пшеницы	150 000	200 000
фисташки	2 000	5 000

и отправлено баранов 12 000 голов на сумму 150 000 руб.

Из всего вывозимого из Сарая товара 95% покупалось и отправлялось местными русскоподданными торговцами, преимущественно армянами. Поэтому всю отправку можно было включить в оборот торговли русскоподданных сарайцев, который выражался в сумме 1 500 000 руб.²⁴⁹

Торговых заведений (лавок) в Сарае к 1915 г. было 31. Из них 15 принадлежали бухарским подданным, а 16 — русскоподданным. Из 16 лавок русскоподданных — 2 скобяных, а остальные были мануфактурно-бакалейно-скобяные и даже была парфюмерная. Однако преобладали мануфактурные. Из лавок бухарскоподданных — 10 мануфактурных, 4 мелочных и одна мясная. Годовой оборот в лавках русскоподданных был более 250 тыс. руб., а бухарскоподданных — около 70 тыс. руб.²⁵⁰

К 1915 г. количество русскоподданных купцов в Сарае уменьшилось по сравнению с 1906 г., тогда там насчитывалось их 22. Годовой торговый оборот в лавках русскоподданных в 1915 г. исчислялся более чем 250 тыс. руб., тогда как в 1906 г. он колебался от 300 тыс. до 375 тыс. руб.

В торговом отношении к Сараю тяготели Кулябское, Бальджуанское и частью Дарвазское бекства, а также располагавшиеся по левому афганскому берегу Амударьи два больших округа — Рустакский и Кундузский. С началом первой мировой войны курс русских кредитных билетов в Афганистане пал, и в связи с запрещением вывоза в Афганистан очень многих товаров, торговля с ним совершенно прекратилась.

В середине 1918 г. существовавшее в Сарай-Камаре отделение конторы общества «Кавказ и Меркурий» не могло нормально функционировать, потому что из Советской России уже не поступали новые товары для реализации их в Восточной Бухаре и в соседнем Афганистане.

Бухарский комиссар общества «Кавказ и Меркурий» в письме в Российское резидентство в Бухаре от 29 июня 1918 г. указывал, что ввиду невозможности продолжать работу в Сарай-Камаре, отделение конторы общества там закрывается. На складе в Сарай-Камаре находится в данное время около 2500—3000 пудов разных грузов, которые вывезти отсюда нет возможности за отсутствием каюков, кроме того, следующие по Амударье грузы задерживаются в Кабадианском бекстве. Ввиду вышеизложенного комиссар общества просил исходатайствовать у бухарского правительства от-

крытый лист, гарантирующий беспрепятственный выезд заведующему отделением З. Абдулмуминову с семейством, а также разрешающий вывоз из Сарай-Камара в Термез на склад общества 3000 пудов разного груза.²⁵⁹ С таким же ходатайством обратилось российское резидентство 3 июля 1918 г. к бухарскому кушбеги Усманбек бию парвоначи.²⁶⁰

Бухарское правительство не ответило на эту просьбу российского резидентства. 17 июля 1918 г. русское представительство вторично обратилось с указанной просьбой к бухарскому правительству. Только 26 июля 1918 г. бухарский кушбеги в своем ответном письме указал, что с письмом высылается открытый лист для перевозки грузов, а также указания на имя властей Бухарского ханства о содействии.²⁶¹

В конце XIX и в начале XX в. отмечается усиление проникновения на рынки бекства, особенно в Сарай, русских промышленных товаров, в первую очередь мануфактуры. Дешевизна и лучшее качество, по сравнению с английскими, русских текстильных товаров способствовали быстрому распространению их среди местного населения края; кроме того, отсюда эти товары шли и в соседний Афганистан и были популярными, особенно в его северных районах.

НАЛОГИ И ПОДАТИ

Эксплуатация трудящихся масс в Курган-Тюбинском бекстве в рассматриваемый период осуществлялась прежде всего путем взимания различных видов налогов, податей, поборов, а также путем отработок.

Сбор закота производился особыми сборщиками (закотчи). Обычно предварительно делалась перепись скота в бекстве у всех скотовладельцев. Но они старались часть скота скрыть в горах или на далеких пастбищах. Перепись скота производилась через каждые 10 лет. Сбор закота производился по норме переписи, несмотря на большую падеж скота, который часто бывал зимой. На вопрос Д. Н. Логофета, сколько уплачивает податей за стадо, один из жителей дал такой ответ: «Не знаю, как у других, но у меня в прошлом году было 200 баранов, с них взяли 50 баранов в качестве подати; в этом году у меня осталось 90 баранов и с них взяли 50 баранов».²⁶² П. Гаевский приводит рассказ одного жителя из Курган-Тюбинского бекства, который сообщил, что у него было 800 баранов и коз, зимой пало 700,

но с оставшейся сотни закот взяли все-таки 500 тенег (75 руб.), как за все 800. Зато местная администрация или сборщики закота всегда хорошо учитывали увеличение стада от приплода, даже если его фактически не было. «Каждый год делается надбавка (туль) до 10%. Такой сбор особенно тяжело ложится как раз на пострадавших от падежа».²⁶³

П. Гаевский указывает, что закот был установлен Кораном с верблюдов, баранов и коз; с лошадей и крупного рогатого скота закот не взимался.

По указанию бека закот взимался в следующих размерах: от 40 до 199 баранов — 1 баран в год, от 200 до 300 — 2, от 301 до 399 — 3, от 400 — 4, от 1000 — 10, от 2000 — 20 и т. д.²⁶⁴

Накануне первой мировой войны закот собирался уже не натурой, а деньгами. Вместо одной козы брали 20 тенег (3 руб.), а вместо одного барана вносилось 30 тенег (4 руб. 50 коп.). А если в стаде было менее 40 голов, то с каждого барана бралась 1 теньга (15 коп.), и с козы полтеньги. С каждых 5 верблюдов сбор составлял 3 руб. в год.

Оценка сбора закота производилась часто не по вышеуказанной норме, а произвольно, несмотря на протесты скотовладельцев, особенно если это касалось скотовладельцев, имеющих небольшое количество скота. Владельцу прямо объявляли то количество денег, которое с него причитается, и в результате, например, с 35 коз закот должен быть 17,5 тенег (2 руб. 62 коп.), а брали с владельца 82 теньги (12 руб. 30 коп.), чуть ли не впятеро. П. Гаевский также отмечает, что оценка козы делается в 20 тенег, барана — в 30, между тем население показывает, что с коз берут, как с баранов, хотя рыночная цена козы действительно раза в 1,5 меньше, и берут не 30 тенег, а 40—60—65; с пяти верблюдов не 20 тенег (3 руб.), а 25 (3 руб. 75 коп.).²⁶⁵

П. Гаевский отмечает два условия сбора закота, которые еще больше увеличивали тяжесть налога. Первое это то, что сбор проводился не натурой, а деньгами, и население должно было для уплаты продавать скот, несмотря на слабо развитый денежный оборот и отсутствие спроса, по любой цене; и второе, что сбор ведется не местным беком, а каратегинским, мало заинтересованным в процветании бекства и притом еще собирающим этот закот в свою личную пользу.²⁶⁶

При сборе закота натурой местная администрация также

выдумывала различные ухищрения, при помощи которых старалась как можно больше получить с налогоплательщика. Если даже закот собирал местный бек, а не каратегинский, от этого не было легче народу. Местный бек также не был заинтересован в процветании Курган-Тюбинского бекства. Аргументы П. Гаевского нельзя считать обоснованными, так как собираемые беками налоги и подати не расходовались на удовлетворение нужд бекства и благоустройство края.

Каратегинский бек Худой Назарбек за свои заслуги перед эмиром бухарским имел право сбора закота с Курган-Тюбинского бекства на свое кормление, на свой дастархан (стол).²⁶⁷ Каждое лето он приезжал из Гарма в Курган-Тюбе и в течение трех летних месяцев до сентября вел сбор закота в бекстве.

С двух туркменских кишлаков Джиликуль и Кара-Туркмен собирали закот приезжие сборщики налога—закотчи, посылаемые эмиром из Чарджуя (для сбора в кишлаке Кара-Туркмен) и Керков (для сбора в кишлаке Джиликуль). Эти два кишлака платили закот туркменским бекам, так как население их в основном было туркменское. Если считать количество скота по данным П. Гаевского, то верблюдов было в бекстве 3235 голов, коз и баранов 309 820 голов. Сбор с 5 верблюдов производился по 25 тенег, а с каждых 100 коз и баранов — по 40 тенег. Общая сумма закота, таким образом, с Курган-Тюбинского амлоқдарства составляла 825 руб.; с Джиликульского — 4565 руб.; с Сарайского — 5265 руб.; с киргизов, арабов и других кочевников — 10 350 руб.²⁶⁸

П. Гаевский также указывает, что если сравнить те нормы налогов в Бухарском ханстве, которые приводит в своей книге Д. Н. Логофет, то можно увидеть, что в Курган-Тюбинском бекстве эти нормы были значительно больше. Например, со скота до 40 голов закот, по данным Логофета, взимался в Бухаре с барана $\frac{1}{2}$ теньги ($7\frac{1}{2}$ коп.), с козы $\frac{1}{4}$ теньги ($3\frac{3}{4}$ коп.); в бекстве за то же брали больше.²⁶⁹

В бекстве существовал и другой вид закота, который назывался закоти-чакана, т. е. буквально, как указывает Н. А. Кисляков, «мелкий закот»²⁷⁰, который взимался с хозяйств, имевших менее 40 голов скота. А. А. Семенов указывал, что закоти-чакана, представляя собой налог, не предусмотренный шариатом, шел в пользу мира (бека) и взи-

мался в размере полтенги с барана и четверть тенги с козы.²⁷¹

Д. Н. Логофет также отмечал, что закоти-чакана взимался со скотовладельцев «в размере с каждого барана $\frac{1}{2}$ тенги ($7\frac{1}{2}$ коп.), а с каждой козы по $\frac{1}{4}$ тенги ($3\frac{1}{2}$ коп.)».²⁷² Подать эта в основном ложилась на плечи малоимущего населения. Сумма дохода не подавалась даже приблизительно к учету.

Кроме закота, со скота брался еще сбор, также называемый закотом, с продаваемых каракулевых шкурок по тенге, т. е. в общей сумме 21 000 тенег (3150 руб.). С продаваемых товаров по расчету с 40 тенег взималась 1 тенга, со 100 тенег — $2\frac{1}{2}$ и т. д., т. е. 2,5% стоимости. Этот налог значился и в договоре России с Бухарой.²⁷³

За уплату закота выдавались квитанции, чтобы избежать вторичного взимания его. Это касалось в основном крупных торговцев, которые разъезжали по бекствам.

Бухарский кушбеги в письме политагенту от 3 ноября 1916 г. сообщал, что гиссарскому закотчи, равно как и гиссарскому, кулябскому, бальджуанскому и курган-тюбинскому бекам, сделано распоряжение, чтобы при взимании установленного закота с русскоподданного Ата-Ходжа Ниязова и хивинского подданного Ишджана, занимающихся торговлей ячменем, пшеницей и кунжутом, были выданы квитанции с подписью или приложением печати во избежание того, чтобы по прибытии их в Джиликуль сборщики закота вторично не заставили их платить.²⁷⁴

Бухарский кушбеги в своем письме от 9 августа 1917 г. в Российское резидентство в Бухаре указывал, что с ввозимых из Афганистана в Бухару съестных припасов и зерновых продуктов бухарскими властями по шариату взимается закот в размере по 1 тенге с каждых 40 тенег, т. е. $2\frac{1}{2}\%$.²⁷⁵

Харадж или малиат — это подать, величина которой определялась в зависимости от урожая. По закону ее размер составлял $\frac{1}{7}$ часть с пшеницы и ячменя на поливных землях, $\frac{1}{10}$ — с богарных посевов (ячмень, пшеница, лен) и $\frac{1}{5}$ — с риса, джугары, хлопка, кунжута и других «зеленых» посевов, кроме люцерны. Клеверные поля, засеянные местным сортом люцерны, не могли быть обложены хараджем, а потому с них взыскивался особый налог танап-пули. Размер его, по определению Д. Н. Логофета, был по 4 тенги

(60 коп.) с каждого танапа земли, т. е. с $\frac{1}{6}$ десятины, в год.²⁷⁶

С люцерны танап-пули брался независимо от урожая по 5 тенег (75 коп.) с танапа и одну миру (4 коп.) брал писарь (мирза) за свою работу по описи, итого — 79 коп. с танапа. Сбор с люцерны был, по определению П. Гаевского, не очень велик и потому там, где сбыт ее был обеспечен, люцерна считалась самым доходным из посевов.²⁷⁷ Ввиду того, что на территории бекства были расположены пограничные отряды Амударьинской пограничной стражи, люцерна здесь пользовалась большим спросом. Отсюда видно, что танап-пули в Курган-Тюбинском бекстве был выше, нежели в среднем в ханстве, по данным Д. Н. Логофета. По рассказу местных старожилов, танап-пули был очень велик и ложился тяжелым бременем на плечи трудящихся масс бекства.

После опечатывания зерна его осматривал амлокдор и определял на глаз или с помощью палочки количество батманов. Владелец это обычно оспаривал. В этом случае по закону полагалось бы взвесить зерно, но фактически этого никогда не делалось. Иногда приглашался в посредники местный аксакал или амин, а чаще амлокдор, несмотря на протесты, прямо записывал в свою книгу, сколько данный владелец, по его мнению, собрал зерна.

Для хлопка и кунжута определение делалось до сбора еще на корню. Такой способ учета неблагоприятно сказывался на урожае, так как земледелец не мог собирать хлопок до осмотра амлокдором.

Амлокдоры исчисляли налоги по так называемым эмирским ценам, указанным в эмирской грамоте. Эмирские цены выводились следующим образом: кази и раис записывали на базарах Курган-Тюбе, Джиликуля и Сарая цены на сельскохозяйственные продукты, а затем определяли средние для всего Курган-Тюбинского бекства и посылали эмиру. Эмир утверждал их, и соответствующая грамота с утвержденными эмиром ценами направлялась казию, который передавал ее беку.

П. Гаевский отмечал, что утвержденные эмиром или кушбеги так называемые эмирские цены ложились в основу исчисления налогов, и жителям сообщалось, сколько тенег должны они представить в уплату хараджа; сбор денег производился в течение зимы.²⁷⁸ Через амлокдоров эмирские цены объявлялись населению, платившему налоги. Кази и раис со-

общали дехканам не настоящие базарные цены, а завышенные, получая за это вознаграждение от бека. Разница между действительной суммой сбора и сбора по эмирской оценке составляла личный доход бека и амлокдоров. П. Гаевский писал: «На базарах записываются не действительные цены, а их увеличивают нередко на 10—15%, по утверждению их эмиром расчет делается не $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{5}$ урожая, а берут до $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ урожая, и вдобавок, когда приходится платить, то при натуральном хозяйстве бекства, при неразвитом денежном обороте, когда все выносят хлеб на рынок, емкость которого не велика, цены чрезвычайно падают, и чтобы выручить собираемую $\frac{1}{3}$ урожая (оцененную преувеличенно), жители должны продать вдвое больше».²⁷⁹

В конце осени, после уборки урожая, казий докладывал эмиру о базарных ценах на каждый вид сельскохозяйственных продуктов, и эмир приказывал управителям взимать по ним с крестьян подати. Обычно, когда казий докладывал эмиру о действующих ценах на базарах, он сообщал искусственно вздутые цены. Поэтому многие крестьяне продавали все собранное зерно и вдобавок вынуждены были продавать свое имущество, чтобы уплатить подать.²⁸⁰

В своем письме в политическое агенство в Бухаре русско-подданные купцы, проживающие в кишлаке Сарай, сообщали об угнетении курган-тюбинским беком жителей кишлака, которые не смогли уплатить харадж, и часть жителей вынуждена была бежать в Афганистан. Они писали, что бедный дехканин, приобретя кое-как пару быков, проливая горький пот, пашет и сеет либо пшеницу, ячмень, хлопок, либо другие культуры, но когда созревают плоды его трудов, он собирает его на гумно, молотит, очищает зерно и ожидает до тех пор, пока бек изволит явиться на гумно и назначит малият без меры, без весу и без всякой совести.

Вот несколько примеров из рассказов жителей Курган-Тюбинского бекства, собранных П. Гаевским. Дехканин посеял 3 батмана зерна, собрал 30, а в харадж с него взяли 10 батманов.

Другой житель указывал, что сбор хлопка определился в 5 батманов, в харадж взяли половину, т. е. $2\frac{1}{2}$ батмана, определив цену в 45 руб. батман. При продаже цена понизилась до 22 руб. 50 коп., после выплаты хараджа не осталось даже семян.

По рассказу третьего жителя видно, что при сборе кун-

жута цену его назначили в 45 руб. батман, а продать пришлось за 30 руб., кроме того, при продаже еще пришлось платить торговый сбор амиану 1 руб. 50 коп. с батмана.²⁸¹

Таким образом, чиновники по сбору налогов старались повысить цены на сельскохозяйственные продукты, чтобы как можно больше нажиться.

П. Гаевский приводит характеристику налогов, данную одним из местных чиновников, который отмечал, что при сборе хараджа приписывают число батманов уже после осмотра урожая, при платеже. Цены ставят выше, например, на ячмень и пшеницу 15 тенег (2 руб. 25 коп.) на батман, а на хлопок 25 тенег (3 руб. 75 коп.). Берут чаще половину урожая и больше. Брали даже с несеявших, которым для этого приходилось продавать скот.²⁸² Как отмечал С. Айни, с несеявших крестьян взимался сбор за то, что на их полях растут колючки,²⁸³ т. е. за то, что крестьянин не хотел сеять и избегал уплаты указанного сбора.

Но этим сбор не ограничивался, это был только харадж для казны эмира, тогда как надо было еще отдать на стол беку, амлокдору, даруге, мирабу, аксакалу и другим чиновникам бекства. Кроме чиновников были еще представители духовенства, которые также жили за счет трудового народа и также требовали свою долю.

Командир Сарайского отряда ротмистр Ковецкий в секретном письме в штаб VII пограничного округа от 1 декабря 1915 г. сообщал, что по распоряжению бухарского правительства как местным курган-тюбинским, так и прочими беками по всему ханству, производится реквизиция зерна (пшеницы и отчасти ячменя).

Подати (харадж) по общему правилу собирались натурой и не реализовались, как это практиковалось ранее, оставаясь по месту нахождения податных лиц без права отчуждения кому бы то ни было под страхом строгой ответственности за неисполнение.

Для выполнения наряда, курган-тюбинским беком местным жителям выданы деньги по 15 руб. за каждый недостающий батман с обязательством заготовить пшеницу во что бы то ни стало, не стесняясь способом приобретения.

Мука всякая (как пшеничная, так и джугарная) на базарах отсутствует. Большинство туземцев питается морковью и машем. На заявление жителей о невозможности доставить назначенное им количество пшеницы вследствие неурожая

курган-тюбинский бек ответил: «С каких пор они (жители.—Ш. Ю.) перестали быть бухарскими подданными».²⁸⁴

Штабс-капитан Тутолмин из Сарай-Камара в секретном рапорте на имя офицера для поручений при штабе Туркестанского военного округа от 5 декабря 1915 г. докладывал, что среди населения Сарая наблюдалось сильное волнение, происходившее вследствие распоряжения курган-тюбинского бека Хусейн Али токсобо взыскать с жителей малиат не деньгами как раньше, а натурой и, кроме того, с кишлаков Курган-Тюбе, Джиликуль и Сарая собрать 800 батманов пшеницы (12800 пудов) по цене 100 тенег за батман. Пшеница эта должна была быть собранной по распоряжению кушбеги и поэтому называлась «подшалык». Жители продавали пшеницу для того, чтобы собрать деньги за малиат, оставляли себе только необходимый запас для продовольствия до следующего урожая и на семена. Теперь для того чтобы собрать малиат натурой и, кроме того, пшеницу «подшалык», власти отбирали оставленные жителями запасы.

Но так как дехканам негде было взять пшеницу, то власти их били палками и заставляли представить ее во что бы то ни стало. В результате этого в Сарае начался голод. Бедное население питалось исключительно морковью и машем. Далее тот же офицер указывал, что курган-тюбинским беком был отдан «приказ о том, чтобы жители не смели перевозить пшеницу даже из кишлака в кишлак».²⁸⁵

Тутолмин отмечал, что все это порождало среди населения массу толков. Некоторые из жителей распространяли слух с том, что собирался указанный хлеб будто бы для России. «Если этот слух получит большое распространение, то можно ожидать со стороны голодного и обобранного населения каких-либо серьезных выступлений...»

8 декабря 1915 г. поручик Ченгеры в рапорте на имя старшего адъютанта 4-го отделения штаба Туркестанского военного округа указывал, что по всему ханству идет сбор пшеницы и ячменя, которые свозятся в крупные центры. «Это вызывает недовольство населения, которое жалуется на вздорожание хлеба».²⁸⁶

В конце декабря 1915 г. туркестанские власти обратились за разъяснением к политическому агенту. Он в своем письме от 11 января 1916 г. на имя начальника штаба Туркестанского военного округа уведомлял, что бухарским правительством

действительно, по предварительному обсуждению с политическим агентом в Бухаре, предписано было бекам собрать казенные запасы зерна. Представители царского правительства вынуждены были рекомендовать бухарскому правительству отменить им же предложенные мероприятия по закупке указанного хлеба, потому что они поняли, что народное выступление в ханстве неминуемо, если будет и дальше реквизироваться хлеб у населения.

П. Гаевский указывает, что общую сумму хараджа по бекству точно определить трудно, приблизительно же можно оценить ее в 90 тыс. руб., в эту же сумму и даже до 120 тыс. руб. оценивался сбор и некоторыми чиновниками. Сбор в серебряной монете увозил из бекства караван около 20 вьючных лошадей.²⁸⁷

Далее он отмечает, что ввиду того, что мерой количества посевов служила до известной степени пара рабочих быков—кош, то можно было распределять харадж между жителями и по числу кошей. Порой жители указывали, что с них налог определялся на коши, например, один из кишлаков выплачивал уже 3 года подряд за свои 10 кошей 13 000 тенег, а эта сумма уже в свою очередь делилась между дворами, смотря по достатку по 1000, 1500, 2000 тенег на кош. Если взять подобную оценку, то общий сбор хараджа был бы еще больше. Но приняв во внимание, что $\frac{1}{3}$ земли находилась в обработке у чиновников и сбору не подлежала, получится цифра, близкая к указанной выше.²⁸⁸

Бек брал 1 пуд с багмана, т. е. $\frac{1}{16}$ часть батмана, мираб за снабжение водой— $1\frac{1}{2}$ пуда с кучи зерна, даруга—4 пуда с кучи, за то, что опечатывал их, амлокдор 1 пуд с батмана и т. д. «В результате нельзя не поверить жалобам, когда слышишь, что, например, в прошлом году, чтобы уплатить за харадж, пришлось продавать скот или занимать деньги у гиссарских евреев-ростовщиков, причем эти долги ими не могли быть оплачены и до сего времени».²⁸⁹

Один из старожиллов кишлака Гишт Мазар рассказал следующий интересный, на наш взгляд, факт о местном ростовщике. В Гишт Мазаре был известный на все бекство ростовщик, звали его Назирали «хужаин» (хозяин), который давал ссуду под большие проценты. Отец нашего информатора взял у него 200 теньга с условием, что через год вернет ему уже 400 теньга. Но после женитьбы отец не мог через год вернуть деньги. Ростовщик вместе с должником напра-

вился в Курган-Тюбе к кази с жалобой на своего должника. Но по дороге в местечке Урта Буз должник сбежал и направился в Джиликкуль, где нанялся к каючникам в качестве рабочего и проработал 7 лет. За это время он заработал сумму на погашение долга в 400 теньга, кроме того, ростовщику были преподнесены подарки и дополнительные проценты. Только после этого должник, проработав у него еще некоторое время, погасил все долги.

Вследствие того, что не было установлено твердой оплаты труда амлокдора, также как и других чиновников бекства, на его содержание собиралась особая подать по одному пуду с каждого батмана пшеницы, который не входил в харадж. Собранный хлеб составлял распределением воды, также содержался за счет местных жителей, и поэтому была установлена особая подать с населения, называемая мирабона, и поступающая в пользу вышеназванного лица за его труды по распределению воды для полей того или иного кишлака. По определению Д. Н. Логофета, она взималась в размере одного батмана зерна с каждой пары рабочих животных, причем налог этот уплачивался, по соглашению, или натурой или деньгами по базарной стоимости батмана зерна.²⁹⁰

Чиновник, ведавший распределением воды, также содержался за счет местных жителей, и поэтому была установлена особая подать с населения, называемая мирабона, и поступающая в пользу вышеназванного лица за его труды по распределению воды для полей того или иного кишлака. По определению Д. Н. Логофета, она взималась в размере одного батмана зерна с каждой пары рабочих животных, причем налог этот уплачивался, по соглашению, или натурой или деньгами по базарной стоимости батмана зерна.²⁹¹

Кроме закота и хараджа, жители уплачивали при продаже и покупке товаров на базарах торговый сбор—аминона, для чего на базарах имелись особые сборщики—аминоначи. В Курган-Тюбе эти сборы вел диванбеги. Сборы взимались в следующих размерах: с 1 быка брали 15 коп., с 1 барана—2 коп., с 1 козы—2 коп., с 1 лошади—15 коп., с 1 верблюда—30 коп., с привозимого лошадиного вьюка товаров—15 коп., с ишачьего вьюка—7½ коп., верблюжьего вьюка—30 коп., с каракулевой шкурки—4 коп.

П. Гаевский указывал, что, по-видимому, и размер аминоны отчасти колеблется по желанию аминоначи. Сбор брался при начале базара, независимо от того, будет ли продан товар или нет.²⁹²

Заведующий административно-полицейской частью в кишлаке Сарае Абакумов в своем рапорте политагенту 20 января 1916 г. писал, что в текущий хлопковый сезон, ввиду увечья закота, во всех соседних бекствах аминона на хлопков упрядена, а в Курган-Тюбинском бекстве продолжает взыскиваться.

На основе этого рапорта политагент 8 февраля 1916 г.

обратился с письмом к бухарскому кушбеги.²⁹³ 3 марта 1916 г. политагент сообщил полицейскому чиновнику в Сарае о том, что кушбеги сделал по телеграфу распоряжение о взимании только закота, аминона упрядена.²⁹⁴

В ответ на письмо от 8 февраля 1916 г. бухарский кушбеги 30 марта 1916 г. сообщал политагентству, что в Курган-Тюбинском бекстве до сего времени самостоятельного закотчи по взиманию закота с хлопка и гузы не было, ввиду чего с означенных продуктов и взималась беком аминона (по бывшему правилу). Теперь же для сбора закота с хлопка и гузы по новому правилу в бекствах Гиссарском, Кулябском, Курган-Тюбинском, Денауском и Кабадианском назначен и выехал туда специальный закотчи Ходжи Мирза Исаметдин мирахур, которому дана инструкция приступить к взиманию с хлопка и гузы закота по примеру других бекств с начала предстоящего хлопкового сезона.²⁹⁵

В свою очередь, политагентство выдало удостоверение с надлежащей подписью и печатью чиновнику бухарского правительства Ходжи Мирза Исаметдину мирахуру в том, что он назначен сборщиком закота в вышеуказанных бекствах.²⁹⁶

В бекствах существовала и подать кош-пули. «Рабочие быки обложены податью, с пары их (коша) берут при начале пастьбы 11 тенег и при сборе хераджа 24 теньги, итого, 35 тенег (5 руб. 25 коп.)».²⁹⁷

Д. Н. Логофет отмечал, что подать кош-пули была установлена для обложения всего рабочего скота, которым земледельцы возделывали в ханстве землю, безразлично были ли это были или лошади, причем с каждой пары уплачивалось за лошадой—по 4 теньги (60 коп.), за быков—8 тенег (1 руб. 20 коп.). Подать эта собиралась весной до начала земледельческих работ.

С рабочего скота, помимо подати кош-пули, собиралась еще особая подать, называемая як-сира; заключалась она в том, что каждый землевладелец с каждой пары рабочих животных, лошадей или волов, уплачивал стоимость одного батмана пшеницы от 8 до 12 пудов (ценой от 2 руб. 50 коп. до 5 руб.). От этой подати не освобождались и те крестьяне-земледельцы, которые имели по одной рабочей лошади или волу.²⁹⁸

Бадж—налог брался с грузов, шедших в бекство или из него в соседние—Кабадиан, Бальджуан, Куляб и Гиссар. Сбор

бадж производился в Джиликуле у переправы через р. Вахш и в кишлаке Сарназанг, по 60 коп. с лошади.²⁹⁹

Кроме этого, взимались сборы за переправы через реки. Такие переправы были через р. Вахш у Джиликуля, недалеко от Курган-Тюбе, напротив Кызыл-Кала, у кишлака Лагман, а также через р. Пяндж в Сарайском амлокдарстве.

Бухарское правительство на запрос русских властей в 1917 г. указывало: «Бадж взимается со скота в размере от 4 коп. до 16 коп. на голову лишь в том случае, если таковые проследуют по тому району, где установлено взимать бадж».³⁰⁰

Бухарский кушбеги Астанакул бий в своем письме от 8 июня 1901 г. на имя политического агента в Бухаре, ссылаясь на донесение бухарского таможенного чиновника Абдул Халима токсоба, указывал, что «некий торговец-лавочник в местности Сарай Курган-Тюбинского бекства, скупающий хлопок, гузу и пр., не платит обычных пошлин (бадж.—Ш. Ю.) под предлогом, что он русскоподданный».³⁰¹

В своем другом письме на имя политического агента тот же Астанакул бий кушбеги от 20 августа 1902 г. отмечал, что по приказанию эмира чиновник бухарского правительства Мирза Астан мирахур, проживающий в кишлаке Миршаде, назначен для сбора установленного баджа с товаров. Поэтому всем бухарским русским и подданным других государств, везущим через Миршад или по р. Амударье на каюках и плотах хлопок, зерновой хлеб, скот и другие товары из Балъджуанского, Кулябского и других бекств, а также из Сарая в Патта-Гиссар, Келиф и Керки, подлежит беспрекословно уплачивать названному мирахуру установленный бадж. Но русские торговцы из Сарая не только сами не платили, но и не позволяли уплачивать бадж своим верблюдоводам и лодочникам. Сообщая об этом, Мирза Астан мирахур просил выдать ему свидетельство, утвержденное политическим агентом, из которого видно было бы, что он имеет право взимать бадж с русскоподданных.³⁰² Политическое агентство ответило, что согласно русско-бухарскому договору «с русскоподданных торговцев в Бухарском ханстве взимается в пользу бухарского правительства только закот с товаров, а от всех остальных сборов, в том числе и от баджа, они освобождены».³⁰³

Сбор торгового значения—су-пули—налог с лиц, купивших товар в пограничных районах (обычно с афганских поддан-

ных), по существу являлся сбором за переправу товаров через реку на каюках. «Обычно су-пули взимался в размере 1 теньги с каждых четырех мест керосина и сахара и по 1 теньге за 2 места мануфактуры».³⁰⁴

Бухарский кушбеги в официальном письме представителю русского правительства в Бухаре летом 1917 г. о взимании су-пули сообщал: «За переправу через р. Амударью взимаются су-пули по 1 теньге с каждого мешка груза».³⁰⁵

В письме от 16 января 1903 г. политическому агенту русские купцы, жившие в кишлаке Сарай, описывают массовое ограбление дехкан курган-тюбинским беком и местным амлокдором, сыном бека, а также произвольное повышение беком сбора су-пули, за переправу товаров за границу. Они писали: «Кроме сих, бек прибавил всякие государственные налоги как то: как следовало раньше и как мы прежде платили за переправляемый товар через границу на одной лошади—2 теньги, на одном верблюде—3 теньги и за переправляемые из-за границы 100 баранов полагается взять налог (под названием су-пули)—5 тенег, а теперь берут: за 1-е—5 тенег, за 2-е—10 тенег и за каждые 100 баранов—15 тенег, и при этом тех наших людей, которые едут в Афганистан продавать товар и купить что-нибудь, позволяемое перевезти через границу, ведут здесь к беку и, без всякой причины заключив в цепи, взыскивают от нас за каждого 400 или 500 тенег, поэтому переправа товара через границу не мыслима, по причине чего и наша торговля остановлена».³⁰⁶

Самочинные меры бека, направленные на личное обогащение, наносили огромный ущерб торговле.

Сборами были обложены и старатели, добывающие золото. Как отмечал Д. Н. Логофет, за право производить промывку золота золотонскатели обязаны были ежегодно уплачивать в бухарскую казну особый налог в количестве одного мискаля (1½ золотника) золотого песка каждый, что составляло около 7 руб. в год.³⁰⁷

Налогам в Курган-Тюбинском бекстве были обложены и фруктовые сады. С садов и огородов взимался налог таноб-пули, размеры которого колебались от 16 до 18 тенег (от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 70 коп.), в зависимости от местности, от близости к базарному пункту и от экономического состояния края.³⁰⁸

Другим видом налога в бекстве был муштак. Политический агент в Бухаре Лютш, отмечая чрезмерное податное обложе-

ние населения эмирата в начале этого века, указывал, что года три как установлена в Сарае подать муштак с продуктов, вывозимых оттуда.³⁰⁹ По свидетельству Д. Н. Логофета, в Курган-Тюбинском бекстве существовал муштак-пули—подать с каждого нагружаемого на речной пристани каюка, но никаких оснований для взимания его по мусульманскому праву не имелось. Далее он писал: «Подать же муштак-пули была установлена в Курган-Тюбинском бекстве лет десять тому назад».³¹⁰

А. А. Семенов отмечал, что налог муштак, т. е. буквально «горсточка» (то, что уместится в кулак), это добровольная дача амину, асакалу и другим лицам низшей администрации, наблюдавшим за сдачей налогового зерна. «Бухарцами муштак, впрочем, рассматривался не как налог, а исключительно как необязательная подачка упомянутым должностным лицам натурою хлебных продуктов». Согласно А. А. Семенову, размер муштакта был около чоряка (около 2 кг.).³¹¹

Существовали налоги с водяных мельниц (осио-пули) и крупорухек или толчей (обджувоз-пули), пользовавшихся водою из казенных арыков. По определению Д. Н. Логофета, осио-пули взимался в размере от 20 до 100 тенег (от 3 до 15 руб.) в год с каждой мельницы, в зависимости от ее производительности. А обджувоз-пули—тоже в размере от 20 до 100 тенег (от 3 до 15 руб.) с каждой, также в зависимости от ее производительности.³¹²

Как указывал А. А. Семенов, размеры этих налогов были разнообразны, так как они зависели от благосостояния данного района и главное от устройства и доходности самого заведения, взимались они или деньгами, или хлебом. Приблизительно по данным за 1917 г., эти налоги взимались от 20 до 100 тенег в год с мельницы и от 50 до 100 тенег с толчей или по 2 батмана зерна.³¹³

По данным Д. Н. Логофета, опубликованным в 1911 г., общая сумма сборов по Курган-Тюбинскому бекству составляла 60 тыс. руб.³¹⁴ Однако эти данные являются приблизительными, потому что они не основаны на каких-либо документах или записях бухарской администрации. Он дал указанную цифру на основе наблюдений, которые проводил в течение нескольких лет, будучи в Сарае начальником 3-го отдела Амударьинской бригады пограничной стражи, штаб которого находился на территории Курган-Тюбинского бекства.

Кроме указанных выше денежных налогов, на населении лежали еще натуральные повинности—очистка арыков и починка проезжих дорог. То и другое производилось осенью и зимой после уборки посевов.

П. Гаевский отмечал, что в Курган-Тюбинском бекстве повинности менее тяжелы, чем в других местах Бухарского ханства, благодаря довольно значительным уклонам местности, не способствующим заилению большей части арыков, и вследствие отсутствия больших дорог.³¹⁵

А. Е. Снесарев указывал, что использование Амударьи как источника орошения было связано с определенными техническими трудностями, потому что вода реки слишком мутна. Если отвести воду из реки в каналы, то она несет столько илу, что приходится канал систематически чистить. Далее он отмечал, что отбрасываемый на края канала ил повышал его стенки так, что очистка канала становилась слишком трудной.³¹⁶

Курган-тюбинский бек и его чиновники искали повод, чтобы обложить население бекства различными дополнительными сборами и штрафами. Причем особенно этим отличались сарайские чиновники, где должность амлокдора занимал сын курган-тюбинского бека, и так как он был молод, приближенные пользовались полной бесконтрольностью.³¹⁷

Во время посещения Курган-Тюбинского бекства в 1894 г. Б. Н. Литвинов стал свидетелем поразившего его явления—прихода депутации от населения Сарая, просившей принять их в русское подданство. Он писал: «Больших трудов стоило нам урезонить старшин и стариков и разъяснить им, что мы не можем помочь их горю. Много слышались мы про притеснения и несправедливости бухарских властей, про их поборы и даже жестокости. На мой вопрос, почему жители, имея арыки, воду и участки отличной, могущей быть возделанной земли, запускают свои поля и огороды и довольствуются крошечным клочком засеянной и поднятой под злаки и дыни земли, я получил короткий, апатичный ответ:

«Зачем нам работать? Чтобы нашими трудами наживались чиновники! Все равно они все заберут себе под видом разных податей и оставят только столько, сколько необходимо семейству, чтобы просуществовать кое-как до следующего года. Так лучше мы не будем ничего делать и жить впроголодь, чем и работать и ничего не получать. Хоть халаты будут целее».³¹⁸

Почти 20 лет спустя после посещения Б. Н. Литвиновым

Курган-Тюбинского бекства, там побывал инженер П. Гаевский, который описал налоговую систему и тяжелое положение трудящихся масс. К нему также обращались с просьбой о помощи местные жители. Он писал: «Приходилось слышать пожелание, чтобы мы, русские, помогли бы им».³¹⁹ О произволе чиновников начальник пограничного поста в Сарае писал: «Полевые работы богатых и начальствующих лиц производятся народом бесплатно, а нежелающие работать подвергаются денежному штрафу, а за неимением денег отбирается последняя корова или лошадь».³²⁰ По этому поводу З. Ш. Раджабов отмечает, что даровой непосильный труд на полях богатых, многочисленные сборы и повинности, власть царька-бека, его чиновников тяжелым бременем лежали на плечах дехкан.³²¹

Отсутствие штатно-окладной системы и точных ежегодных финансовых смет по государственным приходам порождало чудовищную эксплуатацию и угнетение крестьян, ремесленников и в значительной степени торговцев. Особенно ужасна была крестьянская доля, когда все годовые труды крестьянина по обработке собственной земли в конечном итоге оказывались потраченными на содержание многочисленной армии разных административных чиновников, начиная от губернатора (мир, бек) и кончая самым последним писцом (мирза), ибо, помимо определенного сбора зерна, каждый тащил в свою пользу в зависимости от должности и чина. И если шариат предписывал определенные размеры поземельных и поимущественных налогов, то полнейшее отсутствие какой бы то ни было шкалы жалованья или заработной платы сводило на нет шариатские нормы и вносило полнейший произвол и беззаконие в «кормление» чиновничества за счет крестьян и ремесленников.³²²

Из вышеприведенных фактов видно, что налоговая система в Курган-Тюбинском бекстве, как и в других бекствах Бухарского эмирата, служила средством обогащения господствующего класса и эксплуатации трудящихся масс. Основная тяжесть налогового гнета ложилась на крестьян, скотоводов и ремесленников, которые составляли большую часть населения бекства.

ПОЧТА

Восточная Бухара была наиболее отсталой частью эмирата, и население ее не имело даже представления о почто-

вой связи. Не было ее и в Курган-Тюбинском бекстве. Отсутствие почтово-телеграфного отделения в кишлаке Сарай тормозило развитие торговли. В связи с тем, что недалеко от Сарая находилась пристань Файзабад-Кала и, кроме того, Сарай был «местом склада товаров для Восточной Бухары, торговцы Сарая, а также городов Курган-Тепе, Куляба и Бальджуана обратились к политическому агенту в Бухаре и начальнику почтового округа с прошением об открытии в Сарае почтово-телеграфного учреждения, представив все соображения и сведения по этому вопросу».³²³

Д. Н. Логофет еще в конце 1904 г. говорил о необходимости учреждения почтового отделения в Сарае. Он указывал, что несмотря на то, что в Сарае и еще выше его расположены части войск Амударьинской бригады, а равно Сарайская, Чубекская и Богаракская таможни, все эти учреждения были лишены услуг почты и телеграфа, получая корреспонденцию с огромным запозданием через посты пограничной стражи на протяжении 200 верст. Для торговцев открытие почтового отделения (на первое время хотя бы без телеграфа) со сберегательной кассой представило бы огромное удобство. «Нет сомнения, что подобное учреждение вполне окупило бы издержки по своему содержанию и отнюдь не явилось бы для государственного казначейства излишним бременем».³²⁴

Представленные соображения и сведения об открытии в кишлаке Сарай Курган-Тюбинского бекства почтово-телеграфного отделения со сберегательной кассой были составлены и подписаны командиром 3-го отдела пограничной стражи 8 февраля 1906 г. и управляющим Сарайской таможней от 22 июля 1906 г. и направлены в политическое агентство в Бухаре.

Командир 3-го отдела в своем письме на имя политического агента в Бухаре от 8 февраля 1906 г. писал, что согласно отношению начальника почтово-телеграфного округа торговцы русские и бухарские подданные и служащие изъявили согласие принять на себя следующие расходы: а) единовременный взнос 75 руб. на первоначальное обзаведение отделения; б) уплату 120 руб. на канцелярские расходы в течение 3 лет по 40 руб. ежегодно; в) представление бесплатно на 3 года помещения для отделения с квартирой для начальника, постройкою соответствующего дома, типа офицерских квартир пограничной стражи из трех комнат с передней,

кухней, сараем и конюшней; г) отопление и освещение почтового отделения и квартиры начальника в течение 3 лет.

Перевозка почты от Термеза до Сарая должна производиться конными джигитами, по образцу, установленному между Чарджуем, Керками и Келифом, но с наймом нужных джигитов на средства Почтового ведомства.³²⁵

Управляющий Сарайской таможней в своем письме от 22 июля 1906 г. на имя политического агента в Бухаре, возражая против вышеизложенного способа перевозки почты, указывал, что перевозка почты от Термеза до Сарая могла производиться тем способом, какой найдет более удобным русское правительство. Существовавший же способ перевозки почты конными джигитами (от Керков до Термеза) не был практичным и целесообразным, так как, во-первых, конные джигиты, которые направлялись на левый фланг бригады в 3-й и 4-й отделы правительственными учреждениями и частными лицами, были не в состоянии доставлять почту по назначению своевременно, так как более двух посылок взять не могли. Во-вторых, с открытием действия почтового учреждения, все денежные суммы будут отсылаться уже через контору, а таковых сумм, по самому скромному подсчету, могло быть переслано свыше 800 тыс. руб. в год. Пересылка таких сумм могла быть поручена только особо доверенным лицам, какими являлись чины почтово-телеграфного ведомства.

Единовременные затраты на оборудование почтово-телеграфного отделения от Термеза до Сарая в сумме 25—30 тыс. руб. начали бы окупаться с первого же года своего действия, принося казне не менее 18—20% (вместо установленных 5%) на затраченный капитал, по следующему расчету: за перевод денег—1600 руб., за марки почтового достоинства для 3-го и 4-го отделов—от 1000 до 1200 руб., от купечества кишлака Сарай на письма и телеграммы—от 1800 до 2000 руб., за посылки—от 250 до 300 руб. и от остальных частных лиц и правительственных учреждений за отправление писем, телеграмм, посылок и прочего—до 400 руб.

Таким образом, почтово-телеграфное отделение в Сараяе будет давать государственному казначейству от 5100 до 5600 руб. в год. Как только местное население и афганское купечество ознакомится с условиями, выгодами и удобствами связи по почте и телеграфу, нет никакого сомнения, что доходы почтовой конторы удвоятся.³²⁶

К 1915 г. в Сараяе функционировали 2 сберегательные кас-

сы, одна—при таможенной заставе, а другая—при почтовом отделении.³²⁷ В постройке промежуточных станций между Термезом и Сараяем не было надобности, так как для этой цели могли служить посты пограничной стражи.

Считая расход на установку телеграфных столбов чрезмерным, торговцы и служащие просили об открытии почтового отделения со сберегательной кассой в кишлаке Сарая без телеграфа. При этом командир 3-го отдела докладывал, что подписка торговцев, служащих и жителей о принятии на свой счет всех вышеперечисленных обязательств по устройству почтового отделения имеется и будет представлена по требованию. Подписка была переслана командиром 3-го отдела Амударьинской бригады начальнику Туркестанского почтово-телеграфного округа 19 апреля 1906 г.³²⁸ Одновременно он просил поставить в известность о скорейшем разрешении этого вопроса, чтобы была возможность с наступлением лета начать постройку здания для почтового отделения и для дома начальника.³²⁹

Как отмечал Д. Н. Логофет, решение этого вопроса было не так просто и «почтовое ведомство по обсуждению вопроса признало, что расход до 2 тысяч рублей, ежегодно необходимый для устройства перевозки почты от Термеза до Сарая, препятствует открытию почтового отделения».³³⁰

В газете «Туркестанские ведомости» в 1911 г. в корреспонденции, подписанной А. Г., указывалось, что в кишлаке Сарая имеется только пограничная почта, которая ложится тяжелым бременем на незначительный состав пограничной стражи вдоль Пянджа и Амударьи. «Итак, прежде всего в Сараяе следует открыть почтовое отделение. Затем туда надобно провести телеграфную линию».³³¹

Но эти мероприятия не были выполнены, потому что эмирское правительство всячески отказывалось субсидировать строительство почты и телеграфной линии. Царское правительство, в свою очередь, старалось все расходы возложить на бухарское правительство, а само под всякими предлогами откладывало решение этого вопроса.

Управляющий политическим ведомством в письме Мирзо Насрулла бию кушбеги от 28 августа 1913 г. писал, что представители разных торговых фирм обратились к начальнику Главного управления почт и телеграфов с ходатайством об открытии почтовых отделений в Байсуне, Душанбе, Кулябе, Сарай-Камаре.

Политагентство просило кушбеги сообщить ему, имеется ли действительная нужда в открытии в указанных городах почтовых учреждений и на какое содействие казне можно было бы рассчитывать со стороны местного населения и бухарского правительства.³³²

В другом письме управляющего политагентством на имя Мирзо Насрулла бия кушбеги от 18 октября 1913 г. указывалось, что межведомственное совещание, организованное при министерствах торговли и промышленности, по рассмотрению вопроса о принятии мер к устранению испытываемых затруднений русских фирм, торгующих с Афганистаном, высказывалось желание устройства почты и телеграфа в следующих городах Бухарского ханства: Сарай, Айвадж, Куляб, Джиликуль, Кабадиан, Гиссар или Душанбе.³³³

Из указанных пунктов только в Сарае было признано возможным открыть почтовое отделение, потому что, во-первых, здесь было многочисленное русскоподданное население, во-вторых, в Сарае находились представители русских торговых фирм, а в-третьих, имелось заявление местных жителей на обеспечение почтового учреждения помещением и квартирами для чинов почтового отделения.

Только 6 ноября 1913 г. в Сарай-Камаре было открыто первое почтовое отделение при условии, что перевозка почты между Сарай-Камаром и Термезом будет производиться за счет различных торговых обществ Сарай-Камара.

С началом первой мировой войны часть русских жителей этого кишлака была мобилизована в армию,—писал управляющий политагентством в своем письме на имя бухарского кушбеги от 11 ноября 1914 г.,—а оставшиеся не в состоянии были выполнять принятые на себя обязательства. Далее он писал, что ввиду изложенного, а также вследствие назначения заведующего административно-полицейской частью в Сарае в особенности важно не прекращать почтовых связей между Сараем и Термезом. Поэтому предлагал он принять расходы по перевозке почты указанным городам за счет бухарского правительства и ассигновать на это 3500 руб.³³⁴ Почтовое отделение было размещено в наемном доме. Поэтому политагентство просило об отводе Сарайской почтово-телеграфной конторе бесплатного участка земли по указанию начальника отделения в размере 800—1000 кв. саженей, поднимало вопрос о постройке бухарским правительством помещения для этого отделения.³³⁵

Политагентство в своем отношении от 23 февраля 1916 г. на имя Мирзо Насрулло бия кушбеги просило указать новые пункты в Восточной Бухаре, где необходимо было открыть почтовые и телеграфные конторы. Было намечено открыть новые почтово-телеграфные конторы в Гиссаре, Курган-Тюбе и Кулябе.³³⁶ Для перевозки почты из Термеза до Сарая и обратно был заключен контракт с одним местным жителем. Годовая плата согласно контракту на перевозку почты между указанными пунктами составляла 2800 руб. Первый контракт на перевозку почты был заключен с Тулеганом Айтугановым.³³⁷

Политическое агентство 29 марта 1916 г. в письме Мирзо Насрулло бию кушбеги препроводило отношение начальника Туркестанского почтово-телеграфного округа от 16 марта 1916 г., который направил прошение подрядчика по перевозке почты от Термеза до Сарая Тулегана Айтуганова, ходатайствующего о выдаче ему денежного пособия ввиду сильного вздорожания фуража, и просил о назначении Айтуганову пособия в размере 500 руб. Бухарское правительство вынуждено было выделить 500 руб. для Айтуганова.³³⁸

Начальник Туркестанского почтово-телеграфного округа уведомил политагентство, что ввиду истечения 6 ноября 1916 г. срока действия контракта, заключенного с Айтугановым на перевозку почты от Сарая до Термеза и обратно за плату по 2800 руб. в год, Айтуганов отказался возобновить контракт на новый срок, на тех же условиях и за ту же плату. Было поручено начальнику почтово-телеграфной конторы Термеза назначить торги, с узаконенною через три дня переторжкую на сдачу этого подряда.

Политагент в письме от 4 ноября 1916 г. на имя Мирзо Насрулло бия кушбеги отмечал, что на торгах наименьшая плата за исполнение подряда была заявлена жителем кишлака Сарая, хивинцем Сафарбаем Нурмановым—4 тыс. руб. в год, с которым впоследствии и был заключен контракт на перевозку почты от Сарая до Термеза и обратно сроком на три года.

Принимая во внимание, что перевозка почты между указанными пунктами производится на средства бухарского правительства, политагент просил кушбеги сделать распоряжение о переводе в депозит начальника почтово-телеграфной конторы Термеза 4000 руб. на уплату возчику почты за первый год исполнения подряда.³³⁹

Бухарское правительство после неоднократного обращения политагентства вынуждено было выделить для перевозки почты из Сарая до Термеза и обратно 4 тыс. руб. за один год с 6 ноября 1916 г. по 6 ноября 1917 г. и выслало их в политагентство.³⁴⁰

Российский резидент в письме от 12 июля 1917 г. за № 6313 на имя Низамуддина Ходжа бия кушбеги препроводил всю переписку по вопросу об увеличении контрактной платы на 100% подрядчику по перевозке почты между Термезом и Сараем Сафарбаю Нурманову и просил об удовлетворении ходатайства Нурманова. Бухарское правительство выслало только 4 тыс. руб. в резидентство согласно распоряжению эмира.³⁴¹

Подрядчик Сафарбай Нурманов обратился с прошением к начальнику Туркестанского почтово-телеграфного округа, где указывал, что 1 ноября его вызвал начальник Сарайского почтового отделения, который по требованию начальства предложил ему следующие условия: за 8 тыс. руб. в год взять на себя обязанность по доставке почты—простой 4 раза в месяц и посылочной 2 раза в месяц, в противном случае грозил описью его имущества и наймом за его счет, не взывая на запрошенную сумму, частных возчиков.

Подрядчик жаловался на дороговизну и отмечал, что пока ходила переписка, цены утроились, и все его расчеты не оправдались, тем более, что надбавка разделена на 12 месяцев. Неаккуратная высылка денег также ухудшила положение возчика, и деньги приходили так, что ни он, ни начальник конторы в Сарае не могли решить, за какое время высылается добавка и с какого месяца и числа таковая назначена. Поэтому он предлагал взять на себя возку почты на следующих условиях: 3 почты в месяц простые и одну посылочную на условиях себестоимости, при этом он указывал сумму в 14 тыс. руб. в год и просил своевременной высылки денег, так как все его лошади большей частью питались в пути на постах пограничной стражи, где требовался наличный расчет.³⁴²

По расчетам Сафарбая Нурманова, для отправления 3 простых и 1 посылочной почты требовалось 5 лошадей и 3 человека.

Содержание лошадей и людей для возки почты из Сарая в Термез и обратно:³⁴³

	В день, пуд.	В день, фунт.	Стоимость в день, руб.	Стоимость в месяц, руб.	Стоимость в год, руб.
На 5 лошадей:					
ячмень по 10 ф.	I	10	25	750	9000
клевер по 15 ф.	I	35	5,60	168	2016
На 3 человека:					
довольствие	—	—	4,50	135	1620
плата	—	—	—	90	1080
На починку экипажей и замену лошадей	—	—	—	—	284
ВСЕГО					14 000

ПРИМЕЧАНИЕ. Пуд ячменя стоит 20 руб.,
пуд клевера—3 руб.

Управляющий российским резидентством в письме бухарскому кушбеги от 11 января 1918 г. за № 96 указывал, что подрядчик заключил контракт на перевозку почты в течение 3 лет, с 16 августа 1917 г. за 4 тыс. руб. в год (по 333 руб. 33 коп. в месяц), в настоящее же время, вследствие непомерного вздорожания фуража и прочего подрядчик просит увеличить эту плату до 14 тыс. руб., хотя для облегчения условий содержания порядка начальник почтово-телеграфного округа разрешил Нурманову перевозить почту так: обыкновенную тяжеловесную один раз в месяц, вместо обусловленных контрактом двух раз и одноконную—один раз в неделю, вместо двух раз. Вследствие вздорожания фуража необходимо было или увеличить подряд или найти другого возчика.³⁴⁴

Таким образом, только после открытия в 1913 г. почтового отделения в кишлаке Сарае появилось первое почтовое учреждение во всей Восточной Бухаре. Как отмечал Х. Кабиров, одно это почтовое отделение приходилось на территорию более чем в 130 тыс. км² и на более чем 600 тыс. жителей.³⁴⁵

До установления Советской власти в Восточной Бухаре не было ни одного километра телеграфной и телефонной линии.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

С занятием русскими войсками бухарско-афганской границы в кишлаке Сарае была открыта амбулатория при лечебном заведении части пограничной стражи для приема больных местных жителей. Все расходы по снабжению медикаментами были возложены на бухарское правительство, которое под влиянием передовых представителей русской общественности вынуждено было отпустить в 1898 г. и 1899 г. около 2 тыс. руб. на все амбулатории на бухарско-афганской границе.

Русские врачи быстро завоевали доверие и симпатии местного населения. И не только мужчины, но и женщины стали пользоваться советами и бесплатным лечением русского медицинского персонала, что сразу создало русским медицинским работникам широкую и вполне заслуженную популярность по всей приграничной с Афганистаном полосе.

В 1900 г. бухарское правительство отказалось давать деньги на содержание амбулатории. После этого была введена такса по 15 коп. за отпускаемое лекарство, это было большим расходом для местных жителей.³⁴⁶ Поэтому благородное начало русских медицинских работников не получило дальнейшей поддержки как со стороны русского пограничного начальства, так и со стороны русского агента в Бухаре и туркестанских властей. Бухарское же правительство было в корне против лечения населения за счет казны эмирата.

В газете «Русская молва» 13 мая 1913 г. появилась корреспонденция под заглавием «Мусульманская жизнь—вымирающий народ», где говорилось, что народные массы Бухарского ханства находятся в тяжелом положении, нет медицинской помощи и что болезни уносят массу человеческих жизней.³⁴⁷

По инициативе передовых представителей русской общественности в Туркестане был поднят вопрос о строительстве лечебных учреждений в Бухарском ханстве. В связи с этим власти Туркестанского края обратились в русское политическое агентство в Бухаре с запросом о возможности строительства лечебных учреждений в различных пунктах Бухарского ханства и в том числе в кишлаке Сарае.

Управляющий политическим агентством в своем письме от 24 января 1914 г. дипломатическому чиновнику при Туркестанском генерал-губернаторстве писал: «Что касается селения Сарай, не имеющего для ханства того значения, как Гу-

зар, и где мы собираемся в недалеком будущем ввести русское управление, то я думаю, что и амбулаторию в этом селении следовало бы содержать на местные (городские) средства и при помощи известной ежегодной субсидии, в ассигновании коей Его Величество нам, разумеется, не откажет».³⁴⁸

В своем проекте отзыва в Главный штаб относительно заметки в газете «Русская молва» исполняющий обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе А. А. Семенов 13 февраля 1914 г. писал: «Что же касается Сарая, где в настоящее время предполагается ввести управление на началах Высочайше одобренного в 1888 г. соглашения Туркестанского генерал-губернатора с эмиром бухарским, то там, по-видимому, придется на первых порах относительно оборудования и содержания пункта (амбулаторного.—Ш. Ю.) также обратиться к Его Высочеству, потому что этот пункт будет обслуживать не только большой кишлак Сарай, но и огромный район Курган-Тюбинского бекства. Через некоторое же время, когда в Сарае будут установлены объекты обложения в пользу создания ежегодного бюджета поселения и когда вообще поселковое хозяйство наладится, тогда содержание местного амбулаторного пункта можно будет отнести на средства этого русского поселения».³⁴⁹

Туркестанские власти обратились за отзывом к медицинским органам края, чтобы уточнить расходы на строительство медицинских учреждений в Бухарском ханстве. Окружной военно-санитарный инспектор Туркестанского военного округа от 7 мая 1914 г. в письме дипломатическому чиновнику при Туркестанском генерал-губернаторе отметил, что расходы по содержанию амбулаторного пункта в Сарае выязятся ежегодно в сумме около 9000 руб.³⁵⁰

Русские власти в Туркестане поручили русскому политическому агенту в Бухаре войти с ходатайством к эмиру о строительстве амбулаторных пунктов в Бухарском ханстве, в том числе и в кишлаке Сарае.

Управляющий политическим агентством в Бухаре в своем письме от 14 июля 1914 г. на имя дипломатического чиновника отвечал, что он доложил о желательности устройства одного амбулаторного пункта в Сарае эмиру.

Вследствие больших кредитов, отпущенных эмиром в 1914 г. году на постройку здания полицейского управления в кишлаке Сарае, он отказал в строительстве лечебного учреждения.³⁵¹

Таким образом, эмир бухарский решил лучше построить карательное учреждение для своих подданных, нежели медицинское.

Ввиду отсутствия лечебных учреждений в кишлаках бекства лечением больных занимались местные лекари.

Д. Н. Логофет в начале нашего столетия видел в кишлаке Сарае местного хирурга на базаре и описал его так: «Туземный хирург, разложив тут же рядом на небольшом столике перед своей лавчонкой несколько самых примитивных инструментов по своей специальности, ожидает посещения пациентов». В этой же лавке был не только хирургический кабинет, но и размещалась местная аптека. «В лавке, поджав под себя ноги, сидели среди товаров несколько сартов (местных жителей.—Ш. Ю.), распивая чай. Вокруг, в деревянных ящиках, банках и старых, сильно проржавленных жестянках разложены были какие-то медикаменты, краски, пучки трав и кореньев». В ящиках были мышьяк, в стеклянных банках—стрихнин, опий и другие фармацевтические препараты, необходимые местным лекарям для лечения больных.³⁵²

Из-за отсутствия медицинской помощи в Курган-Тюбинском бекстве повсеместно свирепствовали различные болезни, которые уносили много человеческих жизней. Эмирское правительство и местные власти никаких мер для здравоохранения не принимали. Когда же в столице ханства в 1889 г., а затем летом 1893 г. разразилась эпидемия холеры, правительство эмира приняло следующие, по словам С. Айни, смелые меры: «От имени верховного судьи было издано распоряжение, чтобы муэдзины кварталов и чтецы Корана, обладающие хорошим голосом, разделившись на группы по четыре—пять человек, каждую ночь после последнего намаза обходили до утра городские улицы и в начале кварталов и на перекрестках хором пели азан (призыв верующих на молитву.—Ш. Ю.) вне обычного времени, чтобы «милосердный бог во имя этого дополнительного азана избавил людей от холеры».³⁵³

Для борьбы с эпидемией холеры были мобилизованы русские врачи, проживавшие в пределах Бухарского ханства, а также и врачи из Туркестана, куда обратились русские власти из Бухары. Но это была незначительная помощь, так как не хватало квалифицированных врачей, медикаментов и медицинских помещений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В середине XIX в. Вахшская долина была объектом борьбы между Кулябским и Гиссарским полусамостоятельными феодальными владениями. В 60-х годах XIX в. Курган-Тюбе и вся территория, расположенная по нижнему течению р. Вахш, были подчинены кулябскому правителю. Здесь, как и в других владениях Восточной Бухары, господствовали феодальные отношения. Бесперывные междоусобные войны, которые вели правители полусамостоятельных владений Восточной Бухары ради военной добычи и захвата земель друг у друга, разоряли трудящиеся массы края; угонялись пленные, уничтожались посевы, разрушались ирригационные сооружения, наносился огромный ущерб всему народному хозяйству.

После установления русского протектората над Бухарским ханством Россия содействовала присоединению полусамостоятельных владений Восточной Бухары к Бухарскому ханству. Затем присоединенные владения были разбиты на бекства, одним из которых было Курган-Тюбинское, просуществовавшее вплоть до установления здесь Советской власти.

Курган-Тюбинское бекство являлось одним из многих бекств феодально-деспотического Бухарского ханства, и экономической основой были докапиталистические отношения феодальный способ производства, феодальная собственность на землю. Господствующие классы безжалостно эксплуатировали и уничтожали трудящиеся массы, ни перед кем не отвечая за свои поступки, так как вся сила политического строя была направлена на защиту интересов господствующих классов.

В. И. Ленин указывал: «..большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы,—не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы, крестьян, которые страдают от средневекового гнета».¹

Эти слова В. И. Ленина полностью относятся и к трудящимся крестьянам дореволюционного Таджикистана.

В Курган-Тюбинском бекстве, как и в других бекствах Восточной Бухары, основой социального порядка являлась собственность феодалов на землю, кроме того, здесь очень

сильно сохранялись феодальные отношения. Наряду с этим в недрах феодального строя имелись некоторые признаки капиталистического уклада. Проникновение русского торгового капитала в этот период значительно способствовало развитию отдельных отраслей экономики бекства. Но положение народных масс края оставалось по-прежнему крайне тяжелым. Деспотический режим и произвол господствовали в бекстве, как и во всем Бухарском ханстве. Крайняя отсталость всего ханства, политическое бесправие и феодальный гнет делали жизнь народа невыносимой.

Как показывает действительность, мудрая ленинская национальная политика КПСС вызвала поистине грандиозные перемены в жизни таджикского народа. С победой социализма, с помощью прежде всего русского рабочего класса, трудящиеся Таджикистана совершили подлинный скачок от отсталости к социалистическому прогрессу, от феодального хозяйства к крупному производству.

ПРИМЕЧАНИЯ ВВЕДЕНИЕ

¹ Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. Изд. II, Сталинабад, Таджикгосиздат. 1954; А. Маджлисов. Каратегин накануне установления Советской власти. Сталинабад, 1959; М. Хамраев. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в. Сталинабад, 1959; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. Сталинабад, 1957; Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти. Уч. зап. Кулябского пед. ин-та. Вып. III, Куляб, 1957; его же: Экономическое состояние Дарвазского бекства и основные занятия его населения. Уч. зап. Кулябского пед. ин-та. Вып. IV, Куляб, 1958, стр. 47—84; Ш. Юсупов. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века. Душанбе, Изд-во АН Тадж. ССР, 1964.

² Н. А. Маев. Очерки Бухарского ханства, Гиссарский край, Куляб и побережье Аму-Дарьи. Ташкент, 1876.

³ Материалы для статистики Туркестанского края (под редакцией Н. А. Маева). Ежегодник. Вып. V. СПб., 1879.

⁴ Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. Сб. мат-лов по Азии. Вып. V. СПб., 1883.

⁵ Н. Н. Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Ташкент, 1888.

⁶ А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 г.). «Исторический вестник», т. XXXVIII, 1902.

⁷ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III, СПб., 1909; его же. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I—II. СПб., 1911.

⁸ А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXV, вып. 2. Сталинабад, 1954, стр. 18.

⁹ П. Гаевский. Курган-Тюбинское бекство. Известия РГО, т. LV, 1919—1923, вып. II. Москва—Петроград, Госиздат, 1924, стр. 14—67.

¹⁰ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана. В сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925.

¹¹ Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане (под редакцией Б. Б. Карпа). Среднеазиатская государственная плановая комиссия Сталинабад—Ташкент, 1930.

¹² З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Сталинабад, 1957.

¹³ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX вв. М.—Л., 1962.

¹⁴ Б. И. Искандаров. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.). М., 1958; его же. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв. Сталинабад, 1958; его же. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, 1960; его же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. I—II. Душанбе, 1962—1963.

¹⁵ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Тр. САГУ, сер. II, Ташкент, 1929; его же. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Тр. АН Тадж. ССР. Т. XXV, вып. II. Сталинабад, 1954.

¹⁶ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. 3, т. I, М., 1955.

¹⁷ История таджикского народа. Т. II, кн. 2. М., 1964.

¹⁸ А. Р. Маджлисов. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX века. Душанбе—Алма-Ата, 1967.

Глава I

Историко-географический очерк и административное устройство Курган-Тюбинского бекства

¹ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 16.

² В. И. Масальский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край. Т. XIX. СПб., 1913, стр. 737.

³ Н. Н. Покотило. Указ. соч., стр. 35.

⁴ «Туркестанские ведомости», 1876, 16 марта.

⁵ Н. Н. Покотило. Указ. соч., стр. 63.

⁶ Ю. И. Пославский. Указ. соч., стр. 181.

- 7 И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922, стр. 10.
- 8 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 22, 23, 25, 26.
- 9 Там же, стр. 22.
- 10 АВПР, ф. Санктпетербургский главный архив, 1—9, оп. 8, д. 10, л. 33.
- 11 Н. А. Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. Изв. РГО, т. XII, 1876, стр. 268.
- 12 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 27.
- 13 Н. А. Зарудный. Летняя экскурсия по Бухарским владениям 1910 г. Изв. Туркестанского отделения РГО, т. XIII, вып. I, 1917, стр. 67.
- 14 Изв. РГО, т. XX, вып. 6. СПб., 1884, стр. 600.
- 15 В. И. Липский. Горная Бухара. Ч. I. СПб., 1902, стр. 306, 307.
- 16 А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана, стр. 108.
- 17 И. Гаевский. Указ соч., стр. 27.
- 18 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. I, д. 676, л. 24.
- 19 Я. Р. Винников. Туркмены Джилкикульского района Таджикской ССР. Краткое сообщение Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, АН СССР, вып. XVI, 1952, стр. 3.
- 20 В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. II. Ташкент, 1950, стр. 138.
- 21 Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. т. XXVIII, вып. I. Сталинабад, 1959, стр. 31.
- 22 Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1960, стр. 17, 18.
- 23 Доклад экспедиции по обследованию Таджикистана. «Народное хозяйство Средней Азии», 1925, № 10—11, стр. 155.
- 24 Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края, стр. 229.
- 25 Н. А. Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства, стр. 268.
- 26 А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 г.). «Исторический вестник», т. 88, 1902, стр. 105.
- 27 И. Алкин. О некоторых особенностях колхозного строительства в Сарай-Камарском районе Таджикской ССР. «Революционный Восток», 1931, № 11—12.
- 28 А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана. стр. 107.
- 29 В. И. Масальский. Указ. соч., стр. 738.
- 30 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 23.
- 31 Там же, стр. 27.
- 32 Там же.
- 33 Н. А. Маев. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства, стр. 268.
- 34 В. И. Масальский. Указ. соч., стр. 738.
- 35 А. Панков. Население Таджикистана. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 90.
- 36 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 23.
- 37 Д. И. Логофет. Страна бесправия. стр. 172.
- 38 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 27.
- 39 Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. стр. 18.

- 40 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 23, 24.
- 41 А. Панков. Население Таджикистана. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 91.
- 42 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 24.
- 43 Д. И. Логофет. Страна бесправия, стр. 37.
- 44 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 21.
- 45 В. И. Масальский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край. Т. XIX. СПб., 1913, стр. 738.
- 46 «Туркестанские ведомости», 1911, 27 ноября.
- 47 С. И. Гулишамбаров. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой. Ч. I. Ашхабад, 1913, стр. 203.
- 48 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 33.
- 49 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 4.
- 50 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 10.
- 51 Там же, л. 21.
- 52 А. К. Разгонов. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910, стр. 90.
- 53 Д. Н. Логофет. Кишлак Сарай в Бухарских владениях. «Туркестанские ведомости», 1905, 11 марта; его же. Письмо в редакцию. «Туркестанский сборник», т. 417, стр. 113.
- 54 В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 422.
- 55 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. I, д. 875, л. 6.
- 56 Там же, л. 9.
- 57 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 16.
- 58 В. В. Бартольд. Гиссар (Хисор). Соч., т. 3. М., 1965, стр. 402.
- 59 М. Хамраев. Очерки истории Хиссарского бекства конца XIX в. и начала XX вв., стр. 25.
- 60 «Ханство Кундуз» (Из донесения доктора Лорда члена экспедиции капитана Бернса от 25 июля 1838 г.). Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XV. СПб., 1885, стр. 269.
- 61 «Афганистан» (переведено из британской энциклопедии изд. 1878 г. Л.—Гв. I артиллерийской бригады поручиком Гипнусом). Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XV. СПб., 1885, стр. 270.
- 62 «Ханство Кундуз», стр. 270.
- 63 Там же, стр. 271—273.
- 64 Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. I. Душанбе, 1962, стр. 41.
- 65 Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, стр. 56.
- 66 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 9. М., 1957, стр. 132.
- 67 А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., 1950, стр. 139.
- 68 И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 53.
- 69 Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края, стр. 225.
- 70 Н. А. Маев. Долины Вахша и Кафирнигана. «Туркестанские ведомости», 1883, 5 июля.
- 71 Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный сборник, 1883, № 11, стр. 150.
- 72 И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. СПб., 1882, стр. 370.

- 73 Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 410.
- 74 И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 1. СПб., 1882, стр. 36.
- 75 В. В. Крестовский. В гостях у бухарского эмира. СПб., 1887, стр. 100.
- 76 Энпе. Очерк Бухары. «Средняя Азия», 1910, № 4, стр. 101.
- 77 А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана, стр. 979.
- 78 А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, ж. «Военный сборник» т. CLXXXVI, СПб., 1890, № 12, стр. 413.
- 79 В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1 М., 1963, стр. 431.
- 80 А. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства, стр. 413.
- 81 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 326.
- 82 АВПР, ф. Среднеазиатский стол, 1900, оп. 485, д. 546, л. 45.
- 83 В. И. Липский. Горная Бухара. Ч. 1. СПб., 1902, стр. 306.
- 84 Д. Н. Логофет. В горах и на равнинах Бухары, стр. 277.
- 85 Р. Ю. Рожевец. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. СПб., 1908, стр. 24.
- 86 А. В. Нечаев. По горной Бухаре, стр. 68.
- 87 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 59.
- 88 М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства. Изв. РГО, т. 52, вып. 10. Петроград, 1916, стр. 797.
- 89 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 59.
- 90 Там же, стр. 60.
- 91 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 3, л. 61.
- 92 Там же, л. 57.
- 93 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 60.
- 94 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 59.
- 95 Л. И. Соболев. Заметки о Гиссарских владениях и о среднем течении Сурхоб-Дарьи. Изв. РГО, т. IX, № 9, 1873, стр. 56.
- 96 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 60.
- 97 Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 31.
- 98 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 60.
- 99 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 17, л. 327.
- 100 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 60.
- 101 Р. Ю. Рожевец. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. СПб., 1908, стр. 23.
- 102 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 60.
- 103 Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 31, 32.
- 104 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 59—61.
- 105 А. А. Семенов. Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, стр. 64.
- 106 Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения..., стр. 36.

Глава II

Социально-экономическое положение Курган-Тюбинского бекства

- ¹ К. К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911, стр. 367.
- ² Там же, стр. 443, 444.

- ³ И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922, стр. 11.
- ⁴ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, стр. 288.
- ⁵ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 36.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Н. Н. Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Ташкент, 1888, стр. 63.
- ⁸ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 56.
- ⁹ Там же, стр. 37.
- ¹⁰ И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны, стр. 11.
- ¹¹ В. И. Липский. Горная Бухара. Ч. 1, стр. 307.
- ¹² П. Гаевский. Указ. соч., стр. 37.
- ¹³ Ю. И. Пославский. Указ. соч., стр. 222.
- ¹⁴ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 37.
- ¹⁵ В. И. Липский. Горная Бухара. Ч. 1, стр. 307.
- ¹⁶ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 38.
- ¹⁷ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III, стр. 89.
- ¹⁸ Н. А. Зарудный. Летняя экскурсия по Бухарским владениям 1910 года Изв. Турк. отд. РГО, т. XIII, 1917, вып. 1, стр. 68.
- ¹⁹ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III, стр. 88.
- ²⁰ «Среднеазиатская жизнь», 1917, № 25, 27.
- ²¹ Там же.
- ²² П. П. Введенский. Исторические данные о возделывании хлопчатника в Таджикистане до занятия Туркестанского края русскими. Сб. «Хлопководство в Таджикистане». Ташкент, 1926, стр. 10.
- ²³ В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. Соч., т. II. Кн. 1, стр. 447.
- ²⁴ В. И. Масальский. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская обл., Бухара и Хива) и его будущее. СПб., 1892, стр. 15.
- ²⁵ Т. Г. Тухтаметов. Экономическое состояние Бухарского эмирата в конце XIX и начале XX в. (Развитие в стране капиталистических отношений). Тр. Ин-та истории АН Киргизской ССР. Вып. III. Фрунзе, 1957, стр. 151—183.
- ²⁶ И. А. Стеценко. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX вв. (1870—1917 гг.). Тр. ин-та истории им. А. Дониша, т. 37. Душанбе, 1963, стр. 129, 130.
- ²⁷ В. И. Масальский. Указ. соч., стр. 139, 140.
- ²⁸ А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана, стр. 108—110.
- ²⁹ Д. Н. Логофет. Сарай и его нужды. «Туркестанские ведомости», 1904, 15 декабря.
- ³⁰ Н. А. Зарудный. Летняя экскурсия по Бухарским владениям в 1910 г. Изв. Турк. отд. РГО, т. XIII, вып. 1, 1917, стр. 67.
- ³¹ В. И. Масальский. Туркестанский край. Т. XIX. СПб., 1913, стр. 738.
- ³² «Туркестанские ведомости», 1912. 23 августа.
- ³³ С. Понятовский. Климатические и почвенные условия Таджикистана, способствующие развитию в нем хлопководства. «Таджикистан», Ташкент, 1926.
- ³⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 368, л. 78.
- ³⁵ Там же.

- ³⁶ Там же, л. 79.
- ³⁷ Цит. по кн.: С. Раджабов. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955, стр. 51.
- ³⁸ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 38.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, стр. 39.
- ⁴³ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 39.
- ⁴⁴ Там же, стр. 57.
- ⁴⁵ Тер. Погос Аветисов. Наши экономические взаимоотношения с Бухарой в прошлом и настоящем. Ж. «Военная мысль». Кн. 2-я, 1921, стр. 232; П. П. Введенский. Состояние таджикского хлопководства за период Бухарского эмирата. Сб. «Хлопководство в Таджикистане». Ташкент, 1926, стр. 13.; И. П. Кампенус. Общий очерк народного хозяйства и государственного строительства ТАССР. Изд. Госплана ТАССР, 1926, стр. 15.
- ⁴⁶ П. П. Введенский. Указ. соч., стр. 14, 15.
- ⁴⁷ Т. П. Аветисов. Указ. соч., стр. 232.
- ⁴⁸ П. П. Введенский. Указ. соч., стр. 15.
- ⁴⁹ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 39.
- ⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 900, л. 5.
- ⁵¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 90, л. 7.
- ⁵² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 900, л. 114.
- ⁵³ Там же, л. 115.
- ⁵⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 919, л. 87.
- ⁵⁵ Там же, л. 17, 18.
- ⁵⁶ Там же, л. 17.
- ⁵⁷ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 919, л. 17; История таджикского народа. Т. II. Кн. 2, стр. 201.
- ⁵⁸ И. А. Степенко. Указ. соч., стр. 33; Б. И. Искандаров. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв. стр. 30, 31.
- ⁵⁹ ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1397, л. 2, 3.
- ⁶⁰ Там же, л. 4.
- ⁶¹ ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1397, л. 5.
- ⁶² Там же, л. 6.
- ⁶³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 919, л. 18.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, л. 100.
- ⁶⁶ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 919, л. 115.
- ⁶⁷ ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1568, л. 2.
- ⁶⁸ Т. Г. Аветистов. Указ. соч., стр. 231, 232.
- ⁶⁹ Т. Г. Тухтаметов. Русско-бухарские отношения в конце XIX—начале XX в. Ташкент, 1966, стр. 105.
- ⁷⁰ Д. Н. Логофет. Сарайская долина и ее современное положение. «Туркестанские ведомости», 1903, 23 февраля.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Р. Ю. Рожевец. Указ. соч., стр. 23.
- ⁷³ Т. Г. Тухтаметов. Русско-бухарские отношения в конце XIX—начале XX вв., стр. 105.
- ⁷⁴ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 30.
- ⁷⁵ Там же, стр. 30, 31.

- ⁷⁶ Там же, стр. 31.
- ⁷⁷ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 31, 32.
- ⁷⁸ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 32; по архивным данным осенью 1912 г. было зарегистрировано 1449 десятин площади. См.: ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 909, л. 230.
- ⁷⁹ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 32.
- ⁸⁰ Там же, стр. 32, 33.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² П. Гаевский. Указ. соч., стр. 29, 30.
- ⁸³ Б. Шлигель. Перспективы водного хозяйства в ТАССР. Сб.: «Хлопководство в Таджикистане». Ташкент, 1926, стр. 128, 129.
- ⁸⁴ Н. Бельков, С. Филатов, Ф. Моисеев. Отчет по поездке Комиссии Узбекского хлопкового общества в ТАССР в 1925 г.
- ⁸⁵ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 29, 30.
- ⁸⁶ Б. Шлигель. Указ. соч., стр. 128, 129; Н. Бельков, С. Филатов. Указ. соч., стр. 156.
- ⁸⁷ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 29.
- ⁸⁸ Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 3, 4.
- ⁸⁹ Н. Бельков, С. Филатов, Ф. Моисеев. Указ. соч., стр. 159, 160.
- ⁹⁰ Б. Шлигель. Указ. соч., стр. 131.
- ⁹¹ С. Шмеркин. Под южным небом. «Коммунист Таджикистана», 1967, 29 января.
- ⁹² П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958, стр. 122.
- ⁹³ Н. Бельков, С. Филатов, Ф. Моисеев. Указ. соч., стр. 157.
- ⁹⁴ Б. И. Искандаров. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв. Сталинабад, 1958, стр. 21, 22.
- ⁹⁵ Д. Н. Логофет. Сарайская долина и ее современное положение. «Туркестанские ведомости», 1903, 22 февраля.
- ⁹⁶ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 108.
- ⁹⁷ Там же, стр. 109.
- ⁹⁸ Там же, стр. 121.
- ⁹⁹ А. К. Разгонов. Указ. соч., стр. 90.
- ¹⁰⁰ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 23.
- ¹⁰¹ Там же, стр. 40.
- ¹⁰² В. И. Масальский. Туркестанский край. Т. XIX. СПб., 1913, стр. 738.
- ¹⁰³ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III, стр. 79, 80.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 80.
- ¹⁰⁵ М. Е. Массон. К истории происхождения локайской лошади. Изв. ТФАН СССР, № 15, 1949, стр. 56.
- ¹⁰⁶ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 40.
- ¹⁰⁷ И. Алкин. Указ. соч., стр. 262.
- ¹⁰⁸ Там же, стр. 261.
- ¹⁰⁹ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 23.
- ¹¹⁰ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 40.
- ¹¹¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 676, л. 91.
- ¹¹² И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922, стр. 63.
- ¹¹³ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 56.

- ¹¹⁴ Н. Н. Покотило. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Ташкент, 1888, стр. 65.
- ¹¹⁵ И. Ю. Пославский. Экономический очерк Таджикистана. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 183.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же, стр. 182.
- ¹¹⁸ Б. Б. Карп. Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана, стр. 46.
- ¹¹⁹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 5.
- ¹²⁰ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 18.
- ¹²¹ Там же, л. 36.
- ¹²² Там же, л. 37.
- ¹²³ Там же, л. 38.
- ¹²⁴ Там же, л. 42.
- ¹²⁵ Там же, л. 43, 44.
- ¹²⁶ Там же, л. 65.
- ¹²⁷ Там же, л. 69.
- ¹²⁸ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 12, л. 50, 51.
- ¹²⁹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 53, 54.
- ¹³⁰ Там же, л. 55.
- ¹³¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 12, л. 56.
- ¹³² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 204; см. также: Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II, стр. 298.
- ¹³³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 71.
- ¹³⁴ Там же, л. 73.
- ¹³⁵ Там же, л. 78.
- ¹³⁶ И. А. Стеценко. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX в. и начале XX в. (1870—1917 гг.). Душанбе, 1963, стр. 85.
- ¹³⁷ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 3.
- ¹³⁸ Там же, л. 4.
- ¹³⁹ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II, стр. 298, 299.
- ¹⁴⁰ И. Алкин. О некоторых особенностях колхозного строительства в Сарай-Камарском районе Таджикской ССР. «Революционный Восток», 1931, № 11—12, стр. 260.
- ¹⁴¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 4.
- ¹⁴² П. Гаевский. Указ. соч., стр. 34.
- ¹⁴³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 12; Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. II, стр. 299.
- ¹⁴⁴ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 63, 64.
- ¹⁴⁵ А. А. Семенов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства, стр. 9.
- ¹⁴⁶ П. Гаевский. Указ., соч., стр. 24.
- ¹⁴⁷ Б. Б. Карп. Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана, стр. 19.
- ¹⁴⁸ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, стр. 14.
- ¹⁴⁹ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 34.

- ¹⁵⁰ Б. Б. Карп. Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана, стр. 19.
- ¹⁵¹ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III. СПб., 1909, стр. 81.
- ¹⁵² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 676, л. 8.
- ¹⁵³ ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1337, л. 2.
- ¹⁵⁴ Там же, д. 1337, л. 104.
- ¹⁵⁵ Там же, л. 4, 5.
- ¹⁵⁶ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 676, л. 104.
- ¹⁵⁷ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 676, л. 92.
- ¹⁵⁸ Там же, л. 104.
- ¹⁵⁹ Там же, л. 95.
- ¹⁶⁰ ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1337, л. 7.
- ¹⁶¹ Там же, л. 104.
- ¹⁶² ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 676, л. 104.
- ¹⁶³ В. В. Кошкин. Вахшская оросительная система. Душанбе, 1967, стр. 5.
- ¹⁶⁴ «История таджикского народа». Т. II. Кн. 2, стр. 236.
- ¹⁶⁵ Б. Шлегель. Перспективы водного хозяйства в ТАССР. Хлопководство в Таджикистане, Ташкент, 1926, стр. 122.
- ¹⁶⁶ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, стр. 479.
- ¹⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 13, д. 165, л. 12.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II, стр. 308.
- ¹⁷⁰ А. Рябинский. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 12.
- ¹⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 13, д. 165, л. 1.
- ¹⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20. М., 1961, стр. 283.
- ¹⁷³ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 58.
- ¹⁷⁴ А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана, стр. 109.
- ¹⁷⁵ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, стр. 141.
- ¹⁷⁶ А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана, стр. 109, 110.
- ¹⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 25, ч. II. М., 1962, стр. 349.
- ¹⁷⁸ Там же, т. 23, стр. 352.
- ¹⁷⁹ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 36.
- ¹⁸⁰ Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края, стр. 270.
- ¹⁸¹ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 54.
- ¹⁸² Н. Покотило. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году. Изв. РГО, т. XXV, СПб., 1889, стр. 486.
- ¹⁸³ Н. Бронников. Поездка в Горную Бухару (путевые наброски). «Туркестанские ведомости», 1896, 18 апреля.
- ¹⁸⁴ В. И. Липский. Горная Бухара. Ч. I. СПб., 1902, стр. 30.
- ¹⁸⁵ А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана, стр. 110 (в сноске).
- ¹⁸⁶ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 259, л. 74.

- ¹⁸⁷ Д. Н. Логофет. Сарай и его нужды. «Туркестанские ведомости», 1904, 15 декабря.
- ¹⁸⁸ Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 79.
- ¹⁸⁹ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1, стр. 266.
- ¹⁹⁰ Д. Н. Логофет. Золотопробышленность в Восточной Бухаре. «Туркестанские ведомости», 1905, 20 сентября.
- ¹⁹¹ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III, стр. 152.
- ¹⁹² А. В. Нечаев. Указ. соч., стр. 65—67.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Д. Н. Логофет. На границе Средней Азии. Кн. III, стр. 57.
- ¹⁹⁵ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 58.
- ¹⁹⁶ Ю. Могилев. Золотопробышленность в Средней Азии. «Туркестанские ведомости». 1913, 19 ноября.
- ¹⁹⁷ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 676, л. 24.
- ¹⁹⁸ И. И. Бездека. Месторождения полезных ископаемых Таджикской республики. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 259.
- ¹⁹⁹ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма горных таджиков. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, сер. 2. М.—Л., 1936, стр. 89.
- ²⁰⁰ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX вв. М.—Л., 1962, стр. 31.
- ²⁰¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 303.
- ²⁰² П. Гаевский. Указ. соч., стр. 55, 56.
- ²⁰³ И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922, стр. 39.
- ²⁰⁴ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, стр. 288, 289.
- ²⁰⁵ Д. Н. Логофет. Хлебная торговля и запасы Восточной Бухары. «Среднеазиатская жизнь», 1907, № 24, стр. 2.
- ²⁰⁶ Там же, № 27, стр. 2.
- ²⁰⁷ А. Г. Кишлак Сарай на Пяндже. «Туркестанские ведомости», 1911, 27 ноября.
- ²⁰⁸ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана, стр. 235, 236.
- ²⁰⁹ Ф. И. Льютко. Басмачество в Локае. М.—Л., 1929, стр. 44.
- ²¹⁰ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 49.
- ²¹¹ Д. Н. Логофет. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). СПб., 1913, стр. 276.
- ²¹² Там же, стр. 277.
- ²¹³ Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана. Таджикистан, Сб. статей. Ташкент, 1925, стр. 207.
- ²¹⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 48, л. 96.
- ²¹⁵ Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 100.
- ²¹⁶ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 56.
- ²¹⁷ Тимофеич. Фисташка и скупщики ее в Бухаре. «Туркестанские ведомости», 1910, 15 октября.
- ²¹⁸ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 56.
- ²¹⁹ Д. Н. Логофет. О торговых сношениях с Афганистаном. «Туркестанские ведомости» 1902, 19 сентября.

- ²²⁰ М. А. Бабахаджаев. Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII—начале XX в. Ташкент, 1965, стр. 67, примечание.
- ²²¹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 4.
- ²²² Там же, д. 775, л. 6.
- ²²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Изд. 2-е, т. 9. М., 1957, стр. 12.
- ²²⁴ М. А. Бабахаджаев. Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII—начале XX в. Ташкент, 1965, стр. 85, 86.
- ²²⁵ Там же, стр. 77.
- ²²⁶ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, стр. 292.
- ²²⁷ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 6.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Там же, оп. 2, д. 112, л. 5.
- ²³⁰ Там же, оп. 1, д. 875, л. 6.
- ²³¹ Там же, д. 112, л. 5.
- ²³² Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II, стр. 297.
- ²³³ Д. Н. Логофет. Сарай и его нужды. «Туркестанские ведомости», 1904, 16 декабря.
- ²³⁴ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 5.
- ²³⁵ Там же, оп. 1, д. 875, л. 7.
- ²³⁶ Там же, оп. 2, д. 112, л. 5.
- ²³⁷ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 7.
- ²³⁸ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, стр. 297.
- ²³⁹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 10.
- ²⁴⁰ Х. Назаров. Работити Бухоро ва Афғонистон аз барпо шудани давлати дурронихо то афтидани аморати Бухоро. Душанбе, 1963, сах. 126.
- ²⁴¹ Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 145.
- ²⁴² Там же, стр. 134.
- ²⁴³ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Кн. III, стр. 120.
- ²⁴⁴ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 55.
- ²⁴⁵ В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 738.
- ²⁴⁶ А. Г. Кишлак Сарай на Пяндже. «Туркестанские ведомости», 1911, 27 ноября.
- ²⁴⁷ Там же.
- ²⁴⁸ И. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны, стр. 39.
- ²⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 3; Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II, стр. 300.
- ²⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 3.
- ²⁵⁹ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 897, л. 2.
- ²⁶⁰ Там же, л. 1.
- ²⁶¹ Там же, л. 3, 4.
- ²⁶² Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 49.
- ²⁶³ П. Гаевский. Указ. соч., стр. 62.
- ²⁶⁴ Там же.
- ²⁶⁵ Там же, стр. 61, 62.
- ²⁶⁶ Там же.

- 267 Г. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 150; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906, стр. 138, 139; П. Гаевский. Указ. соч., стр. 62.
- 268 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 62, 63.
- 269 Там же, стр. 16.
- 270 Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, стр. 112.
- 271 А. А. Семенов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, стр. 48.
- 272 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2, стр. 51.
- 273 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 64.
- 274 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 922, л. 26.
- 275 Там же, оп. 2, д. 620, л. 5.
- 276 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 64.
- 277 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, стр. 53.
- 278 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 64.
- 279 Там же, стр. 65.
- 280 С. Айни. Воспоминания. М.—Л., изд-во АН СССР, 1960, стр. 87, 88.
- 281 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 65.
- 282 Там же.
- 283 С. Айни. «Выборы» во времена эмира бухарского. «Коммунист Таджикистана», 1950, 12 февраля.
- 284 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 711, л. 11; см.: Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. II. Душанбе, 1963, стр. 283, 284.
- 285 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 711, л. 13.
- 286 Там же, л. 12.
- 287 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 66.
- 288 Там же.
- 289 Там же, стр. 65.
- 290 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, стр. 54.
- 291 Там же.
- 292 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 66.
- 293 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 922, л. 17.
- 294 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 922, л. 20.
- 295 Там же, л. 21.
- 296 Там же, л. 42.
- 297 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 66.
- 298 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2, стр. 52.
- 299 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 66.
- 300 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 620, л. 5.
- 301 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 214.
- 302 Там же, л. 302, 303.
- 303 Там же, л. 305.
- 304 А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, стр. 52.

- 305 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 620, л. 5.
- 306 Там же, оп. 1, д. 171, л. 327.
- 307 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I, стр. 267.
- 308 А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, стр. 52.
- 309 З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв., стр. 76.
- 310 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, стр. 53.
- 311 А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства, стр. 35.
- 312 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, стр. 52.
- 313 А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства, стр. 52.
- 314 Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, стр. 65.
- 315 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 67.
- 316 А. Е. Снесарев. Афганистан. М., 1921, стр. 61.
- 317 Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, стр. 88.
- 318 Б. Н. Литвинов. Через Бухару на Памир. «Исторический вестник» 1904, т. XC VIII, стр. 1079, 1080.
- 319 П. Гаевский. Указ. соч., стр. 67.
- 320 Цит. по кн.: З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв., стр. 75.
- 321 Там же.
- 322 А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства, стр. 10, 11.
- 323 Д. Н. Логофет. Сарай и его нужды. «Туркестанские ведомости», 1904, 1 декабря.
- 324 Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 116.
- 325 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 5, 6.
- 326 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 24—26.
- 327 Там же, оп. 1, д. 875, л. 4.
- 328 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 875, л. 7.
- 329 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 112, л. 5, 6.
- 330 Д. Н. Логофет. Страна бесправия, стр. 117.
- 331 А. Г. Кишлак. Сарай на Пяндже «Туркестанские ведомости», 1911, 27 ноября.
- 332 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 1761, л. 39.
- 333 Там же, л. 34.
- 334 Там же, л. 20.
- 335 Там же, л. 23.
- 336 Там же, д. 1768, л. 7, 8.
- 337 Там же, д. 1761, л. 15.
- 338 Там же, д. 350, л. 1, 2.
- 339 Там же, л. 16, 1.
- 340 Там же, д. 1771, л. 15.

- ³⁴¹ Там же, л. 12, 14.
³⁴² Там же, д. 1761, л. 4, 5.
³⁴³ Там же, л. 2.
³⁴⁴ Там же, л. 6, 7.
³⁴⁵ Х. Кабиров. Развитие средств связи в Таджикистане. Душанбе, 1965, стр. 13.
³⁴⁶ Д. И. Логофет. Страна бесправия, стр. 95, 96; его же. На границах Средней Азии. Кн. III, стр. 78.
³⁴⁷ ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 365, л. 15.
³⁴⁸ Там же.
³⁴⁹ Там же, л. 22.
³⁵⁰ Там же, л. 28.
³⁵¹ Там же, л. 39.
³⁵² Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии, кн. III, стр. 100, 101.
³⁵³ С. Айни. Воспоминания. М.—Л., 1960, стр. 452.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, 1963, стр. 329.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Историко-географический очерк и административное устройство Курган-Тюбинского бекства.	8
Географическое положение и население.	—
Исторический очерк Курган-Тюбе.	17
Административное устройство.	21
Глава II. Социально-экономическое положение Курган-Тюбинского бекства.	27
Сельское хозяйство.	—
Аграрные отношения.	55
Ремесла.	69
Добыча золота.	72
Торговля.	76
Налоги и подати.	89
Почта.	104
Здравоохранение.	112
Заключение.	115